

ЕЛЕНА КОЛИНА

ПОСМОТРИ, НА КОГО ТЫ ПОХОЖА

ТРИ РОМАНА ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ

Елена Колина

Посмотри, на кого ты похожа

**Серия «Лучшие книги
русских писательниц»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51771888

Посмотри, на кого ты похожа: [романы] /Елена Колина: АСТ; Москва;

2020

ISBN 978-5-17-106467-9

Аннотация

Книги петербургской писательницы Елены Колиной – это, пожалуй, первые женские романы на русском языке, где смеха больше, чем слез, а оптимизма больше, чем горечи. Предупреждаем, читать их в общественных местах не рекомендуется: уморительные сценки из жизни подруг и родных анонимной героини, описания её любовных приключений и всей нашей с вами странной жизни заставят вас хохотать так громко, что это может помешать окружающим!

Содержание

Дневник новой русской	5
Сентябрь	5
Октябрь	55
Ноябрь	119
Декабрь	154
Январь	214
Февраль	270
Конец ознакомительного фрагмента.	305

Елена Колина

Посмотри, на кого ты похожа

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Лучшие книги российских писательниц»

Издательство благодарит литературное агентство «Amapola Book» за содействие в приобретении прав.

[http: // amapolabook.com /](http://amapolabook.com/)

Иллюстрация на переплете – *Ева Эллер*

[Instagram.com/eva_eller_art](https://www.instagram.com/eva_eller_art)

© Е. Колина, 2020

Все права защищены

© Д. Филатов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Дневник новой русской

Сентябрь

1 сентября, понедельник

У меня когда-то была толстенная книжка в шершавом зелёном переплёте — дневник девочки, которая весь школьный год записывала, как дружила и ссорилась с подружками, училась играть на скрипке и получала двойки. Я преподаю в университете, поэтому мой личный дневник каждый учебный год начинается первого сентября и заканчивается в мае, а лето уже за год не считается, лето — это отдельная маленькая жизнь.

Летом я разрабатываю планы своих новых действий, потом ужасно пугаюсь их и тогда использую спец. псих. приём. Если мне предстоит так много дел, что:

1. Я дрожу от ужаса, потому что мне не успеть все сделать.
2. Я дрожу от ужаса, потому что мне не успеть ничего сделать.
3. Я мечтаю забраться под одеяло и там, под одеялом, сделать вид, что это не я, —

то я пишу Список!

Смысл составления Списка состоит в том, что, кроме того, чтобы с закрытыми глазами поводить ручкой по листку бумаги, от меня абсолютно ничего не требуется. Моё подсознание всё давно уже решило за меня и само поставит на первое место самое важное. Следовательно, все остальное можно сделать когда-нибудь потом или не делать вообще.

Например, в прошлом году я решила начать заниматься спортом (отнюдь не для того, чтобы добиться спортивных рекордов, а чтобы похудеть, и это был только один из многих-многих моих планов, потому что я не какая-нибудь дурочка, озабоченная только лишними килограммами, пагубными для моей внешности, а совсем напротив – кандидат педагогических наук, психолог, мать Муры и ещё некоторых зверей). Так вот, когда я написала отдельный Список для занятий спортом, то его пункты подсознательно распределились следующим образом:

1. Есть больше фруктов и овощей (диета по Брэггу).
2. Есть больше сметаны, копчёной колбасы, мороженого и др. вкусного жирного (модная диета по Аткинсу).
3. Есть макароны отдельно от хлеба и картошки (мучное совершенно необходимо в нашем холодном мокром климате, где начиная с сентября уже невыносимо хочется пельменей).

Из данного Списка видно, что нужно есть больше фруктов, овощей, вкусного жирного (осталось только напомнить подсознанию, что оно забыло про шоколадные батончики), а чего можно вообще не делать (например, для пункта «заниматься спортом» подсознательно вообще не хватило места).

Со Списком можно произвести ещё кое-какие манипуляции. У профессионального психолога вроде меня всегда имеются при себе другие глаза, которыми он может внимательно рассмотреть свой Список, и тогда ему становится совершенно ясно, что и первые пункты списка когда-нибудь рассосутся сами собой.

Допустим, мне не удалось похудеть, соблюдая строгую диету (см. Список), но это лишь означает, что подсознание знало, что мне и не нужно было худеть, потому что ему действительно известно: вся эта худоба – изобретение модельеров-гомосексуалистов, не знающих, что пельмени благотворно влияют на настроение. К тому же я из литературы знаю, что у свиней бывает болезнь анорексия: они не хотят есть, худеют... и тощая свинка становится жутко нервной и подверженной любому стрессу.

Но этим летом я никаких Списков не составляла, потому что у меня роман – роман с Романом!

Сегодняшнее утро, первого сентября, началось как обычно – коротеньким бодрым скандалом с Муркой.

– Мура, а почему ты идёшь в школу без портфеля? – поинтересовалась я.

Поинтересовалась осторожно, потому что с подростками нужно обращаться очень тактично – а вдруг Мура подумает, что это покушение на её личную жизнь.

Роман тоже сегодня провожает свою дочку в школу. (Нисколько не страдаю из-за того, что вчера он не пожелал мне спокойной ночи. А сегодня – доброго утра, впервые за два месяца и двадцать три дня.) Глупо расстраиваться, что он сейчас стоит с цветами на школьном дворе рядом с женой! Первое сентября – день семьи.

...Может быть, я не слышала звонка? Проверю мобильный... Никто не звонил. Мобильные телефоны – очень плохое изобретение, подрывающее психологическое здоровье нации. Раньше всегда можно было сидеть у подруги и быть совершенно уверенной, что тебе в это время обрывают телефон. А потом позвонить самой и небрежным голосом сказать, что, мол, мне передали, что ты звонил. Ах, это не ты... ну, меня всё равно не было дома...

Летом у всех каникулы, и у взрослых тоже, а первого сентября начинается настоящая жизнь. И одеваться нужно по-другому – вместо коротеньких брючек и детской футболки из «Манго» пришлось натянуть на себя бежевый костюм. В этом костюме я похожа на собственную бабушку. Откуда он у меня? Купила в состоянии глубокого умопомрачения по поводу осознания себя женщиной за тридцать? Единствен-

ное, что меня утешает, это новые ботинки с длинными пустыми носами, как у старика Хоттабыча. (Раньше считалась красивой маленькая ножка, а в этих супермодных ботинках мой 35-й размер смотрится как 43-й, и вроде бы это модно, а значит, красиво.) Странная мода, но что же делать, если мы с Мурой – две модные продвинутые девушки!

Мура уставилась на меня с неприятным прищуром.

– Ты в этих ботинках как молоденький панк.

Я довольно приосанилась.

– Или старенький рэппер.

(Чёрт, противная Мурка! Ну ладно, я ей тоже покажу, будет знать, как называть меня стареньким рэппером.)

– Мура! Где твой портфель?!

– Лев Евгеньич ночью стырил из холодильника колбасу, – наябедничала Мура, – а Савва Игнатьич сейчас разделывает рыбу под твоей кроватью.

Всё ясно, намекает, что по сравнению с животными она, Мура, ведёт себя очень прилично. Чтобы отвлечь моё материнское внимание от своей особы без портфеля, Мура специальным сердитым голосом закричала Льву Евгеньичу:

– Ворюга! Кто стырил колбасу, я тебя спрашиваю? Ты... ты... ты мне больше не собака!

Лев Евгеньевич в ответ протянул лапу, скромно и ненавязчиво. (Очень интеллигентно с его стороны не обращать внимания на крик собеседника – о какой, мол, колбасе идёт

речь, колбаса – это пустяки, дело житейское.)

– Мурка! Где портфель?!

– Вот. – И Мура показала на крошечную, с ладонь, сумочку, похожую на косметичку.

– А где же у тебя учебники или хотя бы тетради? Кто учится в десятом классе, ты или я?!

Мура вытащила из «косметички» крошечный блокнотик.

– Это – для всех предметов сразу?! Ты... – Я даже не знала, что сказать. – Ты...

– Тебе хотелось бы, чтобы я была отличницей? – подсказала Мура.

Облегчённо киваю. Да, именно это я и собиралась сказать.

– Но тогда у меня будет морда чайником.

Недоуменно спросила:

– Почему чайником?

– У всех отличниц морда чайником, – убеждённо ответила Мурка.

Я тщательно рассмотрела себя в зеркале в прихожей. Вроде бы не чайником, хотя я всегда-всюду отличница. Правда, зеркало старинное, говорят, что эти старинные зеркала очень приукрашивают... Только я собралась быстренько убить Мурку, как вспомнила, что лекция начинается не в десять, как я привыкла, а в девять. (Очень подло со стороны деканата первого сентября ставить мне лекцию с раннего утра, когда я и так грущу по поводу начала учебного года.)

Хлопнула дверь. Решила, убью Муру вечером.

...Где мои лекции? В ящике письменного стола нашла лифчик «Wunderbra», который потеряла навсегда в прошлом году. Лекций нет, примерила этот чудный лифчик, который мгновенно превращает маленькую грудь «В» в приличную «С» или даже пышную «D»!

А-а, вот они, мои лекции, с прошлого учебного года ждут меня тихонечко в мешке с неглаженным бельём.

Зазвонил телефон. Мама. Голос озабоченный, как всегда с утра.

– Холодно, пятнадцать градусов и ветер. Обе наденьте колготки.

– Мы уже в колготках, и в рейтузах, и в валенках, вот только никак не могу найти свою ушанку. Пока, целую.

– Нет, не пока!.. Я сказала – надеть колготки!

Искала колготки и в суете чуть не забыла накормить Льва Евгеньича и Савву Игнатъича. Хорошо, что Савва Игнатъич не даёт себе пропасть – деловито скребёт когтями пол и мяукает так, как будто его не кормили целый год, а ведь только вчера завтракал. Так, в большую миску насыпать большие шарики, в маленькую маленькие колечки. Чёрт, перепутала! Ладно, сами разберутся, кому что. Другие в худших условиях живут, и ничего.

На дверной ручке обнаружила записку: «Мамочка! Вооб-

ще нюх потеряла! Взяла мой крем! И ещё говоришь, что это я его у тебя украла! А мне его папа специально привёз! И кто спёр мои духи? За человека меня уже никто не считает! Забрала все мои ушные палочки! Съела ты их, что ли? Ну ты даёшь. Только успевай следить. Твоя верная дочь Мура».

На первом этаже столкнулась с Петюней. Господи, как же от него пахнет! Как будто это не Петюня, а бачок скисшего вина. Ещё пихает меня своим помойным ведром! Так бы и дала ему! Но всё-таки решила – пусть живёт! Каждый имеет право пахнуть как хочет. Петюня неожиданно замер на пороге и крепко прихватил меня за локоть, обдав жутким запахом. Прилично ли будет помахать рукой перед носом? Боюсь, что нет.

– Ох, и них... себе... – выдохнул Петюня, обводя глазами двор. – Я, блин, две недели из дома не выходил... занят был... а тут, блин, ваще та-ако-ое...

И правда, за те две недели, что Петюня был занят, в нашем дворе словно из-под земли возникла европейская роскошь: двор замостили плиткой, подъезды украсили чугунными козырьками и решётками, а на месте помойного бака возвели фонтанчик. Только он не брызгается.

– Выселять нас будут, – убеждённо пробормотал Петюня. – И тебя выселят. Бандюганы, видать, въехали. Новые русские. А помойка-то теперь где? Или прямо новым русским в фонтан сыпать?

Я махнула рукой в сторону соседнего двора, и Петюня заковылял туда со своим ведром. Приятно дышать свежим воздухом, а не Петюней.

Я издалека улыбнулась своей машине размером с небольшой автобус, радуясь, что Денис такой забывчивый! На вид его-мой «лэндровер» – настоящий джип, не хуже людей. У него даже есть страшный металлический кенгурятник, похожий на оскаленные зубы вампира. На самом деле «лэндроверу» лет двести, и он возродился к новой жизни в руках русских умельцев-эмигрантов в «левом» гараже в Германии, а мне невероятно повезло, потому что:

- 1) Денис пригнал этого никудышного старикана в Питер;
- 2) Пытался продать его сначала за девять тысяч долларов, постепенно сбавляя цену до трёх, а потом вдруг обиделся и начал заново продавать за двенадцать;
- 3) Вообще не смог продать старикана и года три назад временно забыл его у меня навсегда.

Теперь, когда Денис разбогател и заважничал, зубастый старикан ему без надобности, поэтому «лэндровер» так и остался со мной. Он ещё очень хорош собой, несмотря на то, что у него отваливается водительская дверь, а ручка переключения передач примотана к моему сиденью изолентой. Но другие водители не знают, что это джип-муляж, и, уступая мне дорогу, обзывают меня новой русской на танке.

Моя машина упиралась носом в какой-то столбик с цепочкой. Вот люди, совсем без соображения. Ладно фонтанчик, а столбики-то им зачем? Только мешают мне машину ставить.

Кто это стучит в моё окно? Я совсем не могу отвлекаться, когда завожу старикана. У него склочный характер: захочет – поедет, захочет – нет, мне с ним сначала надо пошептаться. Вот я и заискивала: «Сю-сю-сю, ты как сегодня, ничего?..»

И тут стук в окно, противный такой стук, одним скрюченным пальцем.

– Вы поставили машину на моё место!

Невысокий лысый человек в спортивных штанах и джинсовой рубашке, подпоясанный ремнём, на ремне висят кожаные футляры – сумочка, мобильный телефон и ещё много всего. Вроде как портупья. Может быть, он военный? В отставке. Неужели Петюня прав – началось? А мы премиленько жили в замусоленном дворике своей замусоленной компанией. Но ведь наш дом находится на Владимирском проспекте, считай, на Невском... Мы и так долго продержались без – как лучше сказать? Новых русских?

Не люблю я это выражение, «новые русские»... Что-то в нем есть обидное, как будто все остальные – никому не нужное старьё. Я и студентам всегда говорю, что понятие «новый русский» возникло как позитивное, а не как негативное, и обозначало вовсе не анекдотического распальцованного персонажа, а новый для России тип человека, который много работает и мечтает о достойном настоящем и будущем для

своей страны и собственных детей. А все эти анекдоты про гонки на «мерседесах» в малиновых пиджаках и золотых цепях появились уже потом, когда общество продемонстрировало свою категорическую неготовность к демократическим переменам... Ой, черт, опять стучит!

– Это моё место! – нервно прикрикнул на меня Лысый.

Я почти совсем не растерялась и сказала:

– Извините нас, пожалуйста, мы тут с ней всегда стоим... с машиной моей. Очень много лет, года два уж точно. А что?

– А я сюда вчера переехал. Летом квартиру купил, ремонт сделал. И двор заодно. – Лысый гордо повёл рукой в сторону фонтанчика. – И теперь тут будет платная парковка.

– Сколько? – обречённо спросила я, надеясь, что рублей пятьсот в месяц (а вдруг семьсот?).

– Двести долларов в месяц. Вам можно сто.

– Почему это всем двести, а мне сто? – обиделась я.

– На машину вашу поглядел... сейчас будете выезжать, смотрите не рассыпьтесь!..

Обычно люди думают – ого-го, джип, значит, новая русская! А Лысый в португее сразу разобрался!

Между прочим, неприлично так презрительно оглядывать чужую, нашу с Денисом, собственность. Джипа-инвалида, что ли, не видел! И тут я наконец поняла, о чем, собственно говоря, идёт речь. Сто долларов! В месяц! За парковку!

У меня бывает заторможенная реакция на всякого рода неприятности. Обычное дело, если кто понимает – сознание

отключается, чтобы не воспринимать то, что ему не нравится. Решила, сейчас постою за свои интересы! Всего-то и нужно расслабиться, прокрутить в голове все варианты ответов, выбрать самый лучший, взвесить все последствия и в спокойной размеренной манере донести свои взгляды на столонларовую парковку до собеседника.

– Ну ладно, до свидания, у меня лекция, – сказала я, быстро заехала и выехала из двора.

Не поняла, почему все гудят? Оказалось, гудят мне, я просто немного не рассчитала и неуклюже развернулась, мгновенно оказавшись центром клубка машин, никому сзади меня не проехать, впереди тоже, да и сбоку...

Из чёрной «Волги» выскочил водитель и заорал на меня нечеловеческим голосом. Почему он так нервничает с утра? «Тебе на “Оке” надо ездить, а не на танке! – заорал он. – Направо рули, теперь налево!..» Я сделала вид, что старательно кручу рулём в разные стороны. Пришлось ему сесть за руль – мой руль, не свой.

И тут из чёрной «Волги» вышла жена доброго водителя, на вид лет сорока и килограммов девяносто, недовольное лицо. Она не дрожала, не грызла ногти, не трясла руками и не подёргивала левым глазом, но меня, с моим опытом, не обманешь: это стандартный случай – клиент с избыточным весом. Делится всего на два типа:

1. Толстушка, довольна собой.

2. Толстуха, недовольна собой.

Задача психолога (моя) и состоит в том, чтобы привести Толстуху в состояние Толстушки.

Решила, на добро нужно отвечать добром, и пока её муж выруливает меня из пробки, в ответ на его любезность я сейчас помогу ей (быстренько научу сохранять душевные силы, жить в согласии со своим весом, etc).

– Грустите ли вы иногда? – ласково спросила я и, не дав ей возможности ответить, сразу же задала следующий вопрос: – Бывает ли у вас напряжение в области шеи?

Толстуха кивнула.

– Я психолог, – сказала я специальным голосом, каким объявляют «Я врач». – У вас есть пять минут, рассказывайте.

Толстуха оглянулась и принялась рассказывать, не понижая голоса, поскольку нас никто не слышал, потому что вокруг все кричали, ругались и гудели.

– Пока мой муж, подполковник, находится на службе, я очень занята, читаю любовные романы, буквально проглатываю по одному роману в день...

Как интересно жить, столько можно встретить неожиданностей! Я уже приготовила несколько рекомендаций, как смириться с избыточным весом, но Толстуха оказалась совершенно новым, неизвестным мне типом клиента с избыточным весом, и волнует её совсем-совсем другое!.. Начиталась любовных романов и требует от своего подполковника нежных чувств. Хочет от него всяких признаний, и чтобы он

ей нежно дышал в ушко, и это после рабочего подполковничьего дня! Что же делать? Такую проблему, как у неё, не решить и до конца жизни, а уж тем более на проезжей части...

– Вы выпишете мне таблетки? – спросила подполковница.

– Таблетки?

И в этот момент добрый подполковник вежливо крикнул, чтобы я садилась за руль и убиралась отсюда, пока он меня не убил.

– Пока не стоит, лучше так... съедайте перед приходом супруга шоколадный батончик, и вы сможете нежничать за себя и за подполковника, сохраняя гармонию в супружеских отношениях... До свидания, всего вам хорошего!..

(Всем известно, что шоколад повышает количество эндорфина в мозгу, а эндорфин – это наркотик радости и нежности, так что ничего плохого я не сказала.)

– Сколько батончиков? Два?! – закричала подполковница, высовываясь из окна машины. – Два или три?

Лекция (первый курс, аудитория 226) началась пять минут назад, и я бежала по университетскому коридору, то есть очень хотела бежать, но пришлось продираться сквозь студентов, как в метро в час пик.

В нашем университете раньше был дворец Салтыковых, то есть наоборот, наш университет находится в бывшем дворце. Эти дворцовые коридоры хороши для того, чтобы плести интриги, а для нескольких тысяч студентов и меня

они как комариный носовой проход для слона. Зато у нас на балах бывал Николай, всегда забываю, какой именно, и Пушкин поссорился с Дантесом...

...Ф-фу, наконец-то! Аудитория 226, я в ней весь прошлый год читала.

– Здравствуйте, а вот и опять вы! – сказала девочка-круглые очочки с первой парты.

Студенты стучали ногами и кричали: «Ура! Психология! Даёшь психологию!» Была приятно удивлена, раскланивалась во все стороны. Вот так – страна знает своих героев. Я ещё с ними не знакома, а уже разнёсся слух, как меня зовут и как здорово я читаю! Хо-хо!

– Ну, давайте начинать. Я вижу, вы уже знаете, что весь первый курс я буду читать у вас психологию, и даже знаете, как меня зовут...

– Мы второй курс... Вы у нас в прошлом году уже читали, – сказала девочка-отличница-круглые очочки. – Вы, наверное, аудиторию перепутали...

Удалилась из 226-й аудитории, сторбившись и неловко помахивая рукой, как осветитель, сгоряча выбежавший на сцену.

Вслед кричали:

– Не уходите от нас! Мы хотим психологию! Мы вас любим!

Приятно, когда тебя так встречают! То есть провожают.

Как же я мучилась в прошлом году! Они шептались, шуршали бумажками, чавкали конфетами, звонили телефонами, и каждый ещё немножко бубнил себе под нос. Но платное обучение – дело тонкое. Если выгонять всех, кто чавкает и шуршит, можно вообще без студентов остаться.

Наконец нашла нужную мне 302-ю аудиторию. Ух ты, как красиво! Голубой с золотом зал, вид на Неву. Здесь была чья-то спальня, кажется, Долли – внучки Кутузова.

Я сказала все, что полагается сказать первому курсу, поздравила и вообще. Главное, не забыть договориться с ними насчёт мобильных телефонов, а то так и будут непрерывно трезвонить на разные голоса. (Сама-то я мобильный не выключила. Ещё чего! А вдруг Роман позвонит?) Вот, пожалуйста, – на всю аудиторию зазвучал чей-то «Турецкий марш».

– Вы теперь студенты университета, взрослые люди. Как у любого взрослого человека, у вас бывают неотложные дела, по сравнению с которыми наши лекции... – На секунду задумалась. «Наши лекции, что? Чепуха собачья? Не-ет, наши лекции не фунт изюму!» – Наши лекции могут быть для вас не столь важны. Поэтому включайте виброзвонок, и если случится что-нибудь очень-очень срочное и вы почувствуете, что дрожите всем организмом, – пожалуйста, не привлекая к себе внимания, тихонечко выйдите из аудитории.

(В данный момент я сама мечтаю, не привлекая к себе внимания, тихонечко выйти из аудитории, – очень хочу в

туалет. Не нужно было пить утром кофе, кофе всегда действует на меня как мочегонная таблетка.) Терпела, делая вид, что просто очень люблю безостановочно разгуливать по аудитории взад-вперёд...

Минут через пять к нам в аудиторию ворвалась парочка – парень и девушка. Машут кому-то, кивают и улыбаются, как будто они припоздавшие долгожданные гости. А когда они наконец вдоволь наулыбавшись, отправились на свои места, я заметила, что у парня – о господи! – голая попа! Сзади на джинсах огромные дыры, видны загорелые ноги, красные трусы и немного белой попы. А на девушке нет юбки! Или такая маленькая, что мне её не разглядеть. Во мне тут же проснулся строгий и завистливый к чужим длинным ногам преподаватель, и я произнесла:

– Люди общаются друг с другом не только при помощи слов, жестов, мимики, но и на языке одежды. Подумайте, что мы сообщаем о себе своей одеждой?

Аудитория оживилась. Кричат – что, что?! Решила не продолжать, стало жаль эту парочку дураков – сейчас обсмеют их всем потоком.

Лекция закончилась, и я уже мечтала покурить, но местные отличницы-круглые очочки с первой парты волновались – а что же всё-таки сообщает о себе девушка «без юбки»? Девчонки вроде хорошие, спрашивают не из вредности, а из интереса, хотят все знать.

– Если женщина чрезмерно подчёркивает одеждой свою сексуальность, значит, у неё проблемы в этой сфере или вообще комплекс неполноценности. Зачем привлекать всеобщее внимание к своей, например, попе? Ведь попа – это то, что есть у каждого человека.

Всё-таки моя работа – лучшая в мире! Никто-никто не может зайти в аудиторию и сказать – вы НЕ ТАК читаете психологию. Или – вы не имеете права говорить студентам слово «попа». Или – а ну-ка отправьте факс и немедленно дайте кофе в кабинет, да побыстрее.

Роман пока не позвонил. Ничего, позвонит вечером. У нас было такое красивое лето, вовсе не июнь-июль-август... Лето – это маленькая жизнь, особенно в нашем климате.

Вечером поставила машину на своё обычное место. Что я скажу Лысому, что? Может быть, жалостно пробормотать: «Знаете, я одинокая женщина с ребёнком, и вся моя преподавательская зарплата – это сто пятьдесят долларов...» Или нет, лучше презрительно обдать его холодом: «Я живу в этом доме всю жизнь и не собираюсь вступать с вами в отношения по поводу парковки...» Или даже лучше сразу поставить его на место: «Этот двор вам не принадлежит, любезный...»

...Заметила Лысого, но не успела убежать.

– О, привет, привет, как дела?.. – Глупо улыбнулась, старательно помахивая рукой как младенец, которого только

что научили делать «до свидания», и сделала вид, что очень спешу. Потом ему всё скажу.

...Роман не звонит, и это правильно, зачем ему отвлекаться в день семейного счастья и благополучия? Если бы я была замужем, я бы, наверное, осуждала всех, у кого, как у меня, роман с женатым Романом.

...Неужели бы осуждала? Всех, без разбору? А если у этих всех любовь?

Ровно в половине двенадцатого раздался звонок. Это Роман!

Оказалось, Женька. По ней можно часы проверять. У них в Германии программа «Время» идёт на два часа позже, чем у нас, так Женька насмотрится новостей с Родины и ну названивать.

– У вас скоро вообще не будет никакой свободы слова. Я знаю, это всё ваш Путин.

Женька его не любит и меня против него настраивает, а мне хочется верить в своего Гаранта Конституции. Мы учились с ним в одной школе. Он, конечно, старше, но всё равно, мы – однокашники, и он мне иногда снится. Если президент снится женщинам своей страны, можно ли рассчитывать, что всё пойдёт, как надо?

Брежнев мне не снился. Он, кстати, тоже был неплох – как дедушка, но дедушка это что-то по определению поза-

вчерашнее, не идущее с тобой в будущее.

Когда Путина выбирали первый раз, телеведущий предвыборной передачи спросил: «А если бы вам надо было на четыре года уехать из страны, с кем бы вы оставили своих детей?» – И зачитал несколько имеющихся у него вариантов ответа: Путин, Явлинский, Зюганов. Путина на передаче не было, Зюганов призывно выпятил живот, а Явлинский приосанился и заёрзал – со мной, со мной!

Я тогда задумалась. Если оставить присматривать за Муркой Зюганова, то, конечно, она будет сыта, но вдруг по приезде меня встретит моя Мура с добрым большевистским прищуром в глазах? Да ещё зубом начнёт цыкать? С Явлинским не оставлю! Он про Мурку вообще забудет. А с Путиным как раз будет хорошо – встретит меня моя Мура, чистенькая, присмотренная, в белых гольфиках, учится на одни пятёрки и после уроков посещает кружок хорового пения. Загляденье! И на родительские собрания он к ней вовремя ходит. И я тогда выбрала – оставлю Муру с Путиным. Других вариантов «нашу детку покачать» у меня не было.

С Женькой мы быстро обсудили:

1. Мои новые ботинки с мысами.
2. Мой роман с Романом. (Женька считает, ещё не всё потеряно и он сегодня позвонит.)
3. Наше с Женькой материальное положение. Оба наших положения не очень-то хороши: Женьку только что уволили

с должности немецкого бухгалтера, и она получает пособие по безработице. Хорошо, что звонки из Германии такие дешёвые и она может мне звонить без всякого учёта её материального положения, а о своём положении я планирую подумать потом.

Ещё звонок! Это точно Роман! Бросилась на телефон, как Лев Евгеньич на звук высыпаемого в миску корма.

Нет ничего обиднее, чем броситься на звонок Романа, а звонок оказывается мамой, как будто кроме мамы я никому не нужна. Мама интересовалась Муриными отметками. Какие отметки первого сентября, тем более у Муры?! Первые сведения о Муриных успехах поступят не раньше декабря – в декабре меня обычно вызывают в школу. Сказала маме, что Мурка получила пятёрку по литературе и четвёрку по истории.

Может быть, Роман ещё позвонит? Он же знает, что я допоздна не ложусь, читаю.

Звонила Алёна, потом Ольга.

Решила, буду записывать из разговоров с девочками самое интересное, а то мне никакого дневника не хватит. Или лучше просто по очереди. Сегодня очередь Алёны.

Из интересного – Алёна сказала, что они закончили ремонт в новой квартире, приступают к мебелировке и очень

скоро устроят новоселье, но это будет не обычная вечеринка, а **УЖАСНО ВАЖНОЕ СВЕТСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ**. Очень хочу на мероприятие, жаль, что оно будет не скоро – Алёне с Никитой осталось обставить пять комнат и две кладовки.

Ещё (из важного). Алёна очень таинственным голосом сказала: «Я должна посоветоваться с тобой как с психологом...» – и замолчала.

При помощи спец. псих. приёмов её удалось расслабить и разговорить.

Оказалось, дело в том, что Никита весь последний год обращает на Алёну очень мало внимания. То есть она только сейчас сообразила, что весь последний год, сначала-то ничего не замечала, – пока квартиру новую покупали, пока ремонт делали, теперь думают как обставить, то, се, и она и не заметила, что сексуальная жизнь свелась от раза в неделю к... ну, в общем, она не помнит, когда в последний раз было...

– Когда? – строго спросила я. (Психолог как врач должен знать всё.)

Алёна увиливала и пыталась обвинить в отсутствии сексуальной жизни внешние обстоятельства, например пуделя, который спит у них в постели и рычит, когда Никита пытается до неё дотронуться, но это выглядело неубедительно – Никита ростом и толщиной больше шкафа, и я ни за что не поверю, что он опасается карликового пуделя размером с те-

лефонную трубку.

Очень удачно оказала Алёне психологическую помощь со ссылками на специальную литературу.

Однажды я целую неделю страстно увлекалась иудаизмом и прочитала в научно-популярной книге, что в Талмуде сексуальная жизнь расписана строго. Женщина имеет законное право требовать, чтобы муж спал с ней каждый день. Если муж работает, то она твёрдо может рассчитывать на два раза в неделю. Но если её муж погонщик ослов, то ему разрешается спать с женой всего один раз в неделю, ну, а уж если он погонщик верблюдов, тогда он имеет право спать с ней раз в месяц.

Я сказала Алёне, что, очевидно, все дело в различии взглядов – Алёна видит Никиту погонщиком ослов, в то время как сам Никита мыслит себя погонщиком верблюдов и даже хуже.

Роман не позвонил, улеглась в постель с книгами. Взяла у Мурки Донцову, а чтобы Мурка не видела, что я читаю, подложила под неё увесистый чёрный том «Постижение истории» Тойнби. Мурка войдёт, а я – раз! – Донцову под одеяло, и лежу себе с «Постижением истории» как интеллигентный человек.

Но оказалось, что читать Донцову – всё равно что вместо балета в Мариинке смотреть по телевизору «Ментов» и объедаться пористым шоколадом, а я всё-таки потомственный

питерский интеллигент, кандидат наук, проф. психолог.

Читала английский роман из серии «У камина», и мне казалось, что я:

1. Иностранная старушка в седых буклях из середины 60-х годов прошлого, между прочим, века.

2. Бывают старушки живенькие, а я довольно-таки вялая и небольшого ума, зато страшная зануда.

Нет, больше я серию «У камина» не покупаю. Мечтала поменять вялый старушонский роман на неполное собрание сочинений Донцовой в трёхстах томах. Она милая женщина (видела её по телевизору во всех передачах), и графоманит тоже мило. Сидишь себе вместе с ней в уютном мире, где никто не умничает, а варят сливовый компот и чинят ботинки, а ещё её можно читать во сне (можно ли сказать СПЯ?).

Позвонил, позвонил! В 12:35! Сказал так тихо, что я еле расслышала (дома жена и тёща): «Спокойной ночи, любимая!»

...А как теперь, когда лето закончилось, будут складываться наши с Романом отношения в сложных условиях жены и тёщи? Что, если и мне достался погонщик верблюдов?

5 сентября, пятница

В два часа (сегодня две лекции – на первом курсе и на пятом) встречаемся с Романом под часами в университете!

Идти нам некуда – утром у меня лекции, вечером дома Мура, а у него с утра до вечера – жена и тёща. Ничего, погуляем в Летнем саду.

Гуляли с Романом в Летнем саду. Поцеловались под Нимфой, как два школьника, а когда я открыла глаза, то заметила двух моих студентов – очень внимательно меня рассматривали и смеялись, вышло неловко.

Быстренько посчитали с Романом – если я читаю на первом, втором и пятом курсах потокам по сто человек, плюс вечерники и заочники – получается, что меня всегда подстерегает опасность случайно встретить в городе пятьсот-шестьсот человек, при которых я должна хорошо себя вести – не целоваться, не курить, не нарушать правил дорожного движения. Считаю, несправедливо. Что я, не человек, что ли?! Вообще уже жизни нет!

Уже собирались печально разойтись по машинам, но Роман вдруг предложил:

– Поедем гулять на залив.

С Романом всегда есть ощущение – что-то может случиться, и он ужасно нравится мне своей неожиданностью!

Оставили мою машину у Летнего сада и поехали в Ольгино. Погода была совсем летняя, под ногами скрипел серый песок, хотелось присесть с совочком и формочками. С трудом нашли местечко и уселись среди фантиков, пакетов от

чипсов и огрызков. Роман рассказывал про работу. У него есть проект – пакет новых программ, которые он будет предлагать на разные каналы телевидения и на радио. Роман – продюсер, и на его визитке написано: «Продюсерский центр «Авангард». Генеральный директор».

Я раньше никогда не видела живого продюсера, только в титрах голливудских фильмов, и влюбилась в него потому, что он из совершенно другого мира. Невзирая на то, что внешне он совсем не тот тип, который мне обычно нравится.

Я сама бывшего стандартного роста метр шестьдесят пять (теперь по сравнению со своими студентками оказалась просто Дюймовочкой) и очень худенькая, то есть всё время забываю – раньше была очень худенькая. У меня почему-то особенно плохая память на мой вес, и в магазинах я сначала радостно кидаюсь к вешалке с 42-м размером, потом озадаченно перехожу к 44-му, и только потом к 46-му, да ещё производители одежды ужасно подло норовят меня обжулить и сшить 46-й размер таким маленьким, что приходится обращаться в 48-й, а это уже чревато психологической травмой.

Итак, поскольку я бывшая Дюймовочка, мне всегда нравились мужчины начиная с метра восьмидесяти пяти, в крайнем случае восьмидесяти трёх, и такие... с мощным разворотом плеч, крупными руками и подчёркнуто мужественными лицами. А Роман невысокий, узкоплечий, с тонким интеллигентным лицом и даже в очках. Зато продюсер. И самое главное (не для него, для меня), что Роман каждую неделю

появляется на голубом экране!

Сейчас, конечно, не пятидесятые годы, и телевидение давно уже вошло в каждый дом, поэтому этот его телевизионный имидж подействовал на меня совсем не так, как на героиню фильма «Москва слезам не верит», когда она сразу же отдалась какому-то проходимцу с телевидения. Но я тоже раньше никогда не видела живого телеведущего в режиме реального времени! Роман ведёт передачу «Музыка и не только», про музыку и не только.

Роман сказал, что ему со мной очень хорошо, потому что мы не просто спим вместе, а я живо интересуюсь его проблемами, а вот его жена безразлична к его проектам. Я очень мечтаю работать на телевидении и встречаться со всеми этими интересными людьми (уверена, что у них там тоже есть псих. проблемы, и я бы им пригодилась), а жене Романа, наверное, неохота работать на телевидении, и в этом все дело.

– Давай снимем номер в мотеле! – говорит Роман.

О-о! В мотеле!.. Как в кино! Никогда ещё не снимала номер на час в придорожном мотеле. Мне очень понравилось это предложение! Когда мы подошли к мотелю, я вдруг вспомнила, что не собиралась сегодня ТАК встречаться с Романом, а думала, мы просто погуляем, и всё... Что же делать? Неужели теперь, когда у меня появилась потрясающая возможность впервые почувствовать себя проституткой из американского фильма, всё рухнет только из-за того, что на

мне белые хлопковые трусики?!

Трусики белые, лифчик не помню какой, может быть, чёрный, а может, и бежевый... А вот что касается моих ног, то эпиляцию я ещё не сделала. И очень вероятно, что гольфы у меня чуть-чуть разные – один чёрный, а другой прозрачный. Точно сказать не могла, потому что на мне были брюки и ботинки с мысами.

– Как ты думаешь, хозяйка мотеля думает, что мы гонимые всем миром любовники? Или что ты снял меня на час? – спросила я.

Роман сказал, что я себе лышу и уже вышла из того возраста, когда снимают на час...

В номере в шутку немножко подрались и помирились...

Как раз вчера вечером Алёна спросила меня: «Тебе с этим твоим Романом хорошо?» (Она в последнее время слишком волнуется насчет секса.) Я сказала, хорошо. Но ведь всё зависит от того, что такое хорошо и что такое плохо. Мне хорошо, когда меня любят и нежничают со мной.

И между прочим, я знаю от клиенток, которые специально приходят ко мне обсудить свою интимную жизнь, что слухи о женском оргазме сильно преувеличены. Очень многие начали испытывать что-то похожее на страсть только после тридцати, и далее тогда никто-никто не может быть уверен до конца, что это он и есть – тот самый хваленый оргазм. А одна знаменитая художница призналась в своих мемуарах

(мемуары были написаны по-французски), что в её в постели побывали чуть ли не все поэты Серебряного века, и что же?! Оказалось, что от поэтов не было никакого толку, и свой первый оргазм дама испытала в семьдесят шесть лет! Хорошо, что меня с детства учили иностранным языкам, а то бы мне никогда не пришло в голову читать по-французски и я не узнала бы о таком интересном, вселяющем надежду факте.

Роман и не заметил, что трусики белые, а лифчик чёрный, только потом сказал, что ему больше нравятся цветные комплекты. Но я же не виновата! Попробовал бы Роман пожить с Мурой! Мурка страстно kleптоманит все моё, особенно она вороватая на носки и колготки! Что мне остаётся, то и приходится носить... Но в мире есть вещи, которых я не могу понять. Зачем, к примеру, Муре мои трусики на два размера больше, чем её? Если честно, на четыре.

Вечером решила, что сегодня был слишком тяжелый, эмоционально и сексуально насыщенный день, чтобы читать «Постижение истории», поэтому читала новую Маринину. Не детектив, а роман-лонгэтиюд, как я люблю. Больше всего на свете я люблю романы длиной в целую жизнь, и чтобы было много мельчайших подробностей, которые вроде бы лишние, но оказывается, нет.

Читала, пока не во сне не уронила на себя книгу. Почему я так люблю романы? Почему я люблю романы больше, чем «Постижение истории»?

Приснилось, что я писательница и выступаю с речью: «из вариантов “триллер, любовный роман и детектив” я выбрала детектив, и написала “Шерлока Холмса”». Зал аплодирует, и вдруг встает мама с четырехтомником Конан Дойля. Во сне меня мучил вопрос: почему именно мама?

10 сентября, среда

Вернулась из университета в пять часов, мечтая о пельменях.

Только я прилегла на диван с пельменями (немного сметаны, уксус и соевый соус, вкусно), позвонила мама. Спросила:

1. Где Мура (не меньше пяти раз, а я давала разные ответы, на выбор).

2. Какие у Муры отметки (я сказала: пятёрки и четвёрки, завтра для правдоподобия вверну какую-нибудь троечку).

3. Что у нас на ужин (мама хотела получить очень подробный ответ, и я подробно описала различные соусы к пельменям).

– Мам, ты узнала телефоны спортивных клубов? Помнишь, я тебя утром просила?

Я взяла инициативу на себя. Дело в том, что я собираюсь пойти на аэробiku, на шейпинг и на степ. Или на аквафитинг. Ещё есть каланетика. Все зависит от того, в каком из этих названий не требуется танцевать у всех на виду, а можно лежать в углу незаметным тюленем и оттуда заискивающе

улыбаться инструктору.

– Я хоть раз забывала о твоей просьбе?

– О боже, конечно, нет, не то что я!

У меня никогда нет под рукой ни ручки, ни бумаги, зато всюду валяются нитки, напёрстки и ножницы, как будто я не преподаватель, а швея-мотористка или напёрсточник.

– Мам, сейчас. Поищу ручку в Муриной комнате.

В Муркину комнатуходишь, как будто падаешь в шкаф, потому что вся её одежда лежит в Куче на полу. Мурка уверяет, что в Куче всегда строгий порядок. Она с кровати протягивает руку и не глядя вытягивает оттуда именно то, что ей нужно. Где же ручка? Свой старый письменный стол Мурка собственноручно распилила (у ребёнка золотые руки) и выволокла на помойку. Как она умудряется делать уроки, лёжа на кровати? С другой стороны, какие у Муры уроки?.. На кровати ничего нет, только Муркина косметика, драная мочалка и яблочные огрызки. Под кроватью – тоже ничего. Нет, кое-что нашлось: джинсы, моя любимая белая рубашка, книжка «Всё о сексе», апельсиновые корки.

– Мам, сейчас, погоди, не могу найти ручку...

– Я бы её убила за такой бардак! Но ты же ей всё позволяешь!..

Вот и не всё, не всё! Возьму и убью за такой бардак! ...Или не убивать? Вообще-то Мурка ещё очень маленькая, а вокруг неё такой огромный мир с огромным количеством разных вещей... и как в таком случае я могу требовать, чтобы в

её комнате был полный порядок? Наука считает, что у чересчур аккуратного подростка обычно не все в порядке с психикой, комплексы там всякие, то, се...

...Та-ак, на моей белой рубашечке пятна от апельсина...
Понятно, почему она её тут прячет.

Ящик тумбочки у кровати – последняя надежда. Я открыла ящик, а там – ПРЕЗЕРВАТИВЫ. Сердце бухнуло в коленку.

– Мам, я перезвоню.

Видимо, у меня был такой убитый голос, что мама мгновенно начала истерически кричать:

– Что?! Что случилось?! Что?! Что?!

– Ногу свело. Перезвоню.

Я сидела и тупо разглядывала зелёные глянцевые упаковки. На каждой упаковке нарисован огромный динозавр. Это что, намёк?

ВСЁ! Я УПУСТИЛА СВОЕГО РЕБЁНКА. Нужно было её наказывать, щипать, бить и обижать! Можно было бить свернутой в трубочку газетой – не больно, но обидно. Мне советовали наказывать газетой Льва Евгеньича, когда он был маленький, но я не хотела унижать его достоинство.

Я плакала, сидя на Муриной кровати, немножко даже подвывала: «О-о-о! В пятнадцать лет! Что же мне теперь делать?! О-о-о! Пятнадцать лет!»

Перед моим внутренним взором возникла моя дочь Му-

ра, почему-то в лохмотьях и с младенцем на руках. Без кандидатского диплома, без диплома о высшем образовании и даже, кажется, без школьного аттестата. Это я во всем виновата! А кто же ещё?! Я развелась с Денисом, и ребёнок растёт без отца. Был бы отец, он бы ей показал!.. На секунду перестала плакать, задумалась, – интересно, что бы такое мог показать Денис?..

Хлопнула дверь в прихожей. Мура пришла! Так, спокойно, я же психолог. Необходимо собраться и умно повести разговор. Но как, как?! Рыдать и умолять больше так не делать? Пообещать купить белое пальто из «Манго», которое она выпрашивает с лета? Но она и так настоящий пальтовый маньяк – у неё есть пальто длинное чёрное в крапинку, короткое песочное, ещё полудлинное розовое... К тому же белое пальто очень непрактично... Что же мне делать, что?!

– Ты чего воешь на всю квартиру? Песни поешь, что ли? И почему именно на моей Куче?

Я молча, исполненным достоинства и горечи жестом указала на зелёные упаковки в открытом ящике тумбочки.

– А что тебе не нравится? – удивилась Мура. – Хочешь, я тебе тоже дам. Мне что, жалко, что ли?

Вот это да! Я просто прийти в себя не могла! Моя дочь испорченный подросток, а я – мать-преступница! И с работы меня надо выгнать, я не имею права оказывать другим психологическую помощь...

– У тебя что, тоже комары завелись? Ты же говорила, что

в твоей комнате комаров нет. Сама запихнула ребёнка в одну комнату с комарами, и сама обижаешься.

Искоса рассмотрела зелёные пакетики. «Раптор. Новая формула». Ура-ура, действительно пластины от комаров!! Не сразу поверила своему счастью. А на вид вылитые презервативы! Такие... с фруктовым запахом.

Теперь главное – не растеряться.

– Мура! С этой минуты я ввожу новое наказание. – Звучит глуповато, как будто у нас в семье уже имеется приличный набор наказаний – не очень старое, старое и очень старое! – Я не разговариваю с тобой за беспорядок в комнате час... Нет, двадцать минут. За покраденную белую рубашку я не разговариваю с тобой ещё двадцать минут. – Всё вместе сорок минут. По-моему, по-божески.

– А можно пятьдесят минут с перерывом на рекламу? Хоть сериал спокойно посмотрю. Ладно, мамочка, только не надо делать вид, что это не ты, а настоящая мать!

Я пробиралась к выходу по свежепротопанной тропке между джинсами и свитерами, а Мура продолжала меня воспитывать:

– Все матери как матери. Посмотри на Ирку-хомяка, просто загляденье! В длинном пальто, сверху покрашенные губы, снизу каблук. – Мурка показала руками, где у настоящих матерей верх, а где низ. – А ты! Стоишь тут в солдатских ботинках и клетчатых штанах до колен. Ты небось и в университет так ходила?

– Нет, ну не то чтобы... – увильнула я от ответа. – Но, коварная Мурка, ты же сама сказала, что это чудные штаны и в них можно всюду пойти!..

– Всюду, где нет людей!

– Мура-дура.

Я чувствовала себя очень счастливой. У нас с Мурой всё идёт как надо, у меня Роман, а у Муры нет презервативов!!!

Вечером позвонила Ольга. Мы не разговаривали несколько дней, потому что Ольга была на двух пресс-показах, потом делала репортаж на Ленфильме, потом посещала Лежачего. Собирается на фестиваль от своего глянцевого журнала, радуется жизни, несмотря на то, что никогда не была замужем!!!

Причины того, что Ольга не замужем:

1. Потому что киножурналистка хочет выйти замуж только за актёра или режиссёра.

2. Актёры кино все глуповатые или голубоватые. (Ольге лучше знать.)

3. Режиссёров мало и на всех не хватает. (У некоторых людей вообще такая планида, что им лучше не стоять в очереди. Например, когда-то давно, ещё в университете, мы с Ольгой стояли в очереди за чудными югославскими колготками, так вот – именно на нас колготки закончились, а что уж говорить о режиссёрах! Не удивляюсь, что Ольге не хва-

тило.)

Сегодня Ольга была так довольна жизнью, что даже пыталась нарушить наши две договорённости. Первая – не пересказывать мне сюжеты фильмов, которые она смотрит, потому что она журналистка и смотреть кино – её работа, а я – зрительница и не очень-то люблю кино. Вторая договорённость – не говорить мне про Лежачего больше десяти минут подряд.

Так вот, Ольга опять перечислила все преимущества работы в модном глянцевом журнале и преимущества своего Лежачего.

Преимущества работы:

1. Очень приличная зарплата.
2. Гонорары за отдельные материалы.
3. В редакцию можно являться к часу дня, а то и вообще не приходить.

Преимущества Лежачего:

1. Гений. (Прямо сейчас творит гениальное произведение – новое слово в области литературы, музыки и геополитики.)
2. Возможно, очень скоро встанет. (Лежачий не выходит из дому уже много лет, потому что творит и потому что всегда находится какая-нибудь дура, которая приносит ему на дом еду и сигареты. Для меня загадка – что он может предложить в ответ. Секс? Но для этого все же необходимо хоть немного привстать с дивана... Со стороны Лежачего совсем неглупо вести душеспасительные беседы в обмен на продук-

ты питания и сигареты: секс нужен не всем женщинам, зато всем хочется, чтобы их внимательно выслушали или хотя бы сделали вид.)

3. И начнет зарабатывать много денег режиссурой разных театральных проектов (не понимаю, почему именно режиссурой, – ведь у Лежачего нет никакого высшего образования и куда-то потерялся школьный аттестат).

4. Очень тонкая душа, которой Лежачий исключительно хорошо понимает Ольгу.

Я тактичный человек, поэтому не стала навязывать Ольге своё мнение о Лежачем, только спросила, что именно дают ей эти странные отношения. Может быть, чувство защищённости и уверенности в будущем? Ольга многозначительно проговорила, что я ничего не понимаю, и Лежачий даёт ей ДРУГОЕ. Что?

18 сентября, четверг

Утром проснулась с неприятным ощущением, что непременно должна сделать что-то по хозяйству, чтобы больше к этому уже не возвращаться. С трудом вспомнила, что именно – решить вопрос с деньгами. Что мне делать – работать и зарабатывать или отобрать и поделить?

1. Работать и зарабатывать. Работать и зарабатывать?

Зарплата за сентябрь будет только восьмого октября, шесть тысяч рублей.

Что ещё насчёт работать и зарабатывать?

Я очень надеюсь на консультирование. После того как люди соберут урожай на своих дачных участках, они обнаружат, что у них поднакопилось проблем, и начнут искать психолога, то есть меня. Только пусть у них будут не особенно сложные проблемы, потому что, во-первых, я от всей души желаю им всего самого наилучшего, а во-вторых, боюсь, что со сложными проблемами я не справлюсь.

2. Отобрать и поделить. Отобрать и поделить?..

Отобрать я имею в виду у Дениса, поделить тоже между мной и Денисом. У нас с ним чудные отношения, пока дело не доходит до денег, то есть алиментов.

Какое мерзкое слово «алименты»! Лучше буду называть эти его двести долларов... ну, например, «вспомоществование».

Долго не могла дозвониться Денису, а когда наконец линия освободилась, повесила трубку. А вдруг к телефону подойдёт Алла? Почему-то не хочу с ней разговаривать, когда собираюсь просить у Дениса денег. В остальное время, свободное от выпрашивания, мы с ней подружки.

Но, с другой стороны, почему я должна её бояться? В смысле денег. Я же не для себя, и вообще, он обязан.

Лучше я позвоню Денису на мобильный.

– Денис, привет, это я!

– Слышу, что ты. Привет.

Голос нерадостный. Откуда он знает, что я звоню не про-

сто поболтать?

– Ты забыл про деньги за июль и август. И за сентябрь бы тоже неплохо.

– Сегодня только восемнадцатое сентября.

– А зато август уже закончился, и июль гоже, – скромно напомнила я.

– Я, между прочим, живу в Германии, а не на соседней улице! Мне каждый раз надо просить, чтобы кто-нибудь передал!..

Сейчас он небрежно переведёт разговор на что-нибудь другое.

– А как вообще дела? Как Мурка? Машина-то ездит?

Рассказала про Мурин портфель, новый двор, отваливающуюся дверь в машине. И вскользь, как бы между прочим, напомнила:

– Так ты не забудь про деньги. И за сентябрь тоже. – Теперь надо прикрикнуть. – Денис! Ты меня слышишь?!

Почувствовала, как от моего окрика Денис подобрался. Хорошо бы он придерживался этой привычки ещё лет десять, пока Мурка не станет сама себя содержать. Или, по крайней мере, не начнёт сама для себя просить.

– Откуда у меня такие деньги? За три месяца сразу? – меланхолично задал вопрос Денис. – Ты что думаешь, я миллионер? Может быть, ты считаешь, что моя квартира в дорогом районе ничего мне не стоит? Или два «мерседеса» – их, по-твоему, мне даром дали? А отдохнуть в пятизвёздочном

отеле надо человеку три раза в год или нет?! А у нас с Аллой вся одежда, даже домашние тапки, от Версаче. Ты хоть представляешь, сколько это стоит?!

Когда Денис рассказывает про свои горести, я могу думать о своём. Главное, не забыть громко сочувственно вздохнуть. Спросила только:

– Может быть, тапки можно не от Версаче? Давай я здесь куплю Алле тапочки из овечьей шерсти, очень хорошенькие... всё экономия...

– Ты не понимаешь, – с ласковой безысходностью сказал Денис. – Мы с Аллой обязательно должны быть в тапках от Версаче, иначе все решат, что у меня плохо идут дела...

Я опять вздохнула и сказала, что понимаю.

– Ничего, – с надеждой в голосе проговорил Денис, – когда-нибудь Мура выучится, начнёт много зарабатывать и сама будет меня содержать.

– Не хочу тебя расстраивать, но у неё свои планы. – Неприятная часть разговора была закончена, и я уже приободрилась. – Мурка сказала, что будет долго учиться, очень-очень долго. После института – аспирантура, потом докторантура, потом профессорантура...

Денис вздохнул. Он знает, что его дочь Мура на всё пойдёт, чтобы не работать, даже на то, чтобы ещё лет десять обучаться первым попавшимся наукам.

Денис вовсе не жадина-говядина, а, наоборот, очень щед-

рый человек – ему ничего не жалко для себя, а когда мы жили вместе, ему было ничего не жалко для меня. Он мог потратить последние деньги мне на кофточки и тут же, абсолютно счастливый, присматривал мне к этим кофточкам новые юбочки. Потому что мои новые кофточки и юбочки были у него «для себя». А теперь у него «для себя» Алла в тапках от Версаче, Муру он любит и гордится, но уже все, она – не «для себя». Мурка – вынужденная статья расходов, вроде счетов за свет и телефон. Платить не хочется, но и сидеть в темноте без телефона тоже не вариант.

Но ведь и я отнюдь не образец бездумной щедрости, сметающей на своём пути все преграды здравого смысла – например, ужасно жадничаю на книги. Когда кто-нибудь просит почитать мою книгу, я прежде всего делаю вид, что не расслышала, потом говорю, что я точно знаю – эта книга потерялась. Если же всё-таки приходится отдавать свою книгу в чужие руки, то я моментально забываю всякие приличия и начинаю причитать: «Жалко мне книжечку мою, ой, как жалко!» В общем, у меня самой по части жадности рыльце в пушку. Денис же не виноват, что у него Мурка не для себя... Придётся мне просить ласково. Ничего, на то я и мать, – попросишь-попросишь, и выпросишь.

Денис ещё раз вздохнул, особым интимным вздохом. Сейчас начнёт жаловаться на Германию.

– Как же мне осточертела эта Германия! Тоска, общаться

не с кем. Твёрдо решили – вернёмся в Питер.

Денис с Аллой как чеховские сестры, вечно стонут – в Москву, в Москву (то есть в Питер)!.. Потому что у нас в Питере театры и вся необходимая им остальная культура. Например, Донцову и Устинову можно купить сразу же, как только они выходят, а так им приходится ждать, пока я пришлю. Женька вот тоже подвыывает, что в Германии ужасно скучно, а в плохие минуты кричит – к черту Германию, вернусь домой! Никто не вернётся.

Когда Женька переехала в Германию, я решила, что и мне надо, и стала приставать к Денису, что мы должны уехать, ради ребёнка Муры, и так далее по списку, что в таких случаях говорят. Он кричал мне, тоже по списку, – что в его пожилые годы за тридцать нечего делать в чужой стране и что он не намерен все начинать с нуля ради моих нездоровых отношений с Женькой. Не в смысле, что мы лесбиянки, а в смысле, что такие большие девочки, как мы, должны научиться жить в разных странах.

А потом, в результате череды очень сложных драматических событий, которые я сейчас толком не могу припомнить, Денис уехал в Германию, а мы с Мурой остались в Питере. Денис считает, что это я его бросила. То ли отказалась с ним уехать, то ли, наоборот, отказалась остаться в Питере.

Зато из Германии дёшево звонить, и Женька звонит по несколько раз в день – то мне, то Мурке. А мы с Мурой ча-

стенку гостим у неё и объездили уже все окрестные страны на маленьком дешёвом автобусе. Есть такие туры – «Вся Европа за сорок минут», чудная вещь, если у кого мало денег и длинный любопытный нос, который он хочет сунуть в каждый встречный замок или собор.

– Алле привет передай. Пусть позвонит мне вечером. Пока, целую.

Алла и без моего приглашения позвонит. У неё, кроме меня, подруг нет. Алла давно живёт в Германии, всех питерских подруг давно потеряла, а новых не нажила. Эмиграция – жуткое дело в смысле дружбы, потому что взрослым людям непросто подружиться, а поссориться почему-то, наоборот, очень легко. Вот ей и приходится дружить с кем попало, даже с первой женой своего мужа. Я с ней тоже дружу, и мы всей семьёй – с Муркой, Денисом и Аллой – вместе веселились в НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОМ УЖАСЕ – Диснейленде.

Именно там, в Диснейленде, у меня и открылись на неё глаза – вовсе Алла не мой родственник, как я привыкла считать, а скорее друг или даже просто хороший знакомый...

В Диснейленде Алла затащила меня в какой-то поезд, который уходил в небо, хитростью усадила в кабинку и сказала – не бойся, здесь совсем не страшно. А я же вижу и нюхаю – здесь уже кого-то до меня тошнило, и понимаю, что надо спастись. И тут кабинка ка-ак поскакала по горам, ка-ак зауха-

ла жутким воем! Я поняла, что кричать бессмысленно, – всё равно не спастись, поэтому я заплакала. Когда мы приземлились, Алле пришлось вызывать местного врача, чтобы он вынул меня из этой чёртовой карусели и уговорил открыть глаза.

Иногда я думаю (но только в очень-очень плохие минуты, когда мне кажется, что моя жизнь полностью не удалась), что Алла со мной дружит не потому, что я такая классная первая жена, а потому, что я рассталась с Денисом, а теперь у него – два «мерседеса», квартира в центре Европы и Алла в тапках от Версаче. Я так думала два раза.

...А что здесь такого, у каждого человека бывают тайные гадкие мысли, в которых ему стыдно признаваться! На самом деле это неправда, и Алла просто со мной дружит.

19 сентября, пятница

Днём ездили с Романом в Ольгино. Сегодня было не так волнующе, как в первый раз (даже самое интересное приключение когда-нибудь становится рутиной). Совсем не как в кино, а просто два не очень юных человека, которым негде встречаться, снимают номер в дурацком мотеле, а лучше бы они сидели у себя дома, пили чай и смотрели программу «Время»...

По дороге в город Роман вдруг стал ужасно несчастный и сказал, что совсем не хочет ехать домой, что мне гораздо легче, потому что моя жизнь с концом лета не изменилась –

мне не надо вдруг привыкать к тому, что совершенно чужой человек толчётся у меня под ногами.

Странно, когда жену называют «совершенно чужим человеком». Возьмём, к примеру, Дениса. Он, хоть и бывший муж, но не чужой мне человек, а очень даже близкий родственник. А у Романа такое количество невостребованной нежности, как будто он не взрослый мужчина, и не было у него когда-то свадьбы с кольцами, фатой и походом к Вечному огню. История его брака обычная, такая же, как у всех. Институтский роман, первый невнятный секс. Вроде это и есть любовь, и надо немедленно жениться. Потом ребёнок, потом спохватился – ой, а где же она, любовь? Какая-токая любовь, нет никакой любви. Начались любовницы. А теперь я. Не любовница, а любовь. (Это не я много о себе понимаю, он сам так сказал.) А разве у нас было по-другому? На первом курсе мы, ленинградские девочки, осматривались, чуть-чуть высовывая свои нежные носики из детской жизни. На втором и третьем тоже. А к концу третьего курса вдруг заметили, что наши провинциальные сокурсницы уже успели выйти замуж, за наших, между прочим, личных ленинградских мальчиков. И тогда мы стали нервничать и торопиться, потому что если кто в двадцать лет ещё не собирался замуж, то мог уже вполне считаться старой девой. И мы суетливо приглядывали себе мужей и хищно вцеплялись в тех, кто поближе, а в результате у всех все оказалось одинаково – в двадцать лет свадьба в фате и с куклой на капоте, в два-

дцать один ребёночек. А лет так в двадцать пять, когда наши молодые родители уже смирились с тем, что они бабушки-дедушки, и были готовы сидеть с нашими детьми, мы в первый раз влюблялись.

Мы забрали мою машину от университета и на двух машинах поехали к моему дому. На Невском развернулись параллельно, как будто мы все ещё в любви, а затем я его немножко обогнала!

Долго целовались в машине во дворе напротив нашего дома, чтобы Мурка случайно не увидела, а на прощание Роман опять немножко жаловался на жену. А кому же ещё ему рассказать, если я – самый близкий ему человек?!

Я, как проф. психолог, понимаю, что в несчастной семейной жизни не может быть виновата только его жена, а сам Роман – натуральный ангел, случайно слетевший на землю прямо в мои объятия. И что так положено – рассказывать любовнице про жену плохое. Он же не может говорить мне: «Ах, она у меня такая душечка!»? Но Роман рассказывает такое, что вряд ли придумал бы нарочно, даже если бы он очень хотел меня разжалобить.

Говорит, что его жена недобрая, разогнала всех его друзей и давно уже не хочет с ним спать. Все женатые любовники моих подруг утверждают, что они сами своих жён не хотят, а один настолько набрался наглости, что сказал, что спать

с женой – всё равно что полоть грядку с укропом: работа кропотливая, скучная и неблагодарная.

Но вот как раз Роману я верю! Мужiku очень трудно сказать, что жена не хочет с ним спать!

– Слушай, а откуда взялся ребёнок, если всё так запущено?

Роман пожал плечами и сказал, что точно не знает. Может быть, ему удалось подсыпать ей в чай снотворное? Говорит, что жена не разговаривала с ним почти всю беременность.

А ведь не разговаривать совсем не интересно! Я, к примеру, все девять месяцев вела постоянный репортаж о своём самочувствии для всех, кого удавалось заставить слушать! А врач в роддоме попросил меня помолчать хотя бы во время родов.

– Она только у входа в роддом заговорила. Повернулась ко мне от двери и сказала: «Зря мы с тобой это затеяли», – со свежей обидой произнёс Роман.

Странно! Ребёнку же надо с радостью рождаться, а она – «Зря»! Бедный Роман!

– И ещё... она дочку наказывает.

– Это она молодец! Наказание – необходимая часть воспитания, – заметила я. Это кто-то умный сказал, не помню кто. Макаренко, Песталотци, В.И. Ленин? Я так давно мечтаю Муру наказать. Только до сих пор не могу остановиться на виде наказания, хотя мне и пришлась по вкусу идея бить её свёрнутой в трубочку газетой...

– Она с ней не разговаривает. Может три дня не разговаривать. Скажи мне как психолог...

Как психолог я бы её укусила! Зачем люди рожают ребёнка – чтобы любить и беречь или чтобы страстно наказывать? Я быстренько приняла лекторский вид:

– Многие женщины, подсознательно склонные к жестокости, выбирают молчание как способ наказания мужей и детей. Сильнее способа пролонгировать конфликт не существует. Не разговаривать с девятилетним ребёнком!!! Более жуткого насилия просто нет! Ты ей скажи, что так с девочкой нельзя!

Оказывается, она и с Романа тоже очень строго спрашивает за каждую провинность. Тут другие ставки. За мелкую провинность – забыл купить хлеб или прошёл в комнату в ботинках – день молчания, за крупную – например, приехал на дачу в субботу вместо пятницы – до двух недель, по курсу. Рекорд молчания – месяц.

– Да? А зачем молчать? Мне всегда хотелось доскандальить... – рассеянно сказала я, и мы начали прощаться.

Было ужасно жалко расставаться, просто невозможно! А если бы (может же человек помечтать!), если бы... не я к себе, а он к себе... а мы вместе ко мне.

Хм, вот так, прямо сейчас – ко мне? У меня вообще-то не убрано... И ещё я устала от такого накала чувств и хочу просто поваляться на диване, может быть, даже не сняв ботинок. Но ведь если бы мы жили вместе, такого накала стра-

стей не было, а был бы нормальный семейный вечер. Мне бы не было так одиноко. Вот, например, сейчас Муры нет дома, и мне вот-вот может стать очень одиноко, как только я немножко поваляюсь на диване в ботинках... А так у нас будет нормальный семейный вечер. Сначала Роман захочет ужинать. Кстати, сегодня у нас на ужин супервыбор: пельмени «Дарья», киевские котлеты «Дарья», блинчики с творогом «Дарья». Может ли быть, что он не такой страстный любитель «Дарьи»? Тогда придётся варить ему суп. (Мы с Муркой вообще не любим настоящую еду, мы любим сухарики с колбасой, паштетом и сыром. Особенно мы любим камамбер и копчёные сырны палочки. А многие мужчины хотят вечером получать полный обед – первое, второе и компот. Надо посмотреть, продаётся ли в нашем магазине замороженный суп «Дарья».)

После ужина-обеда Роман будет смотреть телевизор, а телевизор будет орать, громко. (У мужчин слух устроен не как у женщин, они любят, чтобы было громко, а я при звуке чуть громче шепота прямо на глазах превращаюсь в собаку Баскервилей.) А вдруг он скажет: «Ты болтаешь по телефону уже два часа»? Или: «Прекрати читать в постели»? Надо как-нибудь незаметно выяснить, мешает ли ему свет. Зато мы всегда будем рядом, и мне не будет так одиноко.

А мне и так не одиноко. Нормально мне! Я давно подозревала, что все истории про горькую жизнь заплаканных одиноких женщин сильно преувеличены. Это не важно, есть ли

у тебя муж, важно, есть ли у тебя жизнь. Вот я – сейчас сварю пельмени, вечером подружусь с Мурой, потом немножко поговорю по телефону с мамой, Женькой, Иркой, Ольгой и Алёной. Затем буду читать новый детектив Акунина... то есть «Постижение истории». Моя жизнь на сегодня полностью устроена, и омрачает её только неотступное беспокойство – позвонит ли Роман пожелать мне спокойной ночи.

Октябрь

2 октября, понедельник

С понедельника всегда начинается новая жизнь, поэтому я очень твёрдо решила прямо сегодня сказать Лысому, что не собираюсь платить за парковку сто долларов.

Кралась по двору к машине, оглядываясь по сторонам. Поймала неодобрительный взгляд Лысого – он заметил меня из окна и быстро-быстро выбежал во двор.

Но ему меня не победить – сейчас я пушу в ход весь свой профессиональный психологический арсенал. Самое важное для того, чтобы общение было продуктивным, – это правильно войти с человеком в контакт. А то многие люди уже заканчивают общение и даже уже успели поссориться, а в контакт так и не вошли. Совсем не то мы, психологи.

Неотрывно смотрела Лысому в глаза и улыбалась.

– Чего это вы на меня так уставились? – подозрительно спросил Лысый.

Вот дурень, не фига не понимает, что я вхожу с ним в контакт по всем правилам психологической науки. Для хорошего контакта необходимо принять в точности такую же позу, как собеседник, поэтому я широко расставила ноги, втянула голову в плечи, а руку заложила за спину, как будто у меня там пистолет.

– Ты чего, издеваешься? Передразниваешь меня? – заур-

чал Лысый.

Мы, психологи, как правило, легко можем поймать ощущение неясной угрозы, исходящей от собеседника, поэтому я отступила к подъезду, не переставая улыбаться и преувеличенно радостно помахивая рукой. Очень скоро решу проблему с Лысым раз и навсегда. ...Хотя, если проблемы не решать, они как-то решаются сами: или передумают с этой платной парковкой, или вообще ишак сдохнет... Нет, Лысый-то пусть живёт, я в том смысле, что он про меня забудет.

Ровно в двенадцать часов, когда выстрелила пушка на Петропавловке и я, как обычно, испугалась, что неожиданно началась война, всех преподавателей сняли с занятий и срочно собрали на внеочередное заседание кафедры. Завкафедрой пришла без лица, а старенькие преподаватели сидели и боялись, что принято внезапное решение их уволить.

Оказалось, что никого не увольняют, просто у нас ЧП. Трое наших студентов-второкурсников арестованы за распространение наркотиков в особо крупных размерах. Сказали, что срок чуть ли не двадцать лет. Когда назвали фамилии, я громко вскрикнула на всю аудиторию: «Не может быть!» Один из них – мой студент, ужасно симпатичный мальчик с породистым лицом и чистыми глазами, совершенно точно, что из хорошей семьи. Весь семестр сидел на первой парте и задавал умные вопросы. В прошлую сессию он получил у меня на экзамене четыре, расстроился и приходил

пересдавать на пятёрку. Неужели для него распространять наркотики в особо крупных размерах такое обыденное дело, вроде как в выходные подработать официантом, что он совсем не волновался и не боялся, и для него, распространителя наркотиков, было важно – четыре или пять по психологии? Теперь его посадят в тюрьму. Как он мог?! Ужас-ужас-ужас! Так расстроена, что чуть не забыла, что мне необходимо очень срочно сделать педикюр и эпиляцию. Завтра я встречаюсь с Романом, а волосы на ногах растут быстро, в отличие от короткой стрижки, которую потом приходится отращивать годами!

Читала лекцию и никак не могла сосредоточиться на психоанализе, потому что внимательно рассматривала студентов и все думала, скольким из этих мальчиков и девочек трое пытались... распространить... Металась между рядами и подозрительно вглядывалась, не плывут ли у кого глаза.

– Что это с вами, может быть, вам нужно выйти? – сочувственно спросили меня студенты.

Я сказала, что всё в порядке, кроме одного неизвестного им ужасного случая, о котором я не имею права сказать: трое наших студентов распространяли наркотики, и задала встречный вопрос:

– Кто из вас считает, что тяжёлые наркотики – плохо, а лёгкие – ничего страшного?

Половина аудитории подняла руки.

– Вы дураки, не понимаете, – горячо начала я, – если че-

ловек принимает лёгкие наркотики, это значит, что он уже ПЕРЕСТУПИЛ и дальше ему уже не так страшно сделать следующий шаг. И ещё, самое главное – он уже поймал кайф и теперь никогда не забудет, какое голубое было небо, когда он... ну, сами понимаете...

Рассказывала про то, какие у человека бывают способы защиты, не в смысле что палкой или пистолетом, а психологические. Самый главный – отодвигание от себя неприятных мыслей, как будто картинка становится все меньше и меньше, пока совсем не исчезнет... Ужасно нервничала, хотела, чтобы они поняли – когда один разочек делаешь что-то плохонькое, уже гораздо, гораздо легче сделать что-то очень плохое! Попросила поднять руки тех, кто понял и согласен. Подняли руку два человека. Это очень мало. С другой стороны, если считать на живые души, – две души все же не так плохо.

Въехала во двор, размышляя, как бы хорошенечко припугнуть своих студентов и спасти ещё хотя бы несколько душ, и тут вспомнила: педикюр! эпиляция!

На Пушкинской, если пройти дворами, недалеко обнаружила салон красоты «Нимфа». Салон престижный, и педикюр у них тоже соответствующий, но я решила быть настоящей женщиной, которой для себя никаких денег не жалко. Я всегда делаю педикюр осенью и зимой, потому что меня очень радуют тайные яркие бусинки лака под колготками и

ботинками. А маникюр мне почему-то делать не интересно, хотя руки с короткими, как у первоклассницы, ногтями у меня всё время на виду, и за сессию я подписываю ими по сто зачёток в день.

У девушки на груди бейдж «Татьяна – мастер по педикюру и маникюру». Ну почему, почему все Татьяны такие тщательные? Неужели нельзя – раз-раз, и всё?! Мечтала сбежать с одной напедикюренной ногой. Девушка спросила меня, можно ли ей выбрать лак на свой вкус. Лак на её вкус оказался ужасным, ярко-малиновым. Татьяна очень строго велела мне сделать ещё и маникюр и учила меня, как следить за ногтями. Это очень просто, надо только на ночь протирать ногти тоником, бальзамом и эмульсией, мазать кремом (для разных ногтей свои жидкости и свой крем) и пить специальные витамины для роста ногтей. Я постеснялась спросить, зачем растить когти как у коршуна, – ведь мы же ими не защищаемся и не добываем пищу, но вовремя догадалась, что ногти – её заработок, чем больше ногтей, тем ей лучше. Взамен рекомендаций по ногтям я дала мастеру по педикюру и маникюру психологический совет – как ей быть с ребёнком-двоечником. Сказала, пусть не расстраивается, двойки у мальчика – это нормально, даже очень хорошо, пусть радуется, что у неё растёт настоящий мужчина – свободный и независимый. Оказалось, у неё девочка.

После педикюра делала эпиляцию, очень-очень больно!

Просила косметолога оставить немного волос сзади и сбоку, но она не разрешила, потому что все надо делать как следует, а не шалей-валяй. Чтобы отвлечь меня от боли, рассказывала про возможные методы омоложения меня. (Неужели я так выгляжу, что?!)

Массаж лица с витаминной масочкой, улучшает цвет лица, подтягивает кожу. Десять сеансов, сеанс 400 рублей. (Уверена, что я этого достойна.)

Микротоки, улучшают и подтягивают лицо. Десять сеансов, вместе с массажем, 950 рублей. (Неужели я этого достойна?)

Мезотерапия, улучшает сразу все, буквально даже на глазах вырастают новые длинные ноги. Оказалось, один укол стоит 2000 рублей, а нужно пять уколов.

Итак, за 10 000 тысяч рублей в мою личность введут какой-то коллаген, и при этом нельзя исключить вероятность, что со мной произойдет то же, что с нашей соседкой Ирккой.

Мы с Ирккой учились в одной школе. Школа была химическая, и такая её специализация сильно повлияла на Иркино самосознание. Ирка считает себя веществом в пробирке. Взвешивает себя, выпаривает, выпадает в осадок, нагревает, сушит и взвешивает сухой остаток. Прошлой осенью Ирке пообещали, что она будет выглядеть как Катрин Денёв, и тогда Ирка вшила золотые нити. Зимой оказалось, что на морозе нити просвечивают и Иркино лицо получается в клеточку. В этом году обещают тёплую зиму, так что Ирка не

очень расстраивается. Но по-настоящему слабое место у Ирки – носогубные складки, и не потому, что они у неё отличаются какой-то особенной глубиной, – просто ей так кажется. Ирка – сторонница кардинальных решений, но решить вопрос со складками раз и навсегда ей пока не удалось. Этим летом она залила в них специальный очень дорогой гель и жутко переживала, что гель действует всего полгода. А этот гель взял и протёк дальше в Иркины щеки, преимущественно в правую. Я думала, у неё флюс, а оказалось – гель.

Похожая ситуация случилась у меня в десятом классе на уроке химии. Надо было капнуть в пробирку одну маленькую капельку («Только одну!» – кричала химичка), а я случайно или нарочно бухнула сразу много, и из пробирки полезла страшная чёрная пена, а я все продолжала лить как заворожённая, пока химичка не схватила меня за руку и не поставила в угол. Постой, говорит, тут в углу, отдохни от эксперимента, а то ты что-то слишком перевозбудилась. И там, в углу, я поняла, что за этой химией нужен глаз да глаз.

Но у Ирки нет времени постоять в углу и подумать, поэтому теперь ей приходится откликаться на Мурино: «Ираклетчатый хомяк» (сокращенно Ирка-хомяк). Мура состоит с ней в чересчур коротких отношениях. Ирка сама её распустила и позволяет фамильярничать, и теперь тут ничего нельзя поделать. У меня этот collagen тоже может поплыть, куда ему захочется. В глаза?! Буду как свинья с заплывшими глазками. А если в нос – нос отвиснет как белый гриб-пере-

росток... Может быть, мне повезёт и гель поплывёт в уши. Буду тогда носить свитер с высоким горлом.

Косметологу я тоже дала психологический совет. Её друг хочет отдыхать осенью в Турции, а она зимой кататься на лыжах. Посоветовала им ехать в Турцию зимой: открыли горнолыжный курорт со склонами прямо на пляже. Я почти уверена, что где-то об этом слышала.

Нет, мне никогда не расстаться с Татьяной – мастером по педикюру-маникюру! Я забыла у неё кольцо. Искали всем салоном, вызвали уборщицу, администратора, и некоторые клиенты в предвкушении скандала тоже с удовольствием присоединились. Кольца нигде не оказалось. Администратор салона хотела вызывать милицию, а я её отговаривала ленивым голосом:

– Да бросьте вы, девочки! Из-за стекляшки милицию вызывать!.. Хотя... всё-таки память, в пятом классе с подружкой в галантерейке купили... Может, милиция и найдёт...

Кольцо молниеносно, как в мультфильме, обнаружилось на полу. Бриллиант в потемневшем серебре. Бриллианты старой огранки – вылитые стекляшки, потому что раньше их не умели обрабатывать. Это кольцо мама Дениса подарила мне на рождение Муры.

Объяснила директору и девочкам про психологический подход к пропаже кольца и к жизни в целом, дала им свою

визитку, сказала – если будут психологические проблемы, всегда могут мне звонить.

7 октября, суббота

Только мы с Муркой к восьми часам вечера уже почти что совсем пропали без пищи, как пришла мама. Принесла голубцы в томатном соусе и шарлотку. Самое большое счастье, какое только может выпасть человеку, – это жить в пределах досягаемости мамы и голубцов в томатном соусе!

Я съела три голубца, потом ещё один маленький, и незначительный кусок шарлотки (диета начнётся, когда пойду на шейпинг), Мурка – два голубца и половину шарлотки. В половине девятого пришла Ирка-клетчатый хомяк с мужем Петром Ивановичем. У него просто нюх на мамины голубцы! Мы знакомы сто лет, и совершенно свои люди, поэтому Пётр Иванович решил рассказать маме о том, как устроится Иркина жизнь, если с ним что-нибудь случится. Петру Ивановичу сорок лет, он не болен и не является представителем криминального бизнеса, просто он старше Ирки на три года и считает, что ровно на эти три года Ирка его переживёт.

Пётр Иванович уверял нас с мамой и Мурой, что необходимо вкладывать деньги в банк и в недвижимость, и «если что», Ирка сможет легко получить, справиться, осмотреться и так далее.

Мама сидела вся красная и смотрела на меня с выражением «ты неправильно живёшь», «посмотри на кого ты по-

хожа» и «надо больше думать о будущем». Во мне зашевелился маленький неприятный червячок, который появляется, когда кажется, что у других людей все есть, а ты на обочине жизни. Где, кстати, моя банковская карточка? Ну, то есть карточки у меня нет, но если бы я нашла свой паспорт, я могла бы её завести и перечислять на неё зарплату.

Хотя... В мировой литературе столько примеров, когда огромные состояния улетучивались в момент, да я и на собственном опыте знаю, что с денежными вложениями все не так просто... Однажды у меня уже была хорошенькая синяя банковская карточка. Я положила на неё деньги и представила, как буду везде расплачиваться карточкой – небрежно и чуть устало, с видом человека, давно привыкшего к банковским операциям. С этой карточкой мы с Мурой поехали к Женьке в Германию, и только вставив свою чудную карточку в автомат, я вспомнила, что этого кусочка пластика недостаточно, чтобы посыпались деньги, – нужен код. А вот код я как раз забыла, – думала, что запомню, и не записала, а сама забыла, с каждым может случиться. И вот мы с Мурой без копейки денег за границей, зато с карточкой. Не буду сейчас вспоминать все унижения, которые нам пришлось вынести, выпрашивая деньги сначала у питерского банка по телефону (банк решил, что я сумасшедшая попрошайка, откуда-то узнавшая их телефон), а потом у Женькиных соседей. Самое неприятное было уже в Питере, когда мне пришлось объяснять в банке, что я одновременно забыла код и потеряла са-

му карточку, да и паспорт тоже куда-то делся... Я не могла получить свои деньги долго, очень долго, да ещё банковский менеджер по работе с клиентами предложил мне за счёт банка проверить вменяемость...

...Так что лучше вообще не думать о будущем в смысле денежных вложений, потому что не всегда удаётся их так легко получить. Гораздо важнее думать о будущем своих детей, и я решила – начну думать о Мурином будущем прямо сейчас.

– Давайте обсудим Мурину судьбу, – предложила я. – Куда Муре поступать, если у неё нет никаких наклонностей, кроме как врать, что у всех двойки, и её личная двойка на этом фоне смотрится почти как тройка?

– Муре ещё год учиться в школе, почему именно сейчас? – удивилась Ирка.

– А когда?! – удивилась я, и мы стали обсуждать Мурину судьбу.

– Куда тебя тянет, Мурочка? – спросила мама.

– Меня тянет в «Бенетон», в «Манго» и в «Мехх», – честно ответила Мура.

– Нечего тут даже обсуждать, – мама махнула рукой. – Наша Мурочка пойдет на филфак.

И правда, это самое простое решение. Куда же ещё можно отдать девочку из интеллигентной семьи? В моё время (звучит ужасно, как будто мне лет двести-двести двадцать) таких, безо всяких склонностей, девочек родители сдавали в

технические институты, как бутылки в ларёк. Отдавали девочку без диплома, взамен получали девочку с дипломом. И эти девочки там как-то даже прилично учились. Любой человек средних способностей в состоянии учиться везде, хоть на металлургическом, хоть на театроведческом. Потом, конечно, могут возникнуть проблемы. Сейчас, например, из этих девочек образовалось целое поколение сорокалетних тётечек вообще без всякого места в жизни...

Да, на филфак. К тому же Мурка учится в самой престижной гуманитарной гимназии города. Там учились дети всех-всех-всех – Собчака и Гребёнщикова, консулов, артистов и т. д. И наша Мура также получает там глубокие знания по всем предметам.

– Конечно, на филфак. Сейчас мы все вместе проверим Мурины знания, – предложила мама. – Мурочка, детка, кто написал «Грозу»?

– Не помню.

Мама нервно почесала за ухом Льва Евгеньича (обычно они в холодных отношениях, потому что мама не любит воров), неловко озираясь по сторонам, хотя никого, кроме нас с Иркой и Петра Ивановича, не было.

– А «Вишнёвый сад», кто написал «Вишнёвый сад», Мурочка?

– Грибоедов, – ответила Мура, но, увидев наши лица, ментально сдала назад: – Не Грибоедов? А кто?

– Что написал Достоевский, Мура?! – спросила мама, бес-

сильно откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза.

Мура – добрая девочка и всегда хочет порадовать бабушку.

– Знаю! «Бесы» и «Отцы и дети»... – с готовностью сказала она. – Нет, ну только не надо меня уверять, что не Достоевский! Лягушку в «Отцах и детях» резали?! И старушку резали там же! Что, нет? Зато я знаю, Чехов написал «Ваньку Жукова» и продолжение, ну, когда он вырос. – «Дядя Ваня».

– Мурочка! Теперь мы поговорим о поэзии! Каких ты знаешь русских поэтов? – вкрадчиво произнесла мама, и у меня вдруг возникло ощущение агрессии с её стороны.

– Маяковский! Маяковский написал «Человек в штанах». Ещё русских поэтов знаю – Пушкин, Лермонтов, Блок, Евтушенок.

– Кто раньше жил, Блок или «Евтушенок»? – подозрительно спросила мама.

Но Муру сбить было трудно.

– Одновременно.

Мама думает, что Мурка придушивается, но я-то знаю – ничего подобного. Разве что совсем чуть-чуть, для увеселения публики. Вся мировая культура просвистала мимо нашей Муры. Трудно сказать, кто виноват, – семья или школа, но ведь не я же, и не моя Мура! Значит, остаётся школа! Эта элитарная школа полностью отбила у Муры охоту к процессу познания.

Для меня не читать – то же самое, что не есть, не пить и

вообще не жить. Я читаю всегда – утром, до того, как встать, за едой, в машине в пробках... Однажды, когда я стояла в пробке на Фонтанке и читала, из соседней машины высунулся водитель и говорит: «Вам-то хорошо, у вас автопилот!»

Только один раз в жизни я не читала целый месяц. Когда умер мой папа. Я тогда была ещё очень маленькая. Мне было тридцать два года. Папа тоже был ещё не окончательно взрослый, ему было всего пятьдесят четыре. Вечером мы все вместе, с мамой, Муркой и Денисом, пили чай и пели наши любимые песни: «Стоял я раз на Невском, держался за карман...», потом «Цыплёнок жареный», и ещё «Крутится-вертится шар голубой». И было как-то особенно тепло, а может, это я потом придумала, а на самом деле было обычно, и я бы ни за что не запомнила этот вечер, если бы той ночью папа не умер. И когда я стояла над ним, уже неживым, мне было как будто лет пять, так я чувствовала. И если кто-то спрашивает меня про родителей, я говорю: «Мой папа умер» и тут же у меня внутри всё наполняется слезами, как будто это было вчера и мне всё ещё очень мало лет, пять-шесть, не больше. Вот тогда я целый месяц не могла читать, брала книгу и тут же начинала плакать. А вообще я всё время читаю. И не понимаю, как у меня выросла такая грандиозная невежда как Мура.

Мурка заметила выражение моего лица и решила оправдаться.

– А зато я знаю, кто написал «Дневник Бриджит Джонс»,

первый том... и второй тоже, – похвасталась она и затихла в предвкушении похвалы.

– Молодец, Мурочка. – Мама улыбнулась печальной улыбкой обитателя последнего островка культуры в нашем мире. – Твоя мать – кандидат психологических наук – вырастила очень продвинутую девочку!

Откуда мама знает слово «продвинутая»? Читает журнал «Афиша»?

Мама ушла домой, а Ирка-хомяк всё сидела и сидела, просто какой-то каменный гость! Я наврала ей, что мне нужно готовиться к лекциям, но Ирка сказала, лекции – это ерунда.

Тогда я придумала, что сейчас ко мне с любовными намерениями зайдёт Роман. И тут Ирка уселась поудобнее и сказала, что она только одним глазком и вообще не помешает...

Я не сдалась и сообщила, что мне необходимо срочно с ног до головы обернуться морскими водорослями для улучшения цвета кожи лица и тела. Это Ирка-хомяк посчитала за уважительную причину и наконец-то убралась, а я собралась читать «Постижение истории», а вовсе не новый детектив Акунина. Противная Мурища спрятала нового Акунина от меня в своей комнате. Но мы с Львом Евгеньичем прокрались в её комнату, как следует порылись в Куче и нашли всё, что хотели, – я Акунина, а Лев Евгеньевич недоеденный бутерброд с сыром.

Поздно вечером, почти ночью, мне в голову пришла бле-

стящая, совершенно новая революционная идея насчёт Муры. Факультет международных отношений! Не могла дождаться утра, растолкала Мурку и спросила, не хочет ли она стать послом?

– Лучше я выйду замуж за посла и буду послухой, – ответила Мура.

Значит, не против! Очень хорошо, профессия должна нравиться! Вот только не помню, ориентируется ли Мура в политике... Мура сказала, что как раз очень хорошо ориентируется, что президент Франции Як Цидрак, и мгновенно заснула.

Як Цидрак? Президент Франции? А что, может, она и права, мне это имя тоже знакомо...

Вспомнила, откуда я знаю это имя: «Жили-были три китаецца... Поженился Як на Цыпе, Як Цидрак на Цыпе Дрипе...»

Список дел на завтра:

1. Позвонить Денису и убедить его, что Мура будет послом, а для этого необходимы большие вложения, прежде всего на репетиторов...
2. Не забыть надеть бордовый комплект, завтра встречаюсь с Романом, ура-ура-ура!

9 октября, понедельник

Утро.

Опаздывала на лекцию, одевалась второпях, быстро разняла Льва Евгеньича и Савву Игнатьича (подрались на Муриной кровати за недоеденный глазированный сырок), размышляла, не вступить ли мне с ними в борьбу за сырок, – не успела позавтракать.

Эпиляция и педикюр негодились, потому что Роман не нашёл места, где я могла бы их продемонстрировать.

Никогда не угадаешь, будет ЧТО-НИБУДЬ или нет, жаль только, что уже сделанные процедуры нельзя приберечь на следующий раз как неиспользованные. Содержать себя непрерывно в приличном виде – это настоящая тяжёлая работа без сна и отдыха: только сделаешь педикюр и считаешь, что можешь быть свободна, как наступает время краситься, и так далее.

Вот если бы мужчинам надо было:

1. Всегда-всегда удалять волосы на ногах и на руках, и ещё в области бикини.
2. Бросаться с пинцетом на каждый случайный волосок на лице.
3. И кстати, выщипывать брови, – и было бы даже страшно подумать, что они могут появиться в общественном месте с усами.

Ладно, чёрт с ней, с напрасно сделанной эпиляцией, это даже лучше, что ему хочется просто быть со мной, а не только секса! И Роман все равно умеет сделать из каждой встречи праздник! Подарил мне цветы – огромный сине-жёлтый

букет.

Не люблю я эту целлофановую пышность вокруг цветов. И цветы тоже не люблю. Мне кажется, есть что-то безнравственное в том, что у них такие нежные срезанные головки, как будто это девочки в задранных юбочках и кружевных панталончиках. Но я ему не скажу, потому что он решит, что я неблагодарная.

– Ты любишь суши? – спросил Роман, и я сказала, что да, люблю.

На самом деле я люблю итальянскую еду – пасту, всё равно какую, пиццу, тоже всё равно какую, лучше с ветчиной, и жирные десерты – тирамису или пинокоту... Ещё мороженое люблю, лучше с вареньем. Американская еда тоже хорошая – гамбургер или стейк с жареной картошкой. Ещё можно морепродукты, только тогда уж, чур, креветки, потому что мидии и что там ещё бывает, пахнут как подгнивший осенний пруд. Но сейчас каждому продвинутому человеку положено любить суши, и я постеснялась показаться Роману примитивной обжорой, которая только и мечтает нахряпаться макаронных изделий, вот мы и пошли в суши-бар на Невском у Аничкова моста.

Я не знаю, что в этом суши-баре случилось со мной, кандидатом психологических наук, матерью Муры, кормилицей Льва Евгеньича и Саввы Игнатьича, лектором, который стоит себе спокойненько перед сотнями студентов, и т. д., но почему-то я совершенно растерялась.

Заказать я ничего не смогла, шныряла глазами по меню и мямлила что-то невразумительное. С Денисом мы не ходили в суши-бары, потому что их тогда ещё не развелось в таком количестве, как сейчас. А уже после Дениса почти все мои ресторанные опыты были с Женькой, а с ней мы, во-первых, всегда экономим, ведь каждому понятно, что лучше новая двадцать пятая кофточка, чем дурацкий обед в ресторане, а во-вторых, она тоже склоняется к пицце и жирным десертам.

Как человеку, до зубов вооружённому психологическими знаниями, мне известно, что, если ты не уверен в себе, самое лучшее – не стесняться и не комплексовать, а честно сказать: «Я этого не умею, помогите мне». Обычно я вполне уверена в себе, но тут почему-то испугалась, что Роман решит, что я дура дикая, и просто ткнула пальцем в какую-то картинку в меню, надеясь, что это не будет огромное блюдо для гиппопотама...

Когда мне принесли огромное блюдо для гиппопотама, я подумала: «Теперь Роман решит, что я или обжора, или жадина». Сначала я попыталась есть это палочками, но палочки взметнулись к потолку, словно я знаменитый жонглёр, только я их не поймала. А Роман управлялся палочками так, будто воспитывался в японском детском саду.

– Хочешь васаби? – спросил Роман.

– Конечно. Я очень люблю васаби, – с уверенным видом завсегдатая суши-баров сказала я, посмотрела, что делает Роман, и тоже взяла себе кусок какой-то зелёной пасты из

маленькой плошечки. И у меня тут же закатились глаза и выступили слезы.

– Очень-очень вкусно, – пропищала я, когда немного отдышалась от этого васаби для дикарей из племени огнеедов.

Внутри у меня так страшно всё горело, что с обычной вилкой я тоже не справилась и сначала забрызгала белый свитер Романа соевым соусом, а потом плюхнула себе на юбку кусок сырой рыбы. (Этого он не заметил, потому что я небрежным движением смахнула рыбу под стол ему на брюки.)

А вокруг меня все управлялись с палочками как настоящие любители японской кухни, и только одна я была деревенской девчонкой, которая сморкается в рукав, в то время как все остальные уже вовсю пользуются носовыми платками. Роман рассказывал мне про работу, то есть про телевидение. Он не собирается всю жизнь оставаться телеведущим (а что, по-моему, телеведущим тоже неплохо, все мечтают когда-нибудь попасть в телевизор, а он уже сидит в нем каждую среду в три часа дня), он же всё-таки продюсер, у него и на визитке так написано. Я-то думала, что продюсер – это тот, кто даёт деньги на проект, но не знала, что такие продюсеры бывают только в Америке. Оказывается, продюсер как раз наоборот – хочет получить деньги под свой проект. Вот и Роман как раз ищет финансирование под свой проект, у него имеется одна совершенно блестящая идея программы. (Мне ужасно нравится слово «программа».) И вот для своей суперпрограммы (что-то про музыку, во всяком случае

программа называется «Музыкальные страсти») он ищет это финансирование и не может найти, потому что оказывается, что это самая трудная часть в работе продюсера.

Я очень-очень хорошо понимаю трудности Романа, потому что мне тоже будет очень сложно получить у Дениса деньги на финансирование Муриных репетиторов. (Считаю, моя идея на счёт Муринового будущего просто блестящая.)

Роман был очень воодушевлён и подробно рассказал мне свой план. Сначала он пойдёт к главному продюсеру на канал СТС (канал! продюсер!) и покажет там свой синопсис. Мне ужасно нравится слово «синопсис», оно почти такое же зовущее, как «сцена», «антракт» и «буфет». Точно не знала, что означает «синопсис», но решила, что спрашивать не буду, лучше посмотрю потом в словаре.

Роман сказал, что его жена совсем не интересуется его проблемами! Вот это она зря. Самое главное для мужчины – это вовсе не обед и секс, а чтобы его слушали и понимали. Как будто ей трудно подождать, пока Роман по-настоящему увлечётся своим рассказом, затем незаметно подкрасться к телефону, за спиной набрать номер лучшей подруги и, сохраняя на лице понимающее выражение, потихоньку утечь от него в другую комнату. Я, как психолог, всегда очень-очень внимательна к проблемам Романа, потому что все они про телевидение и шоу-бизнес! Я тоже немного причастна к шоу-бизнесу – в пятом классе играла принцессу, прицепив старый цигейковый воротник на мамин голубой халат до по-

ду. Только хотела рассказать Роману, какой я имела успех в цигейковом воротнике, как он сказал, что надо идти домой. Ой, а я думала, что после суши-бара я как раз смогу продемонстрировать ему свою эпиляцию, а то к следующему разу мои ноги уже опять ухудшатся... Хорошо, что я психолог и знаю – нельзя показывать свою обиду на женатого любовника за то, что он уделил мне меньше времени, чем я рассчитывала, потому что это унижительно!

– Как домой? Уже домой? – проговорила я. – Тогда и мне тоже надо домой, то есть в «Манго», там как раз распродажа летней коллекции.

– Малышка, «Манго» тебе уже не по возрасту.

– О-о-о... – Я завывала от неожиданности. – Ну почему, почему не по возрасту?!

Откуда он знает про «Манго»?! Откуда?! А вдруг у Романа есть молодая любовница? Ведь мне уже тридцать пять, а ему всего тридцать пять, к тому же я уверена, что на телевидении кишмя кишат юные девицы. «Молодая любовница Романа покупает себе одежду в “Манго”», – мрачно думала я и представляла, как Роман стоит рядом с примерочной кабинкой, любителю на неё и раздумчиво говорит: «Очень хорошо, просто замечательно»...

– Я придумал для тебя занятие, чтобы тебе не было одиноко вечерами, – сказал Роман, пытаясь отвести мне глаза. – Напиши книжку.

С чего он взял, что мне одиноко? У меня на шее Мура,

мама, Женька, Лев с Саввой, Алёна, Ольга, «Постижение истории»...

– Книжку? Последнее, что я писала, было сочинение на тему «Образ Наташи Ростовской». А о чём мне писать? И в каком жанре?

– Это очень просто. Возьмём фразу: «Вера смотрела в небо». В разных жанрах это выглядит по-разному. Например, любовный роман с клубничкой: «Вера смотрела в небо, пока его рука настойчиво искала её трусики».

– А чего их искать? Как будто трусики бывают на носу!

– Ладно, не притворяйся. Представь, что тебе задали сочинение, и пиши.

Я почти научилась есть палочками, к тому же у них обнаружилась дополнительная функция – палочки оказались очень подходящими для воровства, такие длинные! Под конец я так наловчилась ими управляться, что довольно ловко вытащила из пачки Романа сигарету, и уже подумывала, не стянуть ли мне с соседнего стола одну очень симпатичную суши с огурцом. Но Роману нужно было уходить.

Я медленно двигалась по Невскому в моем любимом крайнем правом безопасном ряду, не тратя времени зря – очень серьёзно работала над сюжетом своего будущего произведения.

Всем известно, что лучше всего продаются детективы, по-

этому ключевая фраза будет звучать так: «Вера смотрела в небо и не обратила внимания, что рядом с ней произошло двойное убийство». Ещё сейчас в моде мистические триллеры, и тогда надо начинать так: «Вера смотрела в небо и не заметила, как из-за дерева появился оборотень». (Оборотень может быть в погонах или ещё какой-нибудь.) А может, это будет простая правдивая история из современной жизни? «Вера смотрела в небо, а в это время рядом с ней прошёл совершенно свободный олигарх и прижался к ней надёжной спиной». Да, неплохо... Уже чувствую себя писательницей! Интересно, какой будет гонорар? Сделаю ремонт, поедem с Мурой в Лондон или лучше на острова... Маме куплю шубу из стриженной норки, Савве и Льву Евгеньичу – резинового петуха. Но ведь писательница должна знать своих героев, а я совсем ничего не знаю про олигархов! Решила, что у всех олигархов было тяжёлое детство, они прижимались грязными носами к витринам и всего хотели, хотели, хотели! Пусть мой личный олигарх будет из лимитчиков. Но как он стал олигархом? Ничего, напишу намёткой, например, так: «Нищета. Лимита. Мрамор, бриллианты, нефтяные скважины. Олигарх». (Буду как Блок: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека».)

Пока я работала над сюжетом, какой-то сумасшедший гаишник бежал перед моей машиной по Невскому и махал кому-то жезлом. Очень-очень медленно проехала мимо гаишника и нечаянно выбила из его рук жезл. Оказалось, он бе-

жал за мной и махал тоже мне.

— Понимаете, я писательница... — сказала я. — И вот вы знаете, как это бывает, задумалась о своих литературных делишках, а тут вы...

Гаишник оказался милым и любящим литературу, не взял у меня ни права, ни деньги и почему-то сказал, что психам не место на дорогах. Почему?

Когда я дома стягивала с себя брюки, из них на пол вывалилось что-то чёрное. Подумала, что-то страшное и загадочное, но это оказались всего лишь колготки, которые притаились в моих брюках со вчерашнего дня. Как я могла утром влезть в брюки вместе со скомканными колготками и проходить так весь день?! Хорошо, что у нас сегодня не получилось встретиться ТАК! Представляю, как удивился бы Роман, если бы стал бы меня раздевать, а внутри меня обнаружилось ещё немного разной одежды про запас! Судьба всегда знает, что делает.

10 октября, вторник

Договорилась с Алёной встретиться на углу Невского и Маяковской с целью совместного похода по магазинам (так и не удалось попасть в «Манго», много литературных дел).

...Роман не звонил, но я не особенно переживаю — у меня, между прочим, тоже до фига собственной жизни, например, завтра я иду в гости — на новоселье к Алёне. Это будут не простые, а очень-очень роскошные гости, и я прямо сейчас

возьму и куплю себе настоящее вечернее платье на сезонной распродаже в «Манго».

В «Манго» потеряла голову, носилась среди детской одежды жирным престарелым бегемотом. Ой-ой-ой! Самый маленький размер – сорок шестой...

Продавщицы в этом магазине ужасные. Одна принесла мне брюки и сказала – это самый большой, просто огромный размер. В самый большой, просто огромный размер я не влезла.

Ситуация трагическая. Видимо, Роман был прав – все эти чудесные короткие брючки и рубашечки мне не по возрасту...

Перемерив весь магазин, поняла: вообще одеваться – мне не по возрасту.

Нигде человек не выглядит так ужасно, как в примерочной кабине – много, очень много жирного тела синего цвета. Целлюлит везде: на ногах, на бёдрах, кажется, даже на ушах. Такой человек вообще не имеет права мечтать об одежде. Зачем ему одежда, если он такой урод?

Если бы я была владелицей магазина, я бы снабдила свой магазин примерочными кабинками с кривыми зеркалами, в которых все выглядели бы немного похудей, чем в жизни. И тогда весь мой товар мгновенно попал бы в лапы толстеньких тётенек, а у меня была бы невиданная прибыль! Но я не владелица магазина, я всего лишь писательница...

Купила Мурке два свитерочка и брюки, а для меня всё

оказалось слишком маленькое, к тому же в клеточку, в полосочку и с кружавчиками. Алёна сказала, что в такой одежде меня можно вести в ясли. Подруга утверждала, что моя концепция одежды неверная, я одеваюсь, как будто мне двенадцать лет. Может быть, она права и мне нужно купить себе длинную чёрную юбку, чёрный пиджак и белое кружевное жабо. Но взрослая одежда дорого стоит, а ведь ещё Коко Шанель говорила: «Очень дорогая одежда старит». А может быть, она говорила: «Дорогая одежда **ОЧЕНЬ** старит»?

Поэтому в качестве вечерней одежды я решила купить новый чёрный свитер.

Список свитеров:

1. Чёрный свитер в резинку, раньше такие назывались «лапша». (Слишком молодёжный для меня?) Отложили до 20:00.

2. Чёрный свитер, шерстяной, то, что раньше называлось «че-ше». (Слишком взрослый для меня?) Отложили до завтра. Странно, почему они так хотят мне продать этот свитер, что даже согласны отложить его до завтра? К тому же он стоит сто долларов, это всё равно слишком дорого, и тогда я не смогу купить ещё брюки, которые мне по правде нужны. Человек, который получает среднюю зарплату 5650 рублей, как я, может покупать себе по одному сантиметру свитера каждый месяц.

3. Чёрный свитер, очень дешёвый, чистая синтетика, значит, скатается как собака.

Итог: 1. Все магазины города завалены условно моими чёрными свитерами. 2. У Муры много новых вещей.

Еле доехала домой, машина совсем плоха, пыталась заглохнуть при каждом удобном случае.

Вечером рассказывала Женьке про трудности с финансированием проекта Романа. Женька ехидно заметила, что я превратилась в курицу, живущую только интересами своего любовника.

Интересно, почему курица выбрана символом преданности, действительно ли она живёт интересами петуха, и если да, то какими именно? Если взять добычу червяков, так это в принципе все та же проблема финансирования...

Неправда, что я живу только его проблемами! А кто присматривал себе свитера, как бешеный кролик?! И завтра идёт в гости?!

Когда мы с Мурой поужинали у телевизора (котлеты по-киевски «Дарья») и собирались послушать музыку и, может быть, немного потанцевать, позвонила Ольга. У неё плохие, просто ужасные новости – её уволили из глянцевого журнала. Ольга горестно перечисляла, что она потеряла:

1. Очень приличную зарплату.
2. Плюс гонорары.
3. Самое главное – в редакцию можно было являться к часу дня, а то и вообще не приходить.

Ольга сказала, что можно пойти в любую «жёлтую» газе-

тёнку, но она хороший профессионал и ни за что не пойдёт, а лучше будет голодать.

– Но как же мне голодать, ведь у меня Димочка... – горестно сказала Ольга.

Я тактично промолчала, только сказала, что лучше будет, если она бросит Лежачего прямо сейчас.

– Он гений, а ты дура, – ответила Ольга довольно мирно.

И правда. Она сама могла бы голодать, но у неё на руках Лежачий, его нужно кормить, курить и одевать... Хорошо, что Ольга недавно купила ему видеокамеру и у Лежачего как раз есть отличный план по зарабатыванию денег художественной видеосъёмкой...

Перед сном меня страшно мучила совесть за то, что я столько всего хотела в магазинах: и свитеров, и брюк, и рубашек, и даже один пиджак. Но, с другой стороны, я не крашусь (а косметика стоит сумасшедших денег) и не делаю массажей и масок в салонах красоты и не обёртываюсь там дорогостоящими водорослями (как Алёна). Единственное, на что я трачу деньги, – это книги (и то только потому, что в книжном магазине на меня находит затмение, а тут уж я не виновата) и дешёвая молодёжная одежда. Так за что меня ругать? Я вспомнила, что вообще-то ничего не купила, только хотела. Единственное, что мне по правде надо, – это маленькие полусапожки, замшевые, на небольшом каблучке. Хотя я теперь и писательница, но пока ещё не Лев Толстой, чтобы хо-

дить босиком.

Уже совсем засыпала и вдруг вспомнила – забыла посмотреть в словаре, что такое «синопсис». Оказалось, это жутко важное незнакомое телевизионное слово означает всего лишь завлекательное краткое содержание. (Я тоже в начале скучной лекции, чтобы заинтересовать студентов и вселить в них надежду, объявляю – сегодня я расскажу вам про любовь и др., а сама потом рассказываю про теорию познания и др.)

14 октября, суббота

В субботу утром у меня всегда одинаковое настроение – очень радостное и приподнятое. Если я знаю, что вечером иду в гости. Не могу сказать, что я взяла перед собой обязательство по субботам непременно веселиться на людях: как человеку самодостаточному мне всегда есть чем заняться: почитать «Постижение истории» или подготовиться к лекциям (тем более теперь, когда я почти что начала писать книгу), но если я никуда не иду, то вечером почему-то всегда нахожу себя перед выключенным телевизором в пижаме с зайчиками и в размышлениях, что где-то кипит настоящая жизнь с презентациями, клубами, фуршетами, балами, дружескими вечеринками, и все они кипят без меня.

Сегодня утром мне срочно нужно пойти в секс-шоп. Часов в десять, когда я уже почти что ушла в секс-шоп, позвонила Женька. Она рыдала и собиралась эмигрировать обратно в Питер.

– Зачем я сюда приехала! Мне в Германии ва-аще негде познакомиться! Не то, что тебе в Питере!.. – склочно завела Женька.

Ей кажется, что в Питере меня ожидает разнузданная вакханалия интересных знакомств нон-стоп. Где, по её мнению, я могу знакомиться, – в кинотеатре «Мираж-Синема», в автосалонах? На конференциях, расширенных форумах, в песочнице?

– Да-а, тебе-то хорошо, у вас клубы... – продолжала ныть Женька.

Клубов у нас много, это правда, но с элитными клубами легко можно запутаться и попасть в клуб для геев, а в недорогих ночных клубах тусуются одни подростки. Подумав как следует, я предложила Женьке пойти вечером одной в стильное дорогое кафе и томно сидеть там за чашкой кофе весь вечер, и тогда кто-то, потрясённый её неземной красотой, обязательно подсядет и... Или можно посмотреть в Интернете... А что? По-моему, на Западе все так делают.

– Иди ты на ...! – рявкнула Женька и, желая ей помочь, я напрягла все свои мыслительные способности.

– Говорят, ещё на кладбище хорошо знакомиться, – наконец проговорила я, и Женька нервно швырнула трубку.

Решила, ни за что не буду ей звонить. Я же не виновата, что Женька с утра сидит там, в Германии, совершенно одна и представляет, как я в это время развлекаюсь:

1. В боулинге поражаю столпившуюся вокруг меня восхи-

щённую публику необыкновенной ловкостью в метании шаров.

2. С сигаретой, лучше с сигарой, небрежно зажатой в уголке губ, показываю класс игры на бильярде.

3. В стрип-клубе засовываю стриптизёру банкноту за резинку трусиков.

4. Веселюсь как дитя в зале игровых автоматов, играя в «однорукого бандита».

5. Моюсь в вiр-сауне с последующим пением караоке в банкетном зале.

Кажется, это все, что предлагает мегаполис в лице журнала «Афиша» по развлечению меня.

Вернулась с полдороги в секс-шоп и позвонила Женьке – как я могла быть такой гадиной, как?! Я совсем забыла – у меня есть Роман, Роман, Роман!.. а у Женьки-то сейчас никого нет...

Просила у Женьки прощения, была прощена, обещала позвонить ей сразу, как вернусь из секс-шопа, и вообще весь день быть с ней на связи. В субботу люди просто обязаны держаться вместе во избежание резкого обострения синдрома никому ненужности.

Наконец направилась в секс-шоп. Не то чтобы это мой обычный субботний маршрут – проверить, не завезли ли туда что-нибудь новенькое, – просто Алёна сказала, что я

должна купить подарок на новоселье именно в секс-шопе, и даже дала мне ближайший адрес – в пяти минутах от меня, у Кузнечного рынка.

Итак, я должна подарить Никите САМЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ ТРУСИКИ для Алёны, а для него – специальную пилюлю, которую Алёна наутро после новоселья подмешает ему в кашу, чтобы сто килограммов живого Никитино веса яростно набросились на неё совсем как после свадьбы, пятнадцать с половиной лет назад.

Я не очень-то хотела идти в секс-шоп, но Алёна сказала, что купить трусы, состоящие из двух маленьких треугольников, и возбуждающую пилюлю – мой дружеский долг. Сама Алёна не может купить эти чёртовы трусы и волшебную пилюлю, потому что:

1. Собирается сказать Никите, что эти трусики, ха-ха-ха, подарила ей я, всем известный придурок.

2. Умрёт от ужаса в секс-шопе, а мне всё нипочём.

...Где же проклятая Алёнища углядела этот секс-шоп? Вот рынок, напротив рынка канцелярский магазин, затем булочная...

Магазин обнаружился рядом с булочной. Нужно подняться на второй этаж, а на площадке второго этажа две двери, одна в магазин «Рыболовные снасти», а другая – в секс-шоп.

Удобно покупать всё разом: на рынке овощи, потом в булочную – там шоколадные булочки, можно ещё пирог с маком, очень вкусный... потом купить новый вибратор, потому

что старый уже совсем изнашивается, и по мелочи, возбуждающих пилюль – себе и знакомым раздать...

Дверь в этот секс-шоп довольно ободранная. Всё-таки Алёна очень тактичная, наверное, она заботливо подумала, что более респектабельное местечко мне не по карману. Значит так, с независимым лицом зайду и сразу же смело скажу: «Только вы не думайте, это я не для себя». Но ведь продавщица наверняка решит, что я вру, а сама с утра до вечера только и делаю, что мечтаю об искусственном члене. А вдруг там продавец?! Тогда вообще не пойду! Рассмотрим другой вариант. Проще всего сказать правду: «Мне, пожалуйста, самые сексуальные трусики и пилюлю-возбудитель на день рождения моей подруге».

Сначала я немного, минут десять, постояла на пустой площадке, делая вид, что я здесь просто так, может быть, чего-то жду. Потом, воровато озираясь, я ещё раз проверила, не видит ли меня кто-нибудь, и зарулила к ободранной двери. И тут, услышав, что снизу кто-то поднимается по лестнице, мгновенно ринулась обратно на площадку и с размаху залетела в магазин «Рыболовные снасти».

И этот кто-то зашёл за мной и встал за моей спиной.

Присмотрела очень миленьких игрушечных рыбок. Продавец сказал, они называются воблеры. Почему, чтобы поймать воблу, необходимо столько маленьких хорошеньких пластмассовых рыбок?

Этот кто-то, видимо, сильно заинтересовался мной, пото-

му что так и стоял за моей спиной и не отходил от меня ни на шаг. Я оглянулась, чтобы его рассмотреть, поняла, что ошиблась – кто-то не сводил влюблённого взгляда с воблеров, и вообще – ТАКИЕ мужчины не знакомятся в магазинах «Рыболовные снасти»...

Мужественное усталое лицо, лёгкая вчерашняя небри-тость, подбородок выдвинут вперёд... есть такой тип, не красивый, как артист театра и кино, а просто – мечта всех девочек. Я к ним ни в школе, ни в институте даже близко не подходила. Эти мужественные красавцы обязательно презрительно прищурятся и скажут: «Ты что, девочка, у тебя СО МНОЙ ничего не может быть никогда». Так зачем ставить себя в унижительную ситуацию заранее запрограммированного отказа в любви, дружбе и знакомстве?

Всё же какое счастье, что я не выставила себя настоящей маньячкой, направляясь в секс-шоп на глазах такого мужчины! Но с другой стороны – кому-то они всё-таки достаются! Например, конкретно эта мечта всех девочек в свои около тридцати шести-семи-восьми не может же быть ничейной – зачем-то ведь она купила какую-то специальную удочку и к ней специальную леску. Для чего? Видимо, рассчитывает при помощи рыбалки накормить семью. Значит, семья есть, и, скорее всего, семья большая.

Я сделала вид, что люблюсь игрушечными рыбками, и искоса разглядывала небритого красавца. Он уважительно смотрел на нас с воблерами и был так невероятно хорош, что

мне пришлось купить этих рыбок, сама не знаю почему.

Красненького длиннохвостого и синего с зелёной головой воблеров я купила по совету мужественного красавца, а вот насчёт жёлтого мы с ним не сошлись во мнениях. Красавец сказал, что это ерундовый, никому не нужный воблер, а по моему, хорошенький. (Чувствовала себя очень-очень женщиной, потому что у него такой хриплый низкий голос, который обычно принадлежит только очень-очень мужчине.) Купила жёлтого воблера тоже. Думаю, эти чудные воблеры будут замечательным подарком Никите, наверняка он ничего не имеет против рыбалки. Алёне я скажу, что купила этих воблеров в секс-шопе (последняя разработка сексологов), – ведь рыбалка, без сомнения, очень релаксирует и направляет все мысли мужчины от рыбы к сексу.

Воспользовавшись тем, что небритый красавец не мог отвести глаз от воблеров, я выскочила на площадку и, нервно оглядываясь, всё-таки заскочила в секс-шоп и ткнула пальцем в первые попавшиеся трусики.

Небритый красавец положил удочку в припаркованный рядом с магазином чёрный «лэндровер», очень похожий на мой, только у него все двери целы и бампер не примотан скотчем. Жаль, что я ничего не понимаю в «лэндроверах», а то могла бы по машине определить, к какому... относится мой новый знакомый красавец.

Но к чему «какому»? Какому классу? Так у нас нет клас-

сов, особенно среднего. Предположим, что этот «лэндровер» дорогой, и что нам это даёт? Мужественный красавец запросто может оказаться:

1. Бандитом на дорогой машине.
2. Удачливым продавцом с Кузнечного рынка.
3. Скромным олигархом, у которого есть ещё много машин, а «лэндровер» он взял у своей домработницы, чтобы съездить за воблерами.
4. Поляриком или менеджером отдела продаж.
5. Рыбным маньяком.
6. Кем угодно.

Нет, определить что-то можно только по лицу... Или по одежде! Чёрные джинсы, бежевая куртка с кожаным воротником в стиле «мачо» – точно такую носит манекен в витрине магазина «Camel».

«Кхе-кхе... э-э... вас подвезти?» – предложил небритый красавец, и я ответила, что, мол, спасибо, нам с воблерами тут недалеко. В нашей семье есть секрет, передающийся из поколения в поколения – не садиться в машину к незнакомцам. Зачем он идёт со мной по Владимирскому? Хочет продолжить упоительную беседу о воблерах? Впервые в жизни рядом со мной идёт мечта всех девочек, и я могла бы быть совершенно счастлива, но почему он молчит и только иногда откашливается басом? А с продавцом об удочках и лесках щебетал как птенец!

Так, молча, мы дошли до моего дома. То есть он молчал,

но кто-то же должен говорить? Мне легко найти тему для беседы с незнакомыми людьми – это профессиональное, и тем, кому трудно, я всегда советую вести лёгкую светскую беседу на простые, близкие собеседнику темы, например о политике, новинках литературы и искусства, а вот съезжать на личные, только нам самим интересные делишки – неправильно. Говорить желательно ненавязчиво, беспечно, но с тонким подтекстом, помогающим сближению.

– Представляете, сегодня Савва Игнатъич не пришёл ночевать, сейчас придётся его искать по дворам... – светским голосом начала я.

Красавец дико посмотрел на меня и промолчал.

– А Лев Евгеньич утром, как никогда виртуозно, украл мой бутерброд, и представляете, вот дурак, спрятал его у меня под подушкой...

Красавец как-то странно дёрнулся, но не произнёс ни слова. По-моему, он решил, что у меня два сожителя – один погуливает, а другой псих и ворюга.

– Они у меня звери, – робко пояснила я.

Я все ждала, что он скажет – не угостите ли кофе? И думала, что ответить. Домой не пущу ни за что, вдруг он маньяк? Тем более он такой крупный, я ему по плечо. Что если он хотел купить в секс-шопе наручники и хлыст? Маньяки, как правило, ловко маскируются под нормальных людей. Когда Мура была маленькая, я однажды решила её как следует припугнуть и очень-очень страшно рассказывала про злых

дядек, так страшно, что сама испугалась. А Мура говорит: «Я всё поняла, только не поняла, как же я узнаю, что это злой дядька? А если у него добрые глаза?»

Вот именно, глаза!!! Мы с небритым красавцем – часть животного мира, а как устроено в животном мире, я прекрасно знаю: если Лев с Саввой долго смотрят друг другу в глаза, значит, вот-вот начнётся драка. Отсюда очень важный для собственной безопасности психологический приём – не смотреть в глаза незнакомому человеку, иначе можно спровоцировать агрессию, то есть он бросится и укусит.

Решила, сейчас проверю – посмотрю ему в глаза. Не бросился. Глаза серые, взгляд внимательный.

– Ну... э-э... до свидания, кхе-кхе...

– Хотите кофе? – Я сказала это не потому, что хотела его заманить домой и там познакомиться, и не потому что отменяла свои подозрения, я просто очень испугалась – вдруг он догадался, какие мысли бродят в моей голове.

– Нет, кхе-кхе... я тороплюсь.

Красавец молча довёл меня до подъезда и не попросил телефон.

– Позвоните как-нибудь, – небрежно, просто из вежливости, проговорила я и записала свой телефон на его пачке сигарет «Давидофф».

– Счастливо, – сказал красавец.

Очень-очень приятный человек. Пачку можно случайно выкинуть... Всё как в школе, как в институте – такие маль-

чики не для меня.

Сначала Мурка поочерёдно доставала для меня из своей Кучи что-то блестящее-полосатое-клетчатое в рюшечку с большими бантами и маленькими пуговицами-стразами, но после бурного непродолжительного скандала я всё-таки надела чёрные брюки и маленький чёрный свитер.

– Ты похожа на летучую мышь, – недовольно пробурчала Мура.

Ну и пусть! Чем быть чересчур нарядной мышью в бантах и рюшечках, лучше я буду скромной, но уверенной в себе чёрной мышью.

Одеваться меня научила одна моя подружка француженка (может быть, это неправильно, но нам с ней нравится). Люсиль писала диплом на тему «Синонимы к слову «выпить» в русском языке» и для этой своей научной работы очень много шлялась по гостям и собирала там материал. Однажды, когда мы с ней направлялись на очередную вечеринку, Люсиль зашла за мной, одетая в бесформенный чёрный балахон, мятый и немножко драный, и спросила меня со своим прекрасным французским акцентом: «Я не слишком нарядно одета?» А сама в какой-то драной тряпке! Француженки лучше всех разбираются в том, как себя вести, одеваться и всё такое, и я теперь всегда слежу за тем, чтобы не быть слишком нарядной.

У Алёны сегодня первый приём в новой квартире – новоселье, но не для близких друзей, а для всяких новых знакомых. Из близких друзей приглашены только мы с Ольгой. Мы ещё ни разу не были у Алёны после окончания ремонта, поэтому кое-что оказалось для нас неожиданным (прихожая немного напоминала красную гостиную в Зимнем дворце), а кое-что непонятным (мемориальная доска на входной двери). На белой мраморной плите были выгравированы цифры.

– В честь кого эта мемориальная доска? – испуганно спросила Ольга, показав пальцем на дверь – Кто-то умер?

– Это просто наши дорогие памятные даты: дата покупки квартиры и дата окончания ремонта, – пояснил Никита.

– Но тут же не всё! А где же даты оформления в нотариате, окончания сантехнических работ? – И Ольга, хихикнув, пихнула меня локтем, а кто-то злобный во мне тоже пихнул меня локтем и хихикнул.

– Ты на джипе? – громко поинтересовалась Алёна, как будто я каждое утро выбираю из своего парка машин что-нибудь новенькое, то джип, то «мерседес», то «Волгу». Тем более Алёна прекрасно знает, что мой старикашка стоит сломанный во дворе.

Ольга скривилась и ущипнула меня:

– Алёна специально так сказала, она хочет, чтобы её гости знали, что у тебя есть джип!

Ольга совсем не злобная, просто она любит посплетничать со мной про Алёну. Дело в том, что по своему внутреннему миру они очень разные. Ольга маленькая чёрненькая, в юбке до полу и серебряных цепочках, а Алёна большая толстоватая блондинка в туфлях на шпильках, склонная к розовым сумочкам со стразами. Алёна досталась мне в школе на второй парте у окна, а Ольга в университете, вот им и пришлось стать самыми близкими людьми, но разница в мироощущении пышной розовощёкой блондинки и замученной бледненькой брюнетки всё-таки постоянно даёт себя знать.

Мы похвалили дизайн прихожей и мемориальную доску и отправились на экскурсию по квартире. Всё было новое, красиво блестело и переливалось, как в каталогах, и повсюду были расставлены сувениры, привезённые Алёной и Никитой из разных стран. Алёна раньше работала в туристическом бизнесе, продавала путёвки за границу и обратно, и, наверное, у неё образовался комплекс человека, который всех провожает: клиенты улетают и улетают далеко-далеко, а он всё стоит и стоит, и машет платочком... Поэтому Алёна очень часто ездит по миру, но, надо отдать ей справедливость, путёвки всегда покупает в своей бывшей фирме. У нас с Алёной и Ольгой раньше была совершенно одинаковая материальная ситуация в смысле покупки джинсов за счёт экономии на кефире и докторской колбасе. Правда, Алёна с Никитой долго жили в коммуналке, а Ольге от бабушки досталась квартира на Ржевке, и ещё Ольга первая начала ез-

дить за границу на фестивали от разных журналов.

А потом все изменилось. Алёна с Никитой твёрдой поступью направлялись в сторону богатства (у Никиты сначала был один продуктовый магазин, потом два, а теперь я не знаю сколько), а Ольга потихоньку двигалась в сторону бедности, но ведь и Алёнино богатство, и Ольгина бедность с точки зрения мировой революции совершенно условны, и мы всегда с гордостью говорили, что это на Диком Западе люди дружат по принципу равенства материального положения (богатые с бедными **ВООБЩЕ** не дружат), а для нас, духовных людей, не имеет никакого значения, кто уже был на Мальдивах и Сейшелах (это Алёна, а не мы с Ольгой), а кто нет. Но сегодня, в этой новой Алёниной роскоши, нам стало немного не по себе. (Ничего, мы сейчас привыкнем и все встанет на свои места.)

В гостиной висела картина с изображением ясеня или дуба. Оказалось, ясень или дуб – это генеалогическое древо, это своё древо Никита специально заказывал какому-то художнику, чтобы он успел к новоселью. Откуда оно взялось, это древо? Раньше ничего такого не было, были просто Людмила Иванна и Сергей Николаич. Они обычно до зимы живут на даче во Мшинской, у них там грядки. Самих Людмилы Ивановны и Сергея Николаича сегодня не было, но зато от них было древо, и огурцы, и помидоры, и ещё здоровенные красные перцы. Алёнины мальчишки тоже были обозначены

только на древе, Никита отправил их вместе с пуделем на выходные во Мшинскую за картошкой и морковкой.

Ольга громким, довольно напряжённым голосом спросила Алёну, почему это Алёна не пригласила своих подруг из туристической фирмы, с которыми она проработала почти десять лет? Алёна немного покраснела и скороговоркой ответила, что непременно позовёт подруг отдельно, и прошептала нам с Ольгой: «Вы представляете, что с ними будет, когда они сюда придут? Да и вообще... они от всех очень отличаются, это же совершенно другой круг...» Ольга торжествующе зашипела мне на ухо: «Сегодня Алёна впервые приняла историческое решение разделить бедных и богатых. Ты то вписываешься в её новую концепцию, ты же у нас новая русская на джипе с квартирой почти на Невском, да ещё в придачу психолог».

– Ага, а тебя Алёна пригласила потому, что ты киножурналистка и можешь веселить публику рассказами об актёрах, – иронически ответила я.

Ольге просто обидно, что её выгнали из журнала, вот она и бросается на Алёну: подумаешь, древо, подумаешь, подруг из турфирмы не позвала...

– Алёна так изменилась, так изменилась, – ворчала Ольга. – Раньше её любимая фраза была: «Это очень дорого», а теперь «Это же совсем недорого».

Я порылась в памяти и вспомнила, что правда – Алёна всё время ужасно радуется, что килограмм очищенных коро-

левских креветок совсем недорого, и сумочка от Гуччи тоже недорого. Сделала блиц-псих, анализ её личности и поняла: Алёна просто боялась, что, хотя их материальное положение сильно улучшилось, но всё-таки килограмм креветок и сумочка от Гуччи ей пока что дороговаты, и теперь радуется, что всё-таки нет, совсем недорого!

Алёна объявила, что еда сегодня будет испанская, потому что вся вечеринка испанская, потому что они с Никитой только что вернулись из Испании, а Испания – хорошая страна, и они присмотрели там дом совсем недорого. И тут во мне зашевелилось ЧТО-ТО.

Я немного расстроилась, догадавшись, это ЧТО-ТО – завистливый червячок, и спросила у него, точно ли он завидует? Он ответил – да, он тоже хочет дом в Испании (море, солнце, вино...). Я всё-таки психолог, и это очень удобно – всегда могу оказать себе срочную псих. помощь и поддержку. Так... Мне нравится Алёнина сумочка от Гуччи, и новые вазочки тоже очень нравятся, особенно эта, с узором из переплетающихся листьев... И ещё мне нравится Алёнина спальня, такая пышная, лакированная, ну и пусть немножко слишком богатая. Спальня и должна быть пошлая, с розовым кружевным покрывалом и ночным колпаком под подушкой... Вот только я ни за что бы не хотела получить в придачу к сумочке и креветкам толстого и довольно-таки капризного Никиту, который чуть что не по нему, орёт на Алёну благим матом.

Оказав себе срочную псих. помощь, я вызвала Ольгу покурить на кухню и сообщила ей, зажав между баром и холодильником:

– Мы с тобой завидуем Алёне, и с научной точки зрения мы абсолютно правы.

– Я завидую?! – возмутилась Ольга.

– Потому что зависть – это сравнение себя с окружающими, а человеческий мозг, особенно такой высокоразвитый, как наш с тобой, производит эту операцию непрерывно. Но... вот скажи честно, ты хочешь, чтобы у Алёны немедленно отняли сумочку Гуччи и килограмм королевских креветок? – спросила я Ольгу.

– Нет, ни за что! – испугалась Ольга. – Пусть радуется! Она, между прочим, всё детство жила с братом в одной комнате, а Никита тоже всё сам, и никому ничего плохого не сделал, пускай гордится своим деревом! А ты что, предлагаешь отнять у неё кровати?

– Ты что, дура, что ли? – облегчённо ответила я и обрадовалась – вовсе мы с Ольгой не злобные чудовища, ура, ура!

Я, как всегда, очень-очень мечтала о сладком, поэтому сунула нос в духовку и крикнула Алёне в гостиную:

– Эй, Алёна, что у тебя на сладкое – меренги?!

– Нет, это альпухаррские соплильос. Как раз из яичных белков, сахара и миндаля! – крикнула в ответ Алёна.

И мы пошли в гостиную совершенно примирённые с Алё-

ниным богатством.

Не забыть рассказать Женьке, что главное блюдо называлось паэлья-марискада. Алёна подала свою паэлью по всем правилам, в широкой плоской сковороде (специальная сковорода-паэльера). Рис, наверху креветки, ракушки, мидии, кальмары, ещё что-то зелёное. Она отдельно жарила курицу в оливковом масле, отдельно лук, чеснок и петрушку, тоже в оливковом масле. Добавляла помидоры, горох и креветки и смешивала с содержимым первой сковородки. Ещё отдельно жарила кальмаров, мидии и добавляла рис. Рис тоже тушила отдельно, с красным перцем и шафраном. Мы с Женькой в Испании много раз заказывали паэлью, надеясь, что вдруг паэлья окажется не гадостью, но она всегда была гадостью, а Алёнина марискада была очень вкусная.

Гостей было три пары и ещё две одинокие девушки по виду от двадцати пяти до сорока. Всех я видела впервые.

Один толстый дяденька (толще Никиты) очень весело рассказывал о своём путешествии по Франции.

– Приехали в Версаль, решили, раз уж Версаль, надо по пруду на лодочке покататься. А там на пруду лилии. Мы как дали по этому Версалью! У меня эти лилии ВОТ ТАК стояли!

Странно, что-то я совсем не помню лилии в версальском пруду! Наверное, мы с Женькой смотрели не туда, например на скульптуру Людовика Четырнадцатого.

Искоса поглядывала на одинокую блондинку. Только что выпили за её новую машину, белый «мерседес». Наверное, блондинка – менеджер высшего звена, потому что всё время вставляла в разговор английские слова. Очень хотела познакомиться с ней поближе, потому что она совершенно новый, неизвестный мне тип женщины – вся глянцевая, гламурная, пафосная, воплощение журнала «Топ-Менеджер». Но блондинка смотрела так строго и холодно, что к ней было страшно подойти. Почему-то у неё нет одного бокового зуба, невозможная загадка – почему? Наверное, ей просто некогда пойти к врачу.

Блондинка сказала, что прямо сейчас, сразу после того, как съест паэлью-марискаду, она поедет на своём белом «мерседесе» на вечеринку в Хельсинки. В Хельсинки ехать часа четыре...

Вот это женщина! Даже не попробует альпухаррские соп-лильос?

Лучше я поближе познакомлюсь со второй девушкой, Стеллой, она мне показалась как-то попроще.

Стелла подробно рассказывала мне про отель, который она строит на Васильевском острове, а я преданно глядела ей в глаза и кивала. Отель на Васильевском острове её (Стеллы), и соседнее здание тоже её, и ещё что-то тоже все её. У Стеллы есть строительная документация, контракт, дедлайн и правильные температурные условия хранения кирпича для

отеля.

Я поняла, что просто преклоняюсь перед Стеллой, – как она сумела сделать так, что все это стало ЕЁ: и строительная документация, и контракт, и дедлайн, и правильные температурные условия хранения?

Стелла говорила со мной один час двенадцать минут, и я почти окончательно впала в транс – голова покачивалась в такт её словам, а улыбка превратилась в большую оскаленную гримасу, это у меня профессиональное. А у Стеллы совсем нет совести, я же всё-таки не на работе!

За десертом Менеджер высшего звена и Стелла обсуждали экстремальные виды спорта. Стелла борется с налоговой полицией, а Менеджер умеет водить самолёт и катер. Мне очень хотелось как-нибудь подобраться к Менеджеру, поэтому я тоже решила принять участие в разговоре.

– Что касается экстрима, – светски заметила я, – у меня есть одна знакомая. Она однажды очень хотела понравиться инструктору по прыжкам с парашютом и для этого пробралась на вертолёт и прыгнула с парашютом прямо с этого вертолёта. Так она, представляете, прямо в полете описалась, чтобы не сказать похуже...

Подчеркнув, что я тоже имею отношение к экстремальным видам спорта, я почувствовала, что стала вровень с Менеджером, и только хотела продолжить беседу, как Алёна вызвала меня в коридор:

– Знаешь, хоть у Менеджера и Стеллы есть деньги и «мер-

седесы», всё равно они обе ужасно несчастные – без семьи и без детей.

– Ты с ума сошла! – возмутилась я. – Я тебе говорю как психолог – они абсолютно счастливы и самодостаточны. Вон у них сколько всего – вечеринка в Хельсинки, самолёт, катер и вообще...

Алёна упрямо считает, что у таких успешных дам под маской успеха таится отчаянная тоска, но я подозреваю, что она думает так оттого, что у неё самой нет никакого успеха, только Никита и мальчишки.

К концу вечера мы все по-настоящему сдружились, и я спросила Менеджера, как это ей удаётся быть такой нечеловечески стройной?

– У меня была такая история! Не дай бог никому! – сказала Менеджер и подозрительно алчно впилась в меня глазами.

«Нет! Только не это!» – закричала я, но только мысленно, а вслух сказала:

– Давай, рассказывай (мы уже были на «ты») всё подробно, мне очень интересна твоя история – не дай бог никому...

Может быть, у меня началась профессиональная деформация? Это такая болезнь, когда прокурор обвиняет не только в суде, но и дома. Или полковник на трамвайной остановке кричит толпе пассажиров: «Раз-два, стройся!» Или учительница младших классов ласково и строго смотрит на всех взрослых как на дебилов. А на мне, видимо, надето специ-

альное психологическое лицо, которым я сообщаю окружающим – валяйте, рассказывайте мне все, что пожелаете.

В итоге чудно скоротала время в гостях:

а) один час двенадцать минут выслушивала про всё, что накопилось у Стеллы,

б) один час сорок восемь минут про то, как от Менеджера ушёл муж. А муж ушёл странно, как в анекдоте, я думала так в жизни не бывает. Этот её муж вышел в магазин и позвонил Менеджеру через месяц. Сказал, что нужно срочно делить квартиру. Оказалось: пока муж был в магазине, у него ребёнок родился. И он узнал об этом и не вернулся домой, а отправился посмотреть на ребёнка, ну, а ребёнку квартира нужна, это как раз понятно. Вот он и позвонил.

Вряд ли Менеджер привирает – такая серьёзная женщина, которая знает слово «бизнес-план», не смогла бы придумать подобную пошлую бабскую историю. Менеджер деловито сообщила, что в связи с уходом мужа у неё теперь дедлайн по поиску партнёра, то есть сейчас все её организаторские способности брошены на очень срочный поиск мужчины, и она уже просмотрела несколько кандидатов.

Неужели Алёна права, и у такого успешного Менеджера под маской успеха таятся одиночество и тоска? Иногда случается, что дилетант оказывается проницательнее профи и совершенно неожиданно открывает новые закономерности, гипотезы, теории или ещё что-нибудь такое.

Насчёт поиска мужчины я посоветовала Менеджеру больше обращать внимания на животный мир. Ведь мы все – неотъемлемая часть природы, а ведь природа почему-то устроила так, что все самочки имеют очень скромное оперение или окрас, да ещё и норовят спрятаться от самца или, по крайней мере, сделать вид, что прячутся. Непонятно, зачем природе это нужно (как же тогда привлечь самца?), но это научный факт. (Рекомендовала Менеджеру посетить зоопарк, пусть проверит.) И вот один исследователь провёл эксперимент и довёл рыбок-самок до того, что они не уплывали от самцов, как обычно, а, кокетничая и подмигивая, плыли своим самцам навстречу.

– Догадайся, что случилось с рыбками-самцами? Спорим, не догадаешься?

Менеджер не смогла догадаться.

– Сдаёшься? – торжествующе спросила я. – А ведь все самцы без исключения стали импотентами.

Менеджер всё очень хорошо поняла и поклялась принять в самом скором времени скромный, положенный самочке природой вид, и спокойно ждать, пока самцы приплывут к ней сами.

Ольга уехала к Лежачему, а меня обещала подвезти Стелла – она живёт по соседству со мной, на Жуковского.

– Ну всё, мне прямо, а тебе по Фонтанке, – сказала Стелла,

и я растерянно выплюхнулась из её машины в двух минутах езды от моего дома. Как странно, ей всего-то и надо было довести меня до Владимирского, развернуться и минуты через три она была бы у своего дома, на углу Литейного и Жуковского. Наверное, у Стеллы был дедлайн по приходу домой.

Дрожа и оглядываясь на страшные подворотни, я бежала по тёмной Фонтанке. Зато пока бежала, очень хорошо поняла, почему у Стеллы есть контракт, правильные температурные условия хранения кирпича и отель на Васильевском.

Засыпая, я размышляла о будущем своей дочери Муры. Может быть, Муре поступать на менеджмент? Очень модно и престижно! Только чем Мурка будет управлять... Трудно представить область деятельности, нуждающуюся в Муркином управлении. А вдруг, чтобы добиться успехов в менеджменте, нужно уметь, как Стелла, посадить человека на тёмной улице в двух минутах езды от его дома. Зачем Мурке соревноваться? Она только с виду пофигистка, а в душе текучая и нежная, и совсем не приспособлена к борьбе за место под солнцем. Моя Мура только улыбнётся и уйдёт в сторонку, и сделает вид, что ей и так неплохо, а ей будет плохо, я знаю... Она будет переживать, что другие стали менеджерами высшего звена, а она – среднего или даже совсем низшего. Совсем уже во сне очень жалела Менеджера и Стеллу и благодарила бога за то, что у меня есть Мурка, а у Женьки Катька.

15 октября, воскресенье

Утром позвонила Алёна, рыдала: трусики не сработали, и пилюля-возбудитель тоже. Алёна сказала, лучше она будет думать, что некачественной оказалась пилюля-возбудитель, а не Никита.

– Это просто безобразие, – согласилась я, – почему эти производители не рассчитывают свою пилюлю на Никитин вес, мы будем жаловаться...

Решили:

1. Алёне срочно приобрести книгу «Всё, что вы хотели узнать о сексе, но боялись спросить».

2. Не говорить Ольге (приятно, что я ближе Алёне, чем Ольга), что трусики не сработали, а сказать только, что пилюля не подействовала.

23 октября, понедельник

Вечером встречаюсь с Романом, очень рассчитываю исправить моё плохое, просто ужасное настроение (плохое настроение почти всю неделю, сегодня особенно, потому что моя жизнь не удалась). Но сегодня вечером я опять почувствую, что жизнь прекрасна, потому что у меня есть близкий человек, которому интересно про меня всё, буквально каждая мелочь (очень-очень близкие люди и существуют для того, чтобы поддерживать друг друга в этом чужом и недоброжелательном мире).

Список неприятностей – причин плохого настроения:

1. Не заводится машина (а ведь это вопрос не только моего времени, потраченного на ремонт, но и денег, сколько?).
2. Мало того, что приходится ходить пешком и оставлять старикана во дворе совершенно одного, так ещё и Лысый злится, что я мешаю ему продолжать работы по благоустройству двора. (Лысый разошёлся и хочет построить ещё один фонтан, справа от помойки.) Какого чёрта ему нужен ещё один неработающий фонтан? Может быть, Лысому не дают покоя лавры Петергофа?
3. И куда же деваться старикашке, если он не заводится и не может убраться из двора на время проведения строительных работ?
4. У Муры двойка по физике, а всего четыре (четыре двойки).
5. И всякие мелочи, например, не виделась с Романом больше недели. Ну ладно, я вполне самодостаточный человек, но как же он без меня, просто интересно.

Записываю перед сном.

Встречались с Романом в квартире его друга. Друг одолжил Роману квартиру с шести до половины восьмого, но Роман сказал: «Лучше уйти минут двадцать восьмого и не забыть всё-всё убрать».

Секс был какой-то грустный, но быстрый. Или быстрый, но грустный.

...Раздетый человек, если посмотреть на него свежим взглядом, очень смешной. Почему у него в середине такое смешное туловище, по бокам четыре лапы, а у каждой лапы ещё по пять маленьких отросточков? Наверху торчит шея, на шее голова, а из головы растут уши, – нет, ну если свежим взглядом?! И почему это существо с лапами и ушами не понимает, что физиологическая реакция на секс у мужчин и женщин разная! И психологическая тоже разная!

Ну и что, нельзя же требовать от мужчины, чтобы он всегда был на высоте (совершенно не имею в виду бесполезные, никому не нужные глупости, которыми мужчины пытаются охарактеризовать качество секса, вроде сколько раз и др., а имею в виду только его вовлеченность, нежность, др.).

И ещё совершенно недопустимо каждый раз добиваться каких-то невероятных оргазмов... И вообще оргазмов. В конце концов, это претензия, которую можно предъявлять только к собственному организму, а не к чужому!..

Обидно, но ничего не поделаешь – для мужчины всё заканчивается с фактическим концом, а женщине хочется ещё чего-нибудь, например, поговорить о том, что у меня очень плохое настроение...

Роман был погружен в себя и расстроен. У него неприятности – он очень рассчитывал на петербургский канал, но там ему сказали, что программа Романа – это не их формат. (Меня ужасно возбуждает слово «формат».)

Формат – это как размер, цвет и фасон (если взять, допу-

стим, платье) вместе взятые. К примеру, наш завкафедрой считает, что мои любимые клетчатые брюки до колен – это не мой формат, потому что клетчатые брюки не подходят мне по возрасту, по положению и по росту, т. е. они должны быть длинные. А мы с Мурой считаем, что клетчатые брюки как раз мой формат.

На этом неприятности Романа не закончились. Ещё сказали: «Твоя программа – не наша целевая аудитория». С аудиторией мне более или менее понятно: студентам дневного отделения я подробно рассказываю про психоанализ, вечерам в рамках культурного ликбеза сообщаю, что у каждого из них имеется подсознание, бурлящий котёл врождённых инстинктов, ну, а заочникам просто показываю портрет Зигмунда Фрейда из моих рук.

Очень хотела рассказать Роману про сломанную машину и про Муркины двойки по физике, потому что я прекрасно знаю главное правило общения – если человек рассказывает вам про свои неприятности, нужно быстренько рассказать ему в ответ про свои, чтобы он не думал, что только у него одного дела идут не очень.

«А у меня машина не очень, и Мура тоже», – сказала я, но оказалось, что на другом канале Роману сообщили, что его проект – это проект их мечты, и что они вообще даже просто потрясены его гениальностью по части формата, аудитории и синопсиса, и теперь осталось только найти спонсора. Почему он переживает, если его так хвалили? Видимо, я ещё не все

понимаю в телевидении и шоу-бизнесе.

Напоследок Роману захотелось ещё раз обсудить со мной формат программы и целевую аудиторию, и я не стала грузить его своими глупостями, чтобы не получилось, что его дела ерунда, а мои очень важные (тем более что насчёт машины можно посоветоваться с Денисом).

Может быть, это и к лучшему, потому что в литературе приводится совершенно иной, противоположный подход к общению, – если человек рассказывает вам про свои неприятности, ни за что нельзя рассказывать ему в ответ про свои, чтобы он мог порадоваться, что хотя бы у вас дела идут неплохо.

Начиная с без десяти семь Роман незаметно поглядывал на часы, и я решила соврать, что тоже спешу (вечерняя лекция), но не успела.

«Извини, малышка, мне пора», – сказал Роман ровно в семь, и мы ушли. Помыть чашки, поправить покрывало на диване – это всё я забыла, но чайник, кажется, выключила. Или нет?

Хорошо, что не рассказала Роману про сломанную машину и Муркины двойки. Вышло бы неловко – Роман мог подумать, что я жду от него предложения помочь с ремонтом или с уроками. Тем более что двойки и сломанный старикашка не идут ни в какое сравнение с программой, форматом и целевой аудиторией.

2 ноября, четверг

Смирилась с бесконечными ударами судьбы (машина сломана, Мура получила ещё две двойки по физике) и немного приободрилась (американцы платят бешеные деньги, чтобы хоть немного походить по специально отведённым местам, а я могу всюду пройтись пешком совершенно бесплатно; Мура вырвала из дневника страницу с двойками и теперь нам с ней стало поспокойней).

Так вот, только я приободрилась и у меня стало ровное хорошее настроение, как вдруг, пожалуйста, – меня сегодня очень сильно обидела наша проректор (из-за неё я чувствовала себя совершенно незащищённой в этом чужом и недоброжелательном мире).

Я направлялась к ней в кабинет уверенная, что она всегда счастлива меня видеть. Проректор любит поболтать со мной о моде, о женской доле, а особенно о своей жизни. В ожидании обычного радостного приёма я, как всегда, заглянула в её кабинет с подарочным лицом «Вот она я», но там, в кабинете, совершенно неожиданно для меня оказалось лицо «Я вам сейчас покажу». Проректор выставила на меня рога и выпустила когти и ка-ак заорёт:

– Что вы себе позволяете!.. Приходить ко мне!.. Когда я занята!.. А вы!..

От неожиданности я мгновенно улетучилась из кабинета и весь день очень-очень переживала, что не смогла достойно поставить её на место. Чем я провинилась, почему меня

выгнали? И почему один человек может выгнать другого? Только потому, что он СИДИТ В КАБИНЕТЕ? И НАЧАЛЬНИК? Но ведь не я же поступила невежливо и даже очень грубо, так почему именно мне так неприятно?

Виделась с Романом, хотела рассказать ему про то, как меня обидела проректор, но не успела, и теперь мне очень-очень грустно. Почему? Как психолог знаю – если у человека совершенно немотивированное плохое настроение – ему необходим шоколад. Если под рукой нет шоколадки и лень идти в магазин, можно использовать и другие методы, например, выговориться или записать свои мысли.

На всякий случай, я сделала и то, и другое, и третье, – съела большую шоколадку «Виспа», написала «Трактат о хамстве», а потом зачитывала всем по телефону.

Трактат о хамстве

Что именно нас невыносимо обижает, если нам нахамили? Ведь не мы же плохо себя вели, а кто-то другой. И какое нам до него дело?

Значит, дело, не в этом, а в том, что мы не смогли достойно ответить на хамство.

Но достойно ответить на хамство в принципе невозможно. А раз так, то нечего и переживать.

Дополнительно провела социологический опрос на тему: «Как вы реагируете на хамство?»

1. *Алёна*: «Мгновенно хамлю в ответ».

(Не подходит, потому что я не умею так быстро найти у себя подходящее к данной конкретной ситуации хамство. Хамство отыскивается через минуту-другую, когда оно уже никому не нужно.)

2. *Ольга, Женька, мама*. Тут же теряются и предъявляют обидчику растерянные глаза и такой обескураженный вид, как будто им в этот вид только что плюнули. Делятся на два подвида. Первым (*Женька, мама*) требуется от десяти минут до месяца, чтобы найти достойный ответ, что не имеет значения, так как время все равно уже упущено. Вторые (*Ольга*) вместо того, чтобы искать ответ, плачут, напиваются, канючат или увольняются.

Выводы:

Мы не ожидаем, что на нас наскочат и нахамят, потому что наш принцип в отношениях с людьми – мир, дружба, жвачка. Мама, Ольга, Женька (и Алёна, у неё просто большая выучка вследствие долгой работы в женском коллективе), и я тоже – очень милые ангелы, приносящие в жизнь доброту, любовь и участие.

3. *Остальные (наша кафедральная секретарша)*. Постоянно находятся в состоянии круговой обороны, поэтому никому не приходит в голову им хамить. У таких людей всегда немного красные щеки, напряженный взгляд, выдвинутый вперед подбородок, из глаз торчат иголки.

(Не подходит из эстетических соображений.)

Рекомендации:

Обратиться к врачу насчёт желудка и больше заниматься сексом. Секс поможет расслабиться и воспринимать мир, как будто он вас любит-обожает, а не норовит постоянно подкузьмить.

Сегодня был день ссор, обид и конфликтов. У Мурки тоже конфликт. С историком. Мура говорит, что историк «придурок». Ему двадцать два года, и вот после института он пришёл работать в школу на полторы тысячи рублей.

– А может быть, это его призвание, – высказала я предположение.

– Какое у него призвание, получать полторы тысячи рублей? – возразила Мурка. – Мы с девочками считаем, что мужчина должен зарабатывать деньги, иначе он не состоятелен и несексуален.

...Хм, Мура с девочками считают, что историк несексуален...

Перед сном думала – надо бы отругать Мурку с девочками за то, что они находят историка несексуальным.

С другой стороны, я как раз сегодня рассказывала первому курсу, что темперамент у людей бывает разный, и некоторые темпераменты совсем не сочетаются друг с другом. Например, холерику и меланхолику друг с другом трудно. Холерик всегда такой возбуждённый и безжалостно треплет и щекочет меланхолика (морально, не буквально), и от этого

меланхолику плоховато живётся.

И вдруг одна студентка подняла руку и сказала, что темперамент – это полная туфта, то есть, извините, полная ерунда, а главное, чтобы партнёр много зарабатывал, тогда и на темперамент можно... Кажется, она сказала «положить», потом поправилась. И тут многие закричали: правильно, правильно, главное много зарабатывать! И я представила: пришёл весёлый Холерик домой и видит, у него там Меланхолик сидит в уголке и плачет. Холерик и щиплет Меланхолика, и щекочет, и дразнит, а Меланхолик всё плачет и плачет. Тогда Холерик интригуяюще говорит: «А у меня много денег...», но Меланхолик грустно улыбается и произносит сквозь слезы: «Покажи, что ты мне принёс?» Совершенно новое, свежее слово в науке!

Но если уж это «поколение пепси» все равно не такое духовное, как наше, раз уж Мурка с девочками такие меркантильные особы, то почему бы моей Муре не стать врачом-стоматологом, ведь всем известно, что стоматологи хорошо зарабатывают. Правда, мои друзья-врачи всегда утверждают, что стоматолог – не настоящий врач, и даже говорят: «Кто учился на стомате, тот не врач, а хрен в халате!» Но зато Мура сможет поддержать Дениса в старости, а заодно делает Женьке правый верхний зуб, он у неё растёт немножко вбок.

В медицинский сдают химию и биологию, а вот как раз с

химией у Муры совсем не так плохо, как с физикой.

Не могла дожждаться утра, чтобы поделиться этими мыслями с мамой, Мурой и Женькой.

Ноябрь

4 ноября, суббота

Утром проверила Мурины знания по химии. Я со школы помню, что в этой химии все очень просто, надо только понять, что кислоты начинаются на Н, а спирты оканчиваются на группу ОН.

– Ну-ка, Мурка, скажи быстро, на что кончаются спирты?

– Спирты? – переспросила Мура. – Спирты кончаются на «Ы».

Некоторые политические деятели тоже не очень-то хорошо учились в нашей школе, а какую сделали карьеру, загляденье! Вот и моя Мура тоже – репетиторы научат её отличать лягушку от старушки, и дело в шляпе! Зато какая профессия – чистенькая, в белом халате, если что, всю семью вылечит! И всегда в руках кусок хлеба.

Что-то я сегодня плохо себя чувствую, тошнит и кружится голова. И горло болит.

– Мура, меня тошнит и кружится голова. Что это со мной? Скажи как будущий врач!

– У тебя кариес, – ответила Мурка и унеслась в школу.

А гулять с Львом Евгеньичем, как всегда, мне... А меня и так тошнит... И тут у меня внутри все похолодело и задрожало, а рука сама потянулась набрать Женькин номер. В

Германии семь утра, но моё дело не терпит никаких отлагательств.

– Женька, всё пропало! Меня тошнит, у меня задержка.

– Дура ты, у тебя не задержка, а климакс! – сказала Женька.

– Нет, задержка, задержка! – заверещала я.

Это она со сна просто не разобралась. Какой может быть климакс в тридцать с небольшим?!

Окончательно проснувшись, Женька отреагировала на мое сообщение как заправский гинеколог и принялась задавать мне наводящие вопросы – когда последний раз было то, а когда последний раз было сё...

– Купи тест на беременность, – посоветовала она.

Не понимаю, зачем мне тест? Взрослым опытным женщинам он ни к чему, и так понятно, всё-всё за беременность – тошнит, и болит горло.

Тошнит, кстати, уже совершенно невыносимо, хорошо, что у меня сегодня только вечерние лекции... Надо будет поговорить с деканатом, пусть изменят мне расписание, беременным необходимо больше спать.

– Ни о каких беременностях не может быть и речи. Сделаю аборт, – сказала я.

– Правильно, – одобрила Женька.

– Ни за что не буду делать аборт, – непоследовательно сказала я.

Стыдно признаться врачу, что я в моем возрасте не умею

предохраняться, а главное, я принципиальная противница абортот. Это убийство. Раньше все делали абортот, но теперь, когда мы стали как-то ближе ко всем религиям сразу, мы ни за что не хотим, чтобы нас осуждали церкви, к кототром мы не принадлежим. Я не считаю, что аборт – это убийство, потому что откуда мне знать? Просто если у кого-то уже есть Мурка или Катька, сделать аборт всё равно, что... В общем, невозможно. Очень-очень боюсь маму.

– Представляю, что скажет твоя мама, – хихикнула Женька.

Я тоже представляю. Ну ладно, я знаю, как решить проблему с мамой, – пусть сама увидит, что я беременна, когда ребёнок уже родится.

Слабым голосом сказала Женьке, что не могу с ней больше разговаривать, – мне нужно перед уходом на лекцию натереть себе морковку.

Тереть морковку поленилась, а решила, что лучше сообщу всем новость.

Ольга брала интервью у кого-то очень важного и даже не смогла со мной толком поговорить. Пообещала приходить гулять два раза в неделю. Врёт, обманет! У самой то промотры, то пресс-показы.

Я повесила трубку и представила, как иду с коляской по Владимирскому, одна. С озверелым видом поглядываю на часы каждые пять минут, проверяя, не прошли ли положенные для прогулки два часа. Или стою над песочницей со ску-

чающим лицом. Или веду ребёнка за ручку в детский сад, тоже одна. А самое ужасное – в первый класс, и опять всё сначала – палочки, крючочки...

...А Романа что-то нигде не видно, наверное, он на работе.

Алёна сказала, что она очень может сейчас со мной все подробно обсудить и как раз вчера видела чудные кружевные конверты, недорого, всего двести долларов.

Повесила трубку и подумала – Алёна станет ездить за границу, Ольга расти профессионально, все будут ходить на вечеринки, в театры и на боулинг, а я буду радоваться, наблюдая, как растёт малыш. Рожать ребёнка в тридцать шесть лет очень опасно – что, если лет через двадцать меня примут за его бабушку?

Перезвонила Женька и велела настроиться на позитивный лад с помощью аутотренинга. Аутотренинг – это очень просто, надо только лечь, закрыть глаза, расслабить руки, ноги и голову и повторять вслух замогильным голосом, одновременно расслабив челюсти: «Я очень счастлива, просто очень, и Мура тоже очень обрадуется, особенно обрадуется Лев Евгеньевич (обожает отнимать у детей мячики и играть сам)».

Я случайно заснула, а когда проснулась, оказалось, что

аутотренинг замечательно помог – я абсолютно счастлива и сейчас позвоню Роману.

– Встретимся вечером. У меня лекция в восемь, так что давай в Летнем саду в половине седьмого, – сказала я. – Нет-нет, ничего не случилось (зачем пугать человека!), просто нужно **ОЧЕНЬ СРОЧНО** поговорить об одном **ОЧЕНЬ ВАЖНОМ ДЕЛЕ**, не волнуйся.

Всегда важно заранее обдумать трудный разговор, и я очень тщательно обдумала, как правильно построить беседу. Существует несколько вариантов, для удобства рассмотрим в списках.

Вариант первый:

1. Якобы случайно встречаем Алёну.

– Ой, ну до чего же вы хорошая пара! Какие же у вас будут красивые дети! – умиленно говорит Алёна как бы между прочим.

Предполагаемая реакция Романа: радуется, немедленно хочет красивых детей.

Примечание. Не забыть подговорить Алёну.

2. Якобы случайно завести Романа в аптеку и посоветоваться с ним, какой тест на беременность лучше выбрать. Купить тест.

Предполагаемая реакция: полон радостного нетерпения поскорей узнать результаты теста.

Примечание. Не забыть зайти в аптеку. И где именно в

Летнем саду я смогу использовать тест?

3. После покупки теста кокетливо называть Романа «папочкой».

Предполагаемая реакция: умиление.

Примечание. Можно иногда называть его «папулькой».

Вариант второй (просто разговор):

Краткие тезисы разговора:

1. У меня будет ребёнок.

Предполагаемый ответ Романа: «Не у меня, а у нас!»

2. Я – самостоятельная женщина и выращу ребёнка сама.

Предполагаемый ответ: «Мы будем растить нашего ребёнка вместе».

3. Я не хочу выходить за тебя замуж, потому что ты уже женат.

Предполагаемый ответ: не могу представить, что он скажет. Это очень хорошо, потому что в любом плане должен присутствовать элемент неопределённости.

4. Помоги найти врача!

Примечание. Не забыть надеть чёрненький беретик и присесть на скамейку.

Предполагаемый ответ: «Ну надо же, как в кино, – она ждёт ребёнка, а он не хочет, он подлец, а она святая».

Примечание. Что, если он не знает текста моего любимого фильма «Москва слезам не верит»?

Гуляли в Летнем саду с половины седьмого до без десяти восемь. Был очень грустный разговор. Роман впервые сказал, что он меня любит. (Мужчины стараются избегать этих чудных слов: «Я тебя люблю», и возможно, они правы, потому что после них на душе становится тихо и печально, как будто что-то улетело навсегда.) Сказал, что за лето я стала ему самым близким человеком, что я необыкновенная (ура!) и он ни за что не согласен со мной расстаться. Насчёт расстаться не поняла, вроде бы я ничего об этом не говорила.

– Я буду думать, как теперь быть, – сказал Роман очень мужественно и ответственно.

Но с другой стороны, – подчеркнул Роман, – он ещё не знаком с моей дочерью (это правда, я принципиально не знакоблю Муру, Льва Евгеньича и Савву Игнатьича с теми, с кем у меня романы), и нас впереди ждёт очень много сложностей, а нужны ли нам эти сложности...

Я была такой же благородной, как он, и перечислила ему пункты 1, 2 и 3. По пункту 3 («Я не хочу выходить за тебя замуж, потому что ты уже женат») Роман кивал и говорил: «Да-да, конечно».

Мне его ужасно жалко! Это такая сложная ситуация...

Предположим, Роман меня любит и хочет, чтобы у нас был ребёнок. А жену он не любит, но зато у них уже есть ребёнок. Если бы он и так собирался от них уйти, все бы сошлось, но до сегодняшнего разговора он и не думал никуда уходить. Получается, что интересы его нового ребёнка

как бы перечёркивают интересы его старого ребёнка, и это неправильно, так не годится.

Утешала Романа, сказала, пусть не расстраивается, всё как-нибудь образуется, мы должны относиться к этому как к самой большой в мире радости, и эта наша радость ни за что не обернётся гадостью для его жены и ребёнка.

На прощание Роман рассказал мне новости про свой проект. Он хотел пойти к генеральному продюсеру одного канала (там он ещё не был), а знающие люди сказали, что продюсер на грани съёма. Тогда Роман пошёл к его заместителю, но тот ничего не решает, и теперь надо действовать через арт-директора. Роман очень переживает, говорит, пока он будет ходить, кто-нибудь украдёт его идею и выпустит такую же программу.

Уверяла Романа, что этого не произойдёт и всё кончится хорошо.

Роман необыкновенно ласково обнял меня на прощание (испытывал ко мне огромную дополнительную нежность как к матери своего будущего ребёнка) и сказал:

– Пока, скоро увидимся, не раньше пятницы, позвоню!

Пришла на лекцию очень уставшая от проблем и чувств, еле-еле поднялась на третий этаж – беременность даёт себя знать.

Не понимаю, почему студентки первых парт изо всех сил

корчат мне страшные рожи. После лекции они окружили меня, молчали и молча страдали. Я думала, у них случилось что-то ужасное.

– Простите, пожалуйста, у вас... – наконец решилась одна девочка и стрельнула глазками вниз и в сторону, в мою.

Я попыталась рассмотреть себя сзади. О боже! Красное пятно!

Чуть не умерла от стыда.

Объяснила девочкам, что, если вдруг с ними на людях произойдёт что-нибудь ужасное, неприятное, пусть ни в каком случае не паникуют, не извиняются, относятся к себе с юмором – мол, с кем не бывает.

Из туалета позвонила маме. Я всегда сразу же звоню маме, когда у меня неприятности, если только это не касается Мухры и не связано с деньгами, работой, моими романами и др.

– Случилось ужасное, – шептала я в воротник свитера, чтобы никто не услышал. – Самое ужасное, что может случиться с человеком, стоящим у доски на виду у ста человек. Нет, не угадала, я не описалась. Напеваю: если этот человек – женщина в светлых брюках...

Решила, теперь в критические дни буду надевать на лекции что-нибудь непромокаемое, например, купленный в Диснейленде красный длинный дождевик с капюшоном...

Вечером звонила Женька. Она купила специальные витамины для пожилых беременных (это не очень обидно, так как пожилыми беременными считаются все, кто старше двадцати пяти) и хорошенький слюнявчик с обезьянкой. Пришлось признаться, что я перепутала даты.

– Я же говорю, климакс, – совершенно нелогично отозвалась Женька. – Ничего, слюнявчик с обезьянкой тебе ещё пригодится. У тебя полная потеря памяти и маразм.

Роман не позвонил. Странно, он же не знает, что особые нежности по случаю беременности могут быть отменены, но не позвонил. Почему?

8 ноября, среда

УРА-УРА, очень счастливый день! Всё по порядку.

Рано утром Лысый попытался поругаться со мной навсегда.

– Ваша кошка спит на моем «мерседесе». А если она на него...? (Не могу произнести это слово, написать тоже не могу.) Я потом машину от вони не отмою!

– Савва Игнатьич? Спит? Я ему скажу, он больше не будет...

Лысый посмотрел на меня диким взглядом и сказал, что поскольку он лично заинтересован в новом фонтане, то предлагает подвезти меня на этом... как его... ну, в общем, на верёвке приволочь меня на станцию техобслуживания!

Как мило с его стороны!!!

...А что если у Лысого коварный план – заманить и бросить меня вместе с моей машиной, а самому овладеть наконец местом моего старикана во дворе? Возвести там дозорную башню?

– А собаку зачем берёте с собой? – спросил Лысый.

– Лев Евгеньич большой любитель долгих путешествий. К тому же хочу, чтобы он подождал на станции, пока сделают машину, и сам прирулил домой. А то он очень избаловался и не приносит никакой пользы...

Кажется, Лысый твердо решил, что я сумасшедшая, потому что больше вопросов задавать не стал, а молча привязал меня к себе верёвкой, и мы порулили в сервис.

Ехали долго, очень долго, потому что я очень боялась:

1. Потеряться от «мерседеса».
2. Въехать «мерседесу» в зад.
3. Всего.

Лысый высовывался из окна и орал: «Ты что там, уже умерла, давай быстреей!».

Провела три незабываемых часа на станции техобслуживания в чистом поле. Там не было даже кафе, всё-таки одинокая женская доля страшно тяжела... а Лысый зачем-то сидел со мной. Лысого зовут Марат.

Посоветовала ему вместо возведения фонтана заняться благотворительностью, но он сказал, что благотворительность ни к чему, потому что очень скоро в нашей стране во-

обще не будет бедных.

Как это не будет бедных? Ведь у всех маленькие пенсии, а учителя и врачи получают крошечные зарплаты!

Я сначала испугалась, что Лысый знает секретный план правительства: полностью избавиться от бедных, например, вывезти куда-нибудь всех пенсионеров, учителей и врачей, но оказалось, что это я не поняла, а у правительства есть совсем другой план. Оказывается, все хорошее для бедных возьмётся из какого-то ВВП. Лысый сказал, ВВП – это валовой национальный продукт. Не поняла, что это, но постеснялась спросить, чтобы Лысый не подумал, что я экономически неграмотная дура. Очень обрадовалась, что у правительства много этого ВВП, надеюсь, хватит на всех.

В отличие от меня, Лев Евгеньич не беседовал на темы экономики и финансов, а упоительно провёл время – носился по всей станции, выпрашивая еду. Мастера орали – убейте собаку, она у вас очень страшная (это боксёр-то страшный, вот трусы!), и на всякий случай угощали Льва Евгеньича бутербродами.

Роман не звонил, наверное, решается с программой.

10 ноября, пятница

Ещё один очень счастливый день!!! Потому что всегда все хорошее бывает сразу!!! Или почти сразу, быстро.

Только я вернулась из университета, как раздался звонок.

Я думала, что это Роман, а оказалось звонили из салона красоты «Нимфа». Хотят устроить в салоне маленькую психологическую консультацию из одной меня, и пригласили меня консультировать! (Не зря я там раздавала психологические советы направо и налево.) Они там прикинули, что психолог в салоне красоты – это неплохая идея. И позвонили мне!

Считаю, замечательная идея устроить приём в салоне красоты! Клиентка посидит-посидит в бигуди и, увидев табличку «Приём психолога», непременно вспомнит, что ей изменяет муж. Или подставит свои лапы под педикюр и подумает – как же ей развить в себе лидерские качества, и почему бы не начать прямо сейчас – вот как раз и табличка «Приём психолога». Или другие нерешённые проблемы.

Тем более у наших людей есть большое предубеждение против психологической помощи. Им кажется, что все проблемы могут быть прекрасно решены и с друзьями на кухне, а если он обратился к психологу, значит, на самом деле просто постеснялся заглянуть к психиатру. Ну, а в салоне красоты – другое дело: между стрижкой и педикюром залететь в кабинет психолога – никто и не заметит, и самому покажется, что это не всерьёз, а так, баловство.

Уверена, что за лето не потеряла квалификацию и у меня все получится. Приём будет стоить триста рублей – меньше, чем педикюр. С другой стороны, почему манипуляции с чужими ногами должны стоить дешевле, чем с чужой душой? Тогда детектив должен быть дешевле философской книги, а

это не так.

...Да ещё половину забирает салон... Ладно, рынок сам мне скажет, сколько я стою.

Перед сном ничего не читала, только просмотрела «Психотерапию на практике» Виктора Франкла – для того, чтобы освежить свои психологические знания. В предисловии написано, что Виктор Франкл во время войны находился в концентрационном лагере и там сочинил эту книгу о смысле жизни и ценности существования.

Дальше (после предисловия) пока читать не стала. Смогла бы я в концлагере размышлять о смысле жизни? Думаю, нет. Я бы только боялась, мечтала о еде и старалась увильнуть от работы. Это потому что я женщина, а женщины не склонны к философским рассуждениям, а больше думают, как бы выжить.

Долго не могла заснуть, пыталась вспомнить – были ли женщины-философы, жил ли кто-нибудь из них в бочке, как Диоген, или в пещерах и питались ли они червями, как не помню кто? Кажется, нет...

Роман не звонит, а я могла бы посоветовать ему не расстраиваться так из-за программы, а начать думать о смысле жизни и ценности существования. Решила тренировать силу воли – не буду писать дневник, пока Роман не позвонит.

Но ПОЧЕМУ ОН НЕ ЗВОНИТ??? ЧТО Я СДЕЛАЛА

ПЛОХОГО (кроме того, что оказалась не беременна, но он же ещё об этом не знает)???

12 ноября, воскресенье

Наконец позвонил Роман, очень грустный и нежный, виновато спрашивал, как я себя чувствую.

Я слабым голосом ответила – пока неплохо.

Не могу объяснить своё странное поведение никому, даже себе и Женьке, но я НЕ ХОЧУ признаваться, что у меня оказалась мнимая беременность.

14 ноября, вторник

Звонил Роман, очень печальный и ласковый, робко спрашивал, как я себя чувствую.

Сказала небрежно-мужественным голосом – неплохо, немножко тошнит, но это ничего. Не понимаю, почему я так себя веду.

17 ноября, пятница

Звонил Роман.

В первую минуту разговора подумала, – пора сказать правду, ведь такой обман может завести очень далеко.

На второй минуте передумала – не признаюсь ни за что!

В конце разговора решила – признаюсь месяцев через шесть-семь.

Почему я никак не могу расстаться с мыслью, что я могла

бы иметь этого совершенно левого ребёнка? Наверное, это что-то подсознательное, очень глубокое, не могу понять, что именно.

Посоветовалась со всеми, почему я так странно себя веду, – как настоящая шантажистка.

Алёна свысока заявила, что мне в глубине души очень хочется настоящую семью с мужем и ещё одним ребёнком. Считаю, это глупости, чушь, ерунда, кто из нас психолог, она или я? И потом, надо говорить не «в глубине души», а «подсознательно».

Ольга довольна, что ей не нужно будет приходить гулять с ребёнком два раза в неделю.

Женька сказала: «Иди вон, придурок». Считаю, грубо, без учёта моей тонкой душевной организации.

Денис обеспокоен, как рождение ребёнка отразится на Муре. (Не зря я с ним развелась, всё-таки он ужасный эгоист, даже не потрудился понять, что у меня виртуальная, чисто духовная беременность.)

Вечером случайно нашла в глубине шкафа Мурины первые ботиночки.

24 ноября, пятница

Сегодня иду в салон «Нимфа» к пяти часам. Салон работает до девяти вечера, и я успею принять человек пять или шесть. А может быть, даже семь.

Восемь часов.

Уже три часа сижу в кабинете одна (как дура). Ну почему, почему ногти и волосы кажутся им важнее, чем собственная душа? Неужели так никто и не придёт?! А у меня здесь по-настоящему уютно. Принесла из дома лампу с зелёным абажуром (зелёный успокаивает) и красную скатерть (красный возбуждает).

Ой-ой, кто-то стучится! Быстро убрать книжку и сделать серьёзное психологическое лицо «Я вам сейчас помогу»!

Заходит дама около сорока, одета дорого и неинтересно, сверху чёрный пиджак и снизу тоже что-то вроде чёрного пиджака. Направляется ко мне с таким видом, как будто сейчас выгонит меня из-за стола и усядется сама. У меня тут в шкафчике приготовлены чашки и чай-кофе для расслабления клиентов.

– Хотите кофе? Или чаю? – ласково спрашиваю я.

– У меня нет времени распивать чаи. Я – главный бухгалтер в крупной фирме. Я делала укладку и зашла просто... из любопытства. А так я бы ни за что к вам не пришла, потому что привыкла справляться со своими проблемами сама.

Но я понимаю: если пришла, значит, ей есть в чем признаться. Хоть бы она поскорей начала признаваться, а не повернулась и не ушла, а то моя карьера в салоне бесславно закончится, даже не начавшись.

От страха молчу. И она молчит. Сама пришла к психологу, и сама меня за это ненавидит. Спрошу, как её зовут. Для человека нет ничего слаще, чем звук собственного имени. (В

любом конфликте, даже в трамвайном скандале, стоит поинтересоваться именем собеседника.)

Главный бухгалтер, кажется, решила взять дело в свои руки. Сухо отчиталась: живёт с мужем двадцать лет, с работы приходит поздно.

– У меня всё под контролем. Муж меня встречает, дома идеальный порядок.

Ни за что не хотела бы быть её мужем. Мне бы пришлось бросить футбол по телевизору и выстроиться в прихожей для торжественной встречи. Что же мне делать дальше, что?! Кстати, интересно, какой у неё муж? Спрошу как-нибудь завуалированно, чтобы она не поняла.

– А какой у вас муж?

– Ну, мой муж человек слабый, неуверенный, не то, что я... Его любая неприятность выбивает из колеи...

Какая же может быть проблема у такой властной тётки? Думаю, что забитый до полного мужского унижения муж выскользнул из-под её копыт единственно возможным способом – изменил ей! Я бы ей тоже изменяла потихонечку.

– Ну, в общем, я подозреваю, что муж мне неверен.

«Ура, ура! Всё-таки я – гениальный психолог! Раскалываю людей как орешки! Правда, тут лёгкий случай, не могла же эта железная леди сама завести любовника, ха-ха! Уверена, что у неё, кроме мужа, никого никогда не было, да и с мужем она спит строго по плану!»

– Неверен? – спрашиваю я. Это мой самый любимый при-

ём: если не знаешь, что сказать, – повторять эхом, человек обязательно ещё что-нибудь расскажет, а я в это время смогу подумать.

Отлично, сработало! Дальше рассказ льётся потоком. У Главбуха налицо все стандартные симптомы: на работе думает, чем сейчас занят муж, дома прислушивается к телефонным разговорам, вскрыла какие-то адресованные ему письма, – правда, оказалось, что это реклама. Я слушаю не очень внимательно, потому что ещё не знаю, что ей сказать дальше.

– А что для вас означает измена?

– Как что? Что для всех людей.

Объясняю ей, что измена для всех означает разное. Кому-то физическая измена не так важна, как влюблённость без всякого намёка на секс, а для других очень болезненна именно физическая измена, не могут простить, и всё тут. Встречаются очень ревнивые люди и даже насекомые – эти жуки-ревнивцы осуществляют контакт со своей самочкой, а потом ещё для верности долго-долго сидят на ней, чтобы другой самец не подлез. По-моему, очень интересная информация, но Главбуху она почему-то не понравилась.

– При чем здесь насекомые? Мы-то, слава богу, не жуки! А измена есть измена, и не выдумывайте глупостей.

Это полный провал! Я НЕ ЗНАЮ, что делать дальше!

– А вы сами когда-нибудь изменяли мужу?

Вот сейчас-то она повернётся и уйдёт! Но у меня случайно вырвалось, честное слово!.. И вдруг Главбух выпрямилась,

подалась ко мне и доложила:

– Я изменила мужу двадцатого августа в семь пятнадцать вечера. Ровно три недели назад. Но это получилось чисто случайно, на работе...

Ух ты, этого я никак от неё не ожидала, чтобы на работе! Ну ладно, каждый может ошибиться.

– А давно вам кажется, что муж вам изменяет?

Задумалась.

– Нет... недели две... но я уже вся измучилась!

Молчу. Она меня нарочно путает! У меня болит голова, и я уже не понимаю, кто кому изменил. Сейчас скажу – извините, ничем не могу вам помочь, до свидания... И уйду домой, чтобы больше сюда не возвращаться. Педикюр буду делать в другом месте.

– Вы хотите сказать, что на воре шапка горит? Что я его подозреваю, чтобы не я была виновата, а он? – спрашивает Главбух.

Совершенно не ожидала, что она так ловко разберётся в своей проблеме, молодец.

– Может, мне ему признаться? – облегчённо вздыхает она.

Бедная, неужели она правда мучается оттого, что перестала быть безупречной женой, которой муж всем обязан?

– Вы уверены, что, если вы ему признаетесь в этой случайной связи, вам потом удастся вернуть ему покой? Сами же говорили, что он из-за каждой ерунды впадает в панику. Может, лучше будем его беречь? Он же у вас типичный ме-

ланхолик, живёт, отвернувшись носом к стенке.

– Да-да! Он просто не выживет, если мы ему признаемся!

Мы с ней быстренько решаем, что муж ей не изменял, свою ревность она придумала, чтобы не считать себя виноватой, а признаваться ей никак нельзя.

Не обменяться ли нам с ней признаниями, раз уж она мне все так откровенно рассказала? Я могла бы в ответ тоже кое-что рассказать про себя... Нет, лучше не буду, а то Главбух решит, что меня надо исключить из психологов за аморалку. Лучше сделаю ей напоследок что-нибудь приятное:

– Вы удивительно сильная женщина! Только вы можете сохранить счастье и покой вашего мужа! Всё, как всегда, в ваших руках!

Довольно кивает. Ей нравится держать всё в своих руках.

Женщина уходит из кабинета с суровым лицом, забыв, что только что мы с ней были близкими людьми, но у двери оборачивается и кидает сквозь зубы: «Спасибо».

– Пожалуйста, – сказала я, – приходите ещё.

По-моему, всё прошло неплохо...

Пришла домой такая уставшая, что даже почти не дружила с Мурой.

– Что было в салоне? – спросила Мурка.

– Ничего особенного, обычная работа... Косметолог уговаривала меня прийти к ней делать специальный массаж – целлюлитный массаж попы.

Мура очень оживилась и сказала, что она тоже пойдёт на массаж.

– Фига! Тебе-то зачем? У тебя ещё нет целлюлита.

– Нет, пойду. Лягу рядом и буду тебя отталкивать и подставлять свою попу.

От усталости почти совсем не могла разговаривать по телефону, только кратко рассказала Женьке про Главбуха со всеми подробностями и профессиональными комментариями.

Улеглась спать в дырявой фланелевой пижаме, в которой спала Мура с десяти до двенадцати лет. От этой пижамы проходит усталость.

Это консультирование ужасно-ужасно изматывает! Потому что принимаешь на себя чужие проблемы! А если бы у меня сегодня было пять клиентов или два? Засыпая, думала о Главбухе (так всегда бывает у профессиональных консультантов) – представляла себе её мужа: думаю, невысокий, с лысиной и в очках, добрый.

25 ноября, суббота

В половине двенадцатого утра у меня уже очень разыгрался субботный синдром никомуненужности. И всё потому, что некоторые люди (звонила Ольга, сегодня вечером идёт на фуршет с пирожными) назло мне по субботам ведут светскую жизнь на приёмах, презентациях, в буфетах и кулуарах.

Несправедливо, что возможности субботних развлечений часто зависят от места работы. Ольгина работа – написать о приёме по поводу вручения премии «Ника» или фуршете по поводу вручения премии Тэффи, а у меня по субботам часто бывают лекции.

Без четверти двенадцать позвонил Роман и спросил меня осторожно, как больную:

– Ты как, ничего?

– Сегодня прекрасно.

Небрежно сказала, что встала на учёт в консультацию и присмотрела коляску.

– Малышка...

Роман так долго молчал, что я испугалась, что он в глубоком обмороке и сейчас, не подумав, ляпнет из обморока что-нибудь такое, после чего мне придётся думать о нем нехорошо, а я не хочу думать о нем нехорошо, хочу думать, как есть, – **РОМАН МИЛЫЙ И ЛЮБИТ МЕНЯ.** У меня защипало в глазах.

– Я больше не беременна, не состою на учёте в консультации и не присмотрела коляску, – пробормотала я срывающимся голосом.

Что же делать... Как проф. психолог, я прекрасно отдаю себе отчёт во всем, что происходит вокруг меня, в том числе и в Романах. Когда в одном и том же человеке бушует такая сложная гамма чувств (любовь ко мне, долг перед женой,

желание пойти вечером в «Тадж-Махал»), то он, этот человек, просто не решается сразу сказать правду – как он хочет иметь от меня ребёнка! Это нормально. (Я не считаю, что мужчины должны всегда, без перерыва, оставаться героями, они ведь люди и тоже имеют право на ужас.)

Но Роман-то как раз геройски повёл себя в этой сложной ситуации беременности, ведь он мог сказать мне, чтобы я сама разбиралась, и что там ещё говорят в таких случаях женатые люди, а он ничего не сказал!

– Пойдём вечером в «Тадж-Махал»? – предложил Роман, забыв, что я только что снялась с беременного учёта и мне не до развлечений. – Послушаем блюз.

Я очень-очень хочу в клуб! Хотя не люблю блюз, даже ненавижу! Но в клуб пойду-пойду-пойду!

– «Тадж-Махал»? А-а, знаю... там, кажется, восточная кухня? – протянула я.

Никогда не слышала об этом клубе (любой человек может догадаться, что в заведении с названием «Тадж-Махал» не подают борщ с пампушками и медовуху). Не понимаю, почему я делаю вид, что являюсь самым настоящим клубным завсегдатаем. Если честно, вся эта новая клубная жизнь прошла мимо меня. С Денисом мы развлекались по-студенчески – кухонные посиделки с друзьями, шашлыки на дачах и детские дни рождения.

До без четверти двенадцать у меня не было никаких воз-

возможностей светской жизни, кроме как отправиться с Алёной в ознакомительный поход по бутикам, зато теперь мне предстоит настоящий выход в свет!!! Правда, во время экскурсии по бутикам я могла бы всласть наговориться с Алёной, с которой я беседовала по телефону два раза вчера вечером и один раз сегодня утром.

В начале третьего я решила как следует подготовиться к вечеру и намазала лицо очень полезной для кожи голубой глиной.

В три часа встретились с Алёной в галерее бутиков «Новый Пассаж», и Мурка тоже увязалась с нами. (Я в своё время после школы вела дневник личных наблюдений над природой, читала по-французски и по-немецки и ещё писала стихи верлибром, а вот у Муры совершенно иная сфера увлечений: она очень сильно увлекается ходьбой по магазинам и моими подругами.)

У входа Мурка притормозила и критически оглядела меня.

– Нас оттуда выгонят, как бомжей, – уверенно заявила она. – И что у тебя с лицом? Ты какая-то серо-голубая, особенно нос.

Я очень испугалась – как обидно, что именно сегодня я так плохо выгляжу, но вовремя сообразила, что забыла смыть с лица омолаживающую голубую глину. Но мне простительно, я кандидат наук, а учёные вообще люди рассеянные. У нас в университете одна доцент пришла на лекцию без юбки. В

аудитории сняла пальто, бросила его на первую парту и случайно взглянула вниз... Смотрит – а юбки нет! Ей повезло, что колготки надела не рваные, а ведь всякое бывает, потом стыда не оберёшься...

Я полюбовалась на себя в витрине. Хорошенькая, глаз не отвести, – длинное чёрное пальто, из-под него джинсы, не видно, что старые, а из-под джинсов супермодные ботинки с мысами!

Бродили по мраморному зданию, кое-что гламурно, что-то пафосно и всё конкретно дорого. По-моему, в галерее дорогих бутиков должно быть уютно и обаятельно, и ещё должно продаваться множество мелких, изящных и недорогих вещичек – шарфы, платочки, штучки всякие. А этот наш «Пассаж» похож на мраморный сортир в пятизвёздочном отеле – красиво и впечатляет, но если не хочешь писать, совершенно нечего делать.

Мурка планировала зайти в «Эскаду», но струсилa. Уверяла, что все нормальные люди опасаются заходить в дорогие магазины.

– Неужели тебе не страшно? Продавщицы же подозревают, что ты тут ничего не купишь.

– Зачем мне думать об этом? Они сами тоже не купят, а я к тому же не продавщица, – рассеянно ответила я и увидела у стойки с вешалками Алёну. А на вешалках ВСЁ ТАКОЕ КРАСИВОЕ, в кружевах, стразах и бусинках!

Я потрогала розовый пиджак с перьями, как у павлина.

– Пиджачок «Унгаро», первая линия, – с гордостью сказала продавщица. – Цена две тысячи долларов.

Что такое «первая линия»? Самое лучшее? Неужели кто-нибудь сможет прикинуть на себя это оперение, не чувствуя себя павлином? Приличный человек должен быть всегда со вкусом одет в джинсы (лучше старые) и чёрный свитер.

– А у нас на этот пиджачок распродажа, – продолжала продавщица. – Уценка – восемьдесят процентов!

Ага! Мне повезло! Распродажа! Немедленно приобрету себе этот розовый хвост! Задыхаясь от возбуждения, я прошептала Алёне:

– А что... всего двести долларов? Я не поверила своему счастью! Двести долларов по сравнению с двумя тысячами – это просто подарок! К тому же розовое оперение так красиво и очень мне пойдёт, не то что старые джинсы и чёрный свитер!

Я разволновалась и совсем забыла, что у меня нет двухсот долларов на немедленную покупку:

– Мне совершенно необходим этот пиджачок! Где я ещё достану «Унгароперваялиниязадвестидолларов», сама подумаю!

Алёна с Мурой хором кричали мне гадости – нетактично с их стороны.

– Ты в этом розовом хвосте, как сумасшедший фазан! Куда ты его оденешь? (Мура.)

– Всюду, всюду!.. И не оденешь, а наденешь, сколько раз

говорить! Сегодня надену, в клуб «Тадж-Махал»!

– Этот розовый хвост тебе мал! (Алёна.)

От обиды забыла, что нахожусь в бутике, схватила Алёну за плечо и немного потрепала.

Но оказалось, что дралась зря, это розовое оперение на меня не налезло, то есть почти налезло, особенно если втянуть живот и не просовывать руки в рукава.

...Из-за Мурки с Алёной у меня никогда-никогда не будет розового хвоста «Унгароперваялиниязадвестидоларов»... А так было бы хорошо – с восьмидесятипроцентной скидкой...

Дальше экскурсия пошла кое-как. Мурка запала на вельветовый костюмчик с оборочками, украдкой гладила костюмчик по юбке и себя к нему пристраивала. Алёна злилась и совсем как в прежние добогатые времена каждую минуту обиженно повторяла, что здесь все очень дорого.

Мы выпили кофе с очень вкусными пирожками в кафе «Аврора». (Я съела два и откусила у Алёны, Алёна тоже съела два, откусила у меня и у Мурки.) Расстались с Алёной, и тут я заметила, что Мурка дуется и даже чуть не плачет.

– Скажи мне, для кого всё это?

Не сразу догадалась, что Мурка имеет в виду... Хм, часовой пробег по роскошной жизни не пошёл Муре на пользу. Спросила, как пятилетний ребёнок: кто же она, Мура, на фоне бутиков, – очень бедная или просто бедная?

У меня ещё оставалась пара часов до встречи с Романом, и я быстренько объяснила ребёнку, что Армани, Версаче, Эс-

када, Соня Рикель – очень красиво, но предназначено для такого тоненького слоя людей, что его и не видно. А большинство людей, в России и в других странах, одеваются в нормальных магазинах, ездят на недорогих машинах и раз в год веселятся в Диснейленде либо на даче во Мшинской. Это и есть мы с Мурой – средний класс, надежда и опора общества.

– Вот только не начинай мне сейчас читать лекцию про новых русских, которые хотят светлого будущего, – скандальным тоном ответила Мура. – Я хочу себе позволить конкретно этот вельветовый костюмчик с оборочками, и все! Ну ладно я, но почему ты не могла купить этот перьевой пиджачок? Тебе-то уж точно полагается все самое лучшее!

– Мура, это уже философский вопрос – почему один рождается принцем, а другой нищим, и всем неплохо живётся независимо от дохода...

Я не особенно сердилась на Муру. Считаю, каждый человек в её возрасте имеет право однажды удивиться – почему ВЕСЬ МИР не для меня?! Но только один раз.

Отравленная стразами и бусинками из бутиков Мура принялась меня воспитывать.

– Тебе тридцать семь лет...

– Мне тридцать шесть!..

– Скоро будет тридцать семь. А ты даже не умеешь ходить на каблуках. Если завтра вдруг приём, тебе не в чем пойти, у тебя нет ни туфель, ни вечернего платья. Только кислотные

ботинки для умственно отсталых, джинсы и чёрный свитер. Какой ещё приём? Хотя... вдруг?!!

Мурка права, я не состоялась как женщина. Косметики у меня тоже нет, только одна помада, которую мне отдала Ирка-хомяк. Помада была ей не к чему, потому что Ирка покрасила губы в малиновый цвет на три года вперёд (называется перманентный макияж, делается иголочками, больно). Ирка-хомяк совсем не жадная, но ей будет приятно получить от меня через три года свою помаду нетронутой.

– Мура? У нас с тобой ещё знаешь чего нет? – сказала я очень трагически. – Хорька у нас с тобой нет, Мура, совершенно нет хорька...

Сейчас стало модно держать хорьков. Петр Иванович подарил Ирке хорька на прошлый Новый год. Хорёк прогрыз у Ирки всё, что мог, – сначала пытался свить гнездо в шкафу, потом в пружинах дивана. Пробурившись в диван, убеждался, что опять попал не туда, и бурился в следующее место.

Я спросила Муру, как она обычно чувствует себя в Эрмитаже, ничего? Не начинает ли немедленно мечтать – хорошо бы спать на таких диванах, есть с такой посуды... Сама я всегда немножко хочу жить в Зимнем дворце, особенно я мечтаю жить в Малахитовом зале...

Мы сидели на скамейке в Катькином саду, я курила и думала ни о чём, а Мура сама с собой обсуждала, кто из наших знакомых бедный, кто богатый. И вдруг ущипнула меня и

говорит:

– Эй, я поняла! Бедность и богатость – это не сколько денег у человека, а просто они даны человеку навсегда, как цвет глаз. Если у меня нет вельветового костюмчика, но я его и не хочу, – значит, я не бедная. А если у меня есть костюмчик, а я комплексую и хочу ещё один, значит, я бедная. Получается, что человек бедный не потому, что у него мало денег, а потому что он бедный! И мы с тобой, мамочка, не бедные, нет!

Думаю, моя Мура вывела новый закон природы. Одна наша американская приятельница всегда жалуется на жуткую нехватку денег, потому что ей нужно платить за дорогой дом, дорогую машину, дорогую няньку, и у неё ничего не остаётся на себя, а у нас с Мурой всегда остаётся.

Сегодня у нас осталось Муре на лифчик.

– Дай на благотворительные цели, – протянула Мурка цепкую лапку. – Мне необходим булькающий лифчик.

Мы перетрогали все лифчики в Гостином дворе. Продавщица решила, что мы с Мурой фетишистки, но мы просто проверяли – булькает лифчик или нет.

Ели с Мурой чизбургеры в «Макдоналдсе» на углу Невского и Рубинштейна и смеялись.

Мы не виделись с Романом со времён моей неудачной беременности, поэтому свидание в квартире его друга прошло очень бурно, и я даже не успела рассказать Роману, что в

моей жизни произошли большие изменения, и я теперь консультирую в салоне.

И вот мы уже в клубе «Тадж-Махал». Я, в чёрных джинсах, маленьком чёрном свитере и в эйфории, посреди декольте, стразов и боа – настоящая светская жизнь!

Блюз какой-то электрический и ядовитый, страшно накорено, восточная кухня представлена шашлыками из баранины. Я ненавижу запах баранины, и если это клубная жизнь, то я хочу в кровать прямо сейчас.

Роман ни за что не платил, потому что в этом клубе у него бартер за рекламу. Сделала вид, что поняла, – видимо, он сделал для этого клуба что-то хорошее, а они за это разрешают ему бесплатно мучить меня шашлыками.

Романа многие знают, а меня не знает никто. Неприятно, когда все со всеми здороваются, а со мной никто, как будто я человек из другого мира. Решила, сделаю вид, что здороваюсь с кем-то, находящимся в дальнем конце зала. Махала рукой и улыбалась. Все прошло отлично, и через несколько минут я ещё раз помахала рукой какому-то человеку с серьгой в губе.

– Кто это? – спрашивает Роман, – вон тот, с волосами до плеч и серьгой в губе?

– Это? А-а, это... один наш профессор с кафедры экономики.

Вокруг меня все говорят о музыке, а я не знаю ни одной группы и ни одного имени.

– Я больше люблю симфоническую музыку, – сказала я соседу напротив, просто потому, что молчала уже больше часа.

Он посмотрел на меня как на говорящего попугая (попугай-то говорит, но кто же будет ему отвечать!). Хорошо, что можно молча курить и делать вид, что я сюда за этим пришла и – просто я люблю покурить на людях. Роман разговаривал с разными людьми:

– Возьми себе три минуты рекламного времени и приноси готовую программу... Он хочет впарить мне не три минуты, а все десять, из которых семь – джинсовые... Рейтинги, гэллоп... (Что это такое?)... Не поймёшь, то ли у него программа, то ли джинсб...

Когда в старых советских фильмах про войну по ходу сюжета разговаривали на немецком языке, внизу появлялись титры: «Звучит иностранная речь». Из иностранной речи я знала (от Романа) только слово «джинсб» – это проплаченный материал, замаскированная реклама. Как если бы я случайно написала учебник и заплатила бы всем лекторам, чтобы они говорили, что мой учебник как раз наиболее полно освещает материал, и читали лекции только по моему учебнику (было бы хорошо, если бы я написала учебник, а лекторы...).

Я уже изящно выкурила полпачки сигарет и собиралась приступить ко второй половине, но наконец-то меня познакомили с нормальным, схожим со мной по духу человеком. Он работает таможенным начальником, не интересуется гэл-

лопом, рейтингом и джинсой, и я хотела поговорить с ним о чем-то близком нам обоим.

– Я не очень люблю блюз, просто ненавижу, – призналась я таможенному начальнику. – Я люблю классическую музыку, а вы? Любите ли вы Брамса?

– Брамса? Я больше люблю природу, – ответил начальник. – Немного солнца, холодную воду...

Начальник очень оживился, узнав, что я психолог, – у него имеется ко мне вопросик по его психологии.

– Вчера у меня сломалась машина, и я ехал домой в трам- вае номер четырнадцать, – сказал таможенный начальник и задумался. – И вот еду я, смотрю на народ и думаю, – а что у людей в сумках?

На всякий случай придвинула к себе свою сумку. Я никак не могу сдать её на проверку таможеннику – у меня там полное безобразие: прошлогодние театральные программ- ки, тампоны, пустая пачка из-под сигарет, два-три фанти- ка... Чтобы отвлечь его внимание от своей сумки, я расска- зала ему ужасную историю про наших студентов, пойманных на распространении наркотиков. Начальник посоветовал по- ставить пост на входе в аудиторию – перед лекцией прове- рять у студентов карманы.

Быстренько проконсультировала таможенника – сказала, это счастье, когда человек так любит свою работу.

Вчера (пятница – жутко тяжёлый день!) после трёх днев-

ных и двух вечерних лекций мне казалось, что от усталости я совсем пустая и лёгкая и вот-вот взметнусь в небо. А в этом «Тадж-Махале» (уже два часа ночи!) я стала тяжёлая и тесная, как будто все эти встречи с интересными людьми происходят непосредственно на мне, да ещё зачем-то меня заставили съесть целую пачку сигарет.

Моя душа необъяснимо противоречивая – одна часть мечтает о ночных тусовках, вечеринках и клубах (НО НЕ В ТАКОЙ ЖЕ СТЕПЕНИ), а другая уже УСТАЛА НАВСЕГДА и вздыхает о своём доме, своей комнате, своей кровати (там можно съесть яблоко или конфеты и почитать книжку).

Я не зря страдала (баранина, блюз, отсутствие конфет, др.). Этот вечер оказался не просто клубным вечером моих мучений, а **ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫМ ВЕЧЕРОМ** – Роман почти что договорился о своей программе, ура!

После такой бурной светской жизни каждому человеку необходимо лечь спать в старой фланелевой пижаме с зайчиками.

Декабрь

2 декабря, суббота

Утром позвонила Алёна – Стелле срочно нужна консультация и маникюр. Зачем психологическая консультация человеку, у которого и так столько всего есть, – отель и остальное? Записала Стеллу в салон на три часа на маникюр и к себе на четыре.

Стелла была совершенно спокойна, только всё время перебирала руками и подрагивала левой стороной рта. Или правой, всегда путаю лево и право, когда веду машину и когда человек сидит напротив меня.

Оказалось, что Стелла не самый главный владелец заводов, газет, пароходов, а заместитель какого-то Петрова. Сказала, что никаких «реалий» упоминать не будет, но почему-то постоянно говорила «мы с Петровым», «Петров мне доверял всё». (Петров – это реалия или нет?)

– Всё было замечательно, уж-жасно большие деньги, – наклонившись ко мне, с придыханием сообщила Стелла. – Просто страшно сказать, какие!

Я ненадолго отвлеклась, думая, – что бы я купила, если бы у меня были «страшно сказать какие деньги». Значит, так: прежде всего, я бы побежала в «Мехх», давно уже присмотрела там костюмчик, замшевую куртку и брюки с карманами

на коленях. К нему сумочку... Да, так что там у Стеллы?..

– С ним так интересно, у него такая аура! Петров – настоящая харизматическая личность!

Что она имеет в виду? Харизматическая личность – это как Иисус Христос и Ельцин? А вот у бедного Горбачёва совсем не было никакой харизмы, поэтому его народ так и не полюбил...

– Я бы для Петрова и без денег работала... Рядом с ним совсем другая жизнь!

– А без Петрова какая жизнь?

Стелла отмахнулась – видимо, вообще не представляет себе жизни без этого Петрова. Интересно было бы на него посмотреть...

– Так вот, всё было прекрасно, пока месяц назад на нас не наехали конкуренты. И к нам пришла налоговая служба. Обыск, документы арестовали. Хорошо, что я вовремя догадалась и вынесла на себе кое-какие бумаги!

Надо же, какая бойкая, как будто она не Стелла, а Штирлиц в лапах Мюллера.

– А неделю назад...

О господи, она плачет, что делать?

Стелла размазывала по щекам слезы:

– ...Неделю назад меня арестовали! Хотя Петров ни в чем не виноват! Это все конкуренты!

Я протянула Стелле бумажную салфетку. У меня всегда лежат на столе салфетки для клиентов, а иногда я сама в них

плачу. Это очень непрофессионально, поэтому сейчас я не буду плакать, тем более ничего не понимаю в гостиничном бизнесе.

Стелла высморкалась и принялась рассказывать дальше. Она не предполагала, что такое может случиться, но всё-таки немного опасалась – ведь в бизнесе всякое бывает. Как-то у них с Петровым дела шли неважно в смысле уплаты налогов, и Стелла с утра приняла душ и надела тёплое бельё, просто на всякий случай, вдруг её на улице заметут.

– Я надела колготки семьдесят ден, носки, футболку и два свитера, тонкий и толстый...

Откуда она знает, что в камере холодно?

– А в сумку положила запасные трусы.

Я была просто потрясена рассказом Стеллы! Как трудно заниматься бизнесом! Я жила легко, ни о чём не задумываясь, и не знала, что бизнес-леди повсюду ходят с запасными трусами...

– Ко мне подошли на улице и забрали в КПЗ, и Петров до вечера не знал, где я...

Стелла уже использовала все мои салфетки, теперь мне не хватит, а я уже вот-вот заплачу...

– Ну, а когда Петров узнал? Он же, наверное, бросился к вам на помощь? Адвоката привёл или что ещё положено делать в таких ситуациях...

Тут Стелла впала в ступор и пробормотала себе под нос:

– А Петров тут же уехал в срочную командировку за гра-

ницу... И я осталась совершенно одна с конкурентами, налоговой полицией... а Гуревич уехал...

– Погодите, я запуталась. Кто такой Гуревич?

– Да это он, Петров!

Стелла вытерла слезы и поведала мне историю Петрова. Он, этот бизнесмен Петров, в советское время делал обычную советскую карьерку, то есть пописывал диссертацию, и носил он тогда фамилию Гуревич. И этим Гуревичем он и вышел замуж, взяв фамилию своей жены – Петрова. Кстати, с товарищем Петровой он вскоре развёлся, но НЕ С ФАМИЛИЕЙ ПЕТРОВА.

Ах, вот оно что! Я бы этого Петрова сама лично расстреляла промокашкой из трубочки!

В жизни случаются удивительные совпадения – у некоторых людей постоянно возникают проблемы с фамилиями. У меня в школе был близкий дружок по фамилии Сашка Каценеленбоген. Сашка называл себя половинкой, потому что его папа был еврей Каценеленбоген, а мама русская Калмыкова. Когда мы в десятом классе получали паспорта, Сашка ужасно скандалил с родителями и даже навсегда ушёл из дома ко мне поест маминых голубцов, а всё потому, что его родители хотели написать ему в паспорте – русский, и заодно сменить фамилию. Сашкины мама и папа пришли к нам за Сашкой, ели голубцы и убеждали Сашку, что это такая разумная предосторожность, превентивная мера безопасности. Потому что они, родители, не хотят, чтобы их родное

дителя по жизни страдало и было евреем. Тем более и выбор был между мамой и папой, все честно. На четвёртом голубце Сашка сдался и записал себя русским, но: за папину родовую фамилию Сашка дрался как лев и не шёл ни на какие компромиссы. Так Сашка и остался в паспорте – Каценеленбоген по папе, русский по маме.

Но ведь если этот Гуревич уже вырос до защиты дисера и женитьбы, какого хрена ему вдруг становится Петровым?!

Интересно, а есть ли такая организация, которая исключает из евреев? Считаю, Нового Петрова должны исключить из евреев навсегда, и чтобы он больше в евреи не просился!

– Вы можете себе такое представить? Я двое суток просидела в камере!... – всхлипывала Стелла.

Представила, как холеная Стелла ходит строем, а ей говорят: «Номер шесть, поднимите голову...» Все знают, что от суммы да от тюрьмы нельзя зарекаться, но при этом каждый думает, что с ним не может случиться ТАКОЕ: и Ходорковский думал, и Стелла. Как ужасно для такой удачливой бизнес-леди вдруг оказаться в клетке? Неужели это была настоящая камера, с парашей, как в литературе?

– Пусть даже теперь у меня будет судимость, для меня главное – не подвести Петрова!

А Петров её бросил, скрывается. Всё-таки во многих женщинах есть что-то героическое.

– Я на улицу боюсь выходить, представляю, что ко мне

опять подойдет, – почти шепчет Стелла.

– Стелла, вам придётся ко мне походить. У вас сильный стресс, и за один сеанс мне вас от страха не избавить.

Что я могу для неё сделать прямо сейчас? У меня в сумке лежит потрясающе красивый комплект, лифчик розовый с бордовыми кружевами, а трусики бордовые с розовыми кружевами. Может, подарить ей? Это её порадует. Хотя, что это я? Он ей мал.

– А с Петровым что делать?.. Я скучаю...

И тут меня осенило. Да она же влюблена в своего Петрова! И перед собой делает вид, что это вовсе не любовь, а просто харизма у него такая манящая к бизнесу и все такое... Не нужен ей отель и что у неё там ещё есть! Переживает из-за того, что он её бросил в беде – как мужчина, а не как партнёр. Если бы я была мужчиной (хоть и психологом), я бы про себя сказала: «Баба есть баба!» А так что мне сказать?

– Знаете что, Стелла, пожалуй, на сегодня мы с вами закончим. А в следующий раз будем работать совсем над другой проблемой.

У меня в кармане куртки притаились два шоколадных батончика. Решила съесть один, а второй оставить на потом или тоже съесть.

3 декабря, воскресенье

Утром встречали тётю Веру. Как только она приезжает из своего маленького уральского городка, мама впадает в дет-

ство, потому что тётя Вера старше её на десять лет и называет маму «моя маленькая сестричка». Тётя Вера – героиня. Они с моей четырёхлетней мамой во время войны остались одни, и тётя Вера заменила моей маме мать, хотя одиннадцатилетней тёте Вере самой ещё очень была нужна мама. Мне, например, тридцать шесть, а как я без мамы?

Отвезли тётю Веру домой отдыхать, а мне после долгой торговли удалось заманить Мурку в Русский музей (Мура мне час в Русском музее, а я Муре тоже что-нибудь приятное, например двойную пиццу в пиццерии).

Войдя в вестибюль музея. Мура крайне недоброжелательно поглядела по сторонам и сказала:

– Вот ты считаешь себя культурной женщиной, а у тебя ребёнок ни разу не был в Русском музее!

Это ужасно несправедливо с Муриной стороны – за время её детства только у картины «Последний день Помпеи» мы провели в общей сложности дня два или даже больше.

– А ослик, Мура? Как же ослик на картине Поленова, который всегда следит за тобой взглядом? Неужели забыла?

Как обычно, много времени провели у ослика. Следит, куда бы не встали, следит!!!

Мура гнала меня по залам, как будто мы с ней два бешеных кролика и улепётываем от лисицы, и через сорок минут мы уже были совершенно свободны от искусства. За неплохое поведение в музее я отвела Муру в пиццерию.

Потом мы забрали маму с тётей Верой и отправились в

Павловск. Золотая осень, листики и др. уже закончились, но кафе в Павловском дворце замечательное в любое время года.

– Первый раз в жизни как белый человек: и погуляла, и в кафе зашла, – сказала тётя Вера.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Мне ужасно жалко тётю Веру! Уверена, что богу некогда заниматься всякими мелочами, но должен же быть какой-нибудь Организатор, Менеджер по Персоналу, Небесный Диспетчер или ещё кто-нибудь, для того, чтобы все в нашей жизни было по справедливости.

Тётя Вера – врач, акушер-гинеколог, нет, не врач, она ДОКТОР. В своём городке приняла три поколения уральских детей. Поколением считается десять лет, а она тридцать лет принимала роды... Сейчас она на пенсии, а одна из её дочерей, Жанна, директор школы, председатель их местной Городской думы, в общем, Депутат Балтики. Депутат Балтики на свою зарплату вместе со своей семьёй питалась бы одними макаронами, а пенсия тёти Веры позволяет им посыпать макароны сыром.

Тётю Веру все-все помнят как самого лучшего, самого душевного доктора. Так вот, я спрашиваю – ГДЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?! ЕСЛИ НЕ ЕЙ, ТО КОМУ ЖЕ ХОДИТЬ В КАФЕ?! В 70 ЛЕТ!

Вечером по телефону высказала Роману свои соображения по поводу социальной справедливости, а он въедливо

так спросил:

– Ты что же, считаешь, что каждому воздаётся по заслугам?

Я не собиралась заводить с ним теологическую дискуссию и обсуждать, КАК ИМЕННО Бог может догадаться, что с тётей Верой он недоглядел, а просто хотела её жалеть и плакать от общей неправильности нашей жизни, но мужчины, разве они понимают?..

Роман привёл ещё один пример жуткого недосмотра за справедливостью: один из тех людей, рядом с которыми я мучилась за столом в клубе «Тадж-Махал», украл у него идею программы. Только что появилась похожая передача... Роман говорит, что теперь всё, тема уже окучена...

Бедный Роман совершенно убит, но в целом держится очень мужественно. Я его понимаю, меня только что постиг такой же удар – я приглядела пальто в одном магазине на Суворовском, и вот, пока я сомневалась и ходила к пальто в гости, его купили, и теперь все – оно ушло от меня навсегда.

Пока я разговаривала с Романом по телефону, мама с тётей Верой произвели полную ревизию нашего с Мурой хозяйства, очень пристрастную. Был очень большой скандал, и меня называли разными неприятными словами: неряха, плохой пример для Муры... Дальше продолжать не хочу.

Считаю, они несправедливы, потому что я занята с утра до вечера. Утром лекции, днём и вечером консультации, а

также другая профессиональная и личная жизнь (научная – собираюсь писать статью на очень интересную тему, есть кое-какие мысли. Литературная – кто пишет книжку и уже почти что придумал сюжет? А?!).

...Обидно, очень обидно, когда меня несправедливо ругают ни за что.

4 декабря, понедельник

Мама с тётей Верой совершенно правы – Так Больше Жить Нельзя. В доме картина страшного запустения. В холодильнике неприятный запах, плита в грязных подтёках, в кровати Льва Евгеньича всё, что он наворовал за последние сто лет, – упаковки, пакетики, фантики от конфет. Савва Игнатъич организовал в углу прихожей собственную кучу, не меньше Муриной, собрал туда все необходимые ему хозяйственные вещи (кое-что собрал по дому, кое-что нашёл во дворе). Мы с Муркой полностью перешли на продукцию «Дарья», особенно на котлеты «де-воляй», очень вкусные в грибном соусе. Не понимаю, почему нельзя питаться полуфабрикатами?

А всё почему? Почему плита грязная, почему котлеты «де-воляй», почему распустились звери? Ответ прост: потому что на хороших специалистов всегда есть спрос, и в салоне у меня не меньше трёх записей в день.

Посоветовалась с девочками, что готовить и как отмыть

плиту.

Женька сказала: «Отстань». Неплохо меня изучила! Считаю, Женька не права, человеку всегда нужно дать шанс исправиться: помыть плиту и привести свою жизнь в порядок.

Ольга сказала, что может попросить Васю разобраться с холодильником, хотя она очень на него сердита за то, что он не знал, что такое архетип.

– Возможно, смогу одолжить тебе Васю в следующую пятницу до трёх, в три часа ко мне придёт сантехник, его должен принимать Вася, а потом мы поедем покупать мне новый кухонный шкафчик, – сказала Ольга. – Но знаешь, у меня есть предчувствие, такое смутное предчувствие, очень глубоко... Боюсь, что Вася не знает не только что такое архетип, но и артефакт...

Единственный толковый совет дала Алёна: она порекомендовала взять домработницу. Я тоже дала Алёне совет (у неё все ещё проблемы в семье).

Нет, у Алёны с Никитой совершенно замечательная семья и квартира, и, может быть, даже будет дом в Испании. Единственное их разногласие – это Алёнина сексуальная сфера. Алёна считает, что исполнять супружеские обязанности один раз в неделю маловато для настоящего мужчины, и недавно намекнула, что если Никита больше не находит в этом удовольствия, то пусть вспомнит слова «супружеский долг» и честно исполняет его по средам и субботам.

Посоветовала Алёне (раз уж не вышло с пилюлей) купить

«Книгу о вкусном и здоровом сексе» или «Всё, что вы не знали о сексе и мечтали спросить» и методично пойти прямо по книге, с первой страницы. А сегодня вечером (пока не купила книгу) пусть применит к Никите петтинг и потом перезвонит мне и сообщит о результатах.

Оч-чень привлекательная идея насчёт домработницы, тем более что я сейчас МНОГО зарабатываю. Алёна сказала, что я могу оплатить один рабочий день домработницы двумя-тремя консультациями, а две-три консультации у меня сейчас каждый день... Вот пусть домработница и приходит ко мне раз в неделю – убрать квартиру, погладить и, главное, приготовить обед на два дня, можно на три-четыре. А кое-что, например голубцы, можно и целую неделю есть, а если пельменей налепить, то и месяц.

Перезвонила Алёна. Выслушав мой совет, она отправила своих мальчишек в кино (они очень удивились, почему вдруг в кино вместо уроков), принарядилась и прямо в прихожей принялась стягивать с Никиты ботинки. (Алёна расценила свои действия как разнузданный петтинг, а он – как желание дать отдых его уставшим ногам.) Никита босиком прошёл на кухню и надел Алёнин передник с портретом Микки Рурка. (Он любит сам жарить мясо – Никита, не Микки Рурк. Зачем? Я бы ни за что не стала на его месте: Алёна и так всё ему подаёт.) Алёна подкралась сзади, развязала передник и погладила Никиту по обнажившимся брюкам.

Они вместе уже много лет, и этих многих лет им вполне хватило, чтобы изучить игровые повадки друг друга, поэтому Никита решительно завязал тесёмки передника и откровенно пояснил свою позицию по данному вопросу:

1. Алёне не удастся вовлечь его в Исполнение Супружеского Долга по будним дням.
2. О среде и субботе даже не может быть и речи.
3. Да ещё пудель все время мешает исполнению его, Никитиной, страсти и норовит втереться между ним и его страстью в самый неподходящий момент. Что же касается долга, то он и так содержит Алёну, квартиру, две машины и дачу и считает, что этого вполне достаточно, чтобы она навсегда освободила его от среды и оставила ему одну субботу.
4. А сейчас он надеется, что в этом доме ему наконец дадут спокойно поджарить кусок мяса.

Перед сном читала Арбатову. Её героиня, сорокапятилетняя тётка, спит со всеми, кого встречает по жизни – на работе, на улице, в магазине, в Интернете. Такое секс-роад-муви. Никто кроме неё не рассказывал на всю страну о своих комплексах. Думаю, что Маша Арбатова вообще никогда ни с кем не спала, ни разу, и дети у неё от непорочного зачатия. Иначе зачем так страстно доказывать, что секс – это хорошо, а нет секса – плохо?!

Кстати, тут она права. Насчёт секса.

6 декабря, среда

У меня есть два часа пятнадцать между лекциями и консультированием в салоне, и в этот промежуток времени я собираюсь вести домашнее хозяйство. Поэтому я иду в фирму «Карлсон», что рядом с театром Ленсовета, знакомиться с домработницей. Алёна пошла со мной как специалист по быту, Ольга потому, что совершенно свободна от работы в глянцево́м журнале, а Муру мы специально взяли с собой, потому что она уже большая девочка и ей пора учиться вести хозяйство.

Было ужасно неловко. Я не ожидала, что «Карлсон» проведёт для меня кастинг домработниц из четырёх претенденток! Какой ужас, что я должна выбирать! Одну выбрать, а другим отказать, что ли? Кто я такая, чтобы сказать другому человеку? «Вы недостаточно хороши для того, чтобы убирать мою квартиру и готовить мне обед!» Успокаивала себя тем, что так и должно быть, – один читает лекции и консультирует с утра до вечера, а другой моет его плиту и варит ему суп, и это нормальный капитализм.

– Вы должны поговорить с каждой претенденткой наедине в моем присутствии, – сказала строгая девушка-менеджер.

– О чём мне с ними говорить?

Первой вошла полная дама в строгом костюме. Я молчала.

– Я умею делать по дому всё, абсолютно всё, – сказала дама. – Только не люблю убирать. И готовить тоже не очень люблю.

– А как же вы... ну, это... помощницей по хозяйству хотите? – спрашивает Мура.

У этих современных детей ни стыда ни совести, прямо вот так взять и ляпнуть «помощницей по хозяйству»! Нетактично!

– У меня дома готовит муж, а сын убирает. А я проверяю. Следующей после «фрекен Бок» была небольшого роста девушка в джинсах, со среднестатистическим приятным лицом. Я облегчённо вздохнула – вот эта девушка точно мне подходит, мы с ней могли бы дружить, пить кофе по утрам...

– Претендентка окончила курсы дворецких, – торжественно объявила менеджер. – Задавайте вопросы.

Дворецкий – это то, что нам нужно. Нам с Мурой дворецкий и мажордом, Льву Евгеньичу и Савве Игнатьичу – камердинер и денщик.

– Скажите, сколько у вас шёлковых вещей? – спрашивает меня Претендентка. – Шёлковое бельё, блузки, пеньюары? Это трудоёмкое глажение. Я соглашаюсь, только если нужно гладить не больше трёх шёлковых предметов в день.

– У меня вообще нет ничего такого шёлкового... – застеснявшись, сказала я. – Я ношу простую, удобную одежду. Джинсы, свитера... чёрные... (Про рваную пижаму не признаюсь ни за что!).

– А как вам еду подавать? – спрашивает Претендентка. – Ну, обед и ужин понятно – сервировать согласно этикету. А завтрак тоже сервировать?

– Знаете, мы обычно едим в кровати из мисок, но иногда можно сервировать на газетке, – сладким голосом сообщила Мура.

Претендентка ушла, мы ей не подходим.

– А попроще у вас никого нет? – спросила я менеджера. – Чтобы плиту помыть, иногда пол подмести, сварить бульон... Куриный, с лапшой...

– Нет, – презрительно ответила менеджер. – Это вы должны сами делать. С вас триста рублей за просмотр кандидатов.

– Давайте хоть в кафе зайдём, раз уж мы остались без домработницы, – предложила Мурка.

Мы с девочками перешли дорогу и оказались в «Идеальной чашке».

Мура пила горячий шоколад и болтала сама с собой, мы с Алёной ели пирожные, а Ольга пила эспрессо с особым выражением лица, напоминающим нам, кто именно сегодня стоит у нас на повестке дня первой по причине нестабильной профессии и нестабильной личной жизни.

– Постоянную работу никто не предлагает, пишу рецензии для разных журналов как бешеный кролик, платят мало, – трагическим голосом сообщила Ольга, – а Димочке необходимо купить новый фотоаппарат, он хочет заниматься фотографией...

– Не ври своим ребятам, – сказала Мура.

Мура часто подолгу ведёт с Ольгой телефонные разгово-

ры, а потом скрытничает, закатывает глаза и делает вид, что разговаривала с мальчиком.

– Не ври, – повторила Мура, – тебе предлагают идти редактором в газету, вот и соглашайся, тогда у тебя будет стабильная зарплата.

– Ты что! – взвилась Ольга. – Я не хочу сидеть в редакции целый день, я устала и нахожусь на грани нервного срыва. Я уже две ночи не сплю – так не хочу туда идти... и вообще, я уже отказалась, утешьте меня. Я правильно сделала?

– Правильно. Если тебе работать влом, зачем себя мучить, – подтвердила Мурка, и Ольга тут же успокоилась.

Сейчас Ольга заведёт речь о своей личной жизни. Все Ольгины проблемы из того, что в её жизни двое мужчин – Димочка-Лежачий и водитель Вася-Абонемент. Ольга совсем не такая легкомысленная, просто её личная жизнь находится в прямой связи с профессиональной пристроенностью. Если с работой и деньгами всё в порядке, Ольга ночами напролёт обсуждает с Лежачим философские проблемы его существования, а в смутные времена без определенного вида занятий и денег наступает время Васи-Абонемента. (Ольга обидится, если узнает, что мы называем её Васю «Абонентом».)

Ольга очень недовольна Васей за то, что он:

1. Никогда не натворит ничего гениального.
2. Не ведёт с ней долгих душевных бесед о состоянии своей души.

3. Не может скрыть того, что не знает, что такое апартеид или кулебяка. О чем бесхитростно и сообщает любому обществу, в котором в данный момент находится.

Как-то раз Ольга нарядила Васю в особый свитер и платочек и взяла с собой на свою киношную тусовку (журналисты, актёры, режиссёры, я тоже туда хочу), и там Вася позволил кому-то по мобильному телефону (казалось бы, обычная вещь, но что было дальше!)

– Абонемент не отвечает, – недоуменно сообщил Вася соседям – журналистам, актёрам и режиссёрам.

С тех пор он получил от нас тайное прозвище «Абонемент», а Ольга стала выходить в свет одна, разрешая Васе болтаться на заднем плане своей личной жизни (переставить, починить, привезти, подождать водопроводчика, etc).

Против Васи у нас одна Ольга, мы с Муркой за Васю, потому что он добрый и уютный, а Алёна сама не знает, чего хочет, но больше склоняется к Лежачему, потому что ей самой немного не хватает романтически-интеллектуальных бесед с Никитой до шести утра за банкой шпрот и блюдцем с окурками.

– Я ему утром говорю, мол, Димочка, я не хочу идти в газету. В газете нужно всем звонить, всех организовывать, нервничать. Это не для меня.

Сейчас Алёна начнёт лоббировать интересы Лежачего. Всё-таки она иногда мыслит как настоящая блондинка –

очень примитивно. Неужели Алёна считает, что это такой простой механический процесс: раз – Ольгу выгнали с работы, два – она немедленно выбирает Васю, и все только потому, что он заботливый, прочно стоящий на земле водитель и покупает ей вкусную копчёную колбасу?! Я как проф. психолог знаю, что любовь такой культурной девушки, как Ольга, подсознательно требует уважения и даже восхищения, поэтому Алёна зря волнуется – у Ольги даже в мыслях такого нет, она останется с Лежачим.

– Ага, вот видишь! С Димочкой ты можешь поделиться всеми своими переживаниями, не то что с Васей! – настырно внушала Алёна, наверняка чувствуя себя очень крутым профессионалом-психологом, который в два счета подводит человека к нужному ему решению. Вася тебе не пара, у него никакой тонкости нет, никакого понимания!

– Вася считает, что Прус – это сокращённо от Пруста... – беспомощно проговорила Ольга.

– Зато твой Димочка не хочет брать на себя никакой ответственности. Да он и не имеет представления, что такое настоящий мужчина! То ли дело Вася! – вступила Мурка.

Ольга почему-то воодушевилась:

– Как ты права, Мура, как права! Я скажу Димочке так: «Если ты не понимаешь, как я слаба и устала, давай расстанемся... на время». А Вася, хоть и неинтеллигентный, зато надёжный.

– Получается, Вася не так уж и плох, – умело вела свою линию Мура.

– Да. Не так уж, – задумчиво согласилась Ольга, и Мура довольно улыбнулась, в точности как Савва Игнатьич куску колбасы.

С видом бабочки, ненароком присевшей на цветок, Ольга принялась за наши с Алёной пирожные, отщипывая от всех по очереди.

– Оставь, оставь мне ещё откусить! – нервно вскрикнула Алёна, запихнула в рот остатки булочки с кремом и пригорюнилась. – Везёт тебе, Ольга, лопаешь пирожные, и всё равно похожа на подростка...

Алёна демонстративно вздохнула, привлекая к себе наше внимание. В настоящее время её волнуют только две темы: секс и пудель, но сейчас Алёна не может высказаться ни по одному из интересующих её вопросов.

С одной стороны, она считает непедагогичным обсуждать при Муре свою давшую крен сексуальную жизнь, чтобы ребёнок не думал, что в браке бывает секс. С другой стороны, уверена, что обсуждать при Ольге здоровье пуделя нетактично, потому что Ольга обижается и утверждает, что по сравнению с Лежачим, пудель чувствует себя неплохо. Но пудель очень жизнерадостное существо, а Лежачий всю жизнь позиционирует себя как без пяти минут покойник. То у него вчера болела голова, то завтра начнётся насморк...

– Пудель ведёт себя странно. Кардиолог велел сделать

УЗИ сердца, рентген и кардиограмму, – всё-таки решилась Алёна.

– Собака... – со значением произнесла Ольга. (Вечный спор, кто больше – пудель или Лежачий, плюс намёк на то, что собака – не человек.)

– Мой пудель не хуже твоего Димочки, – не удержалась Алёна. (Алёна врёт, на самом деле она уверена, что лучше.)

Я, как психолог, моментально погасила зарождающийся конфликт, солидно сообщив, что Ольга с Алёной не должны покушаться на чужие ценности и приоритеты, потому что Димочка не хуже пуделя, но и пудель не лучше Димочки (в этом месте немного запуталась), в общем, люди сами выбирают, кому им отдавать свою душу – Димочке или пуделю.

Пока мы вот так пили кофе и беседовали, вокруг нас непрерывно звонили мобильные телефоны – Сороковая симфония Моцарта, – и я думала, почему все звонят им, а мне никто не звонит, но вот и у меня в кармане заиграло «та-ра-рам, та-ра-рам, та-ра-ра-рам», и я схватила свой телефон.

– Ты где? Я еду по Владимирскому, хочу с тобой выпить кофе, – сказал Роман.

– А я уже пью кофе в «Чашке», – машинально ответила я, нажала на кнопку «отбой» и мысленно заметалась: что делать?!

Дело в том, что мама не разрешает мне знакомить с Муркой никого из моих «романов», а я всегда слушаюсь маму. Поэтому я не растерялась и быстро прикинула, что? будет

умнее в данной ситуации:

1. Умолять Мурку немедленно пойти делать уроки, этим спровоцировать скандал, который может произойти тут же, в «Идеальной чашке», на глазах у Романа.

2. Ловко отсесть за соседний столик и сделать вид, что я не знакома со своими ближайшими подругами и своей личной дочерью Мурой.

Выводы: всё глупее.

Ситуация сложилась так, что пришлось отступить от маминых принципов и познакомить Романа с Мурой. Но ведь мама не разрешает приводить его домой, а про кафе она ничего не говорила.

Давно размышляю над одной проблемой и даже хочу написать научную статью – почему даже самые достойные и самодостаточные женщины, такие как Алёна и Ольга, совершенно преображаются при приближении мужчин?

Когда Роман вошёл в «Чашку» и уселся за наш столик, все (кроме меня) моментально изменились на глазах. Алёна покраснела (неудобно быть блондинкой с очень нежной кожей) и требовательно уставилась на Романа как на двоечника, который пришёл к нам в кафе переписывать контрольную. Ольга подобралась и приняла независимый вид, и только я причесалась, попудрилась и закурила, в общем, держалась как ни в чём не бывало.

Всё прошло очень мило, хотя я сильно волновалась – хотела, чтобы Ольга с Алёной заметили, какие у нас с Романом

особенные серьёзные отношения, а Мурка не догадалась, что Роман – не просто мой случайный знакомый.

Глупая Алёна, забывшая правила хорошего тона, сказала:
– Ах, вы тот самый Роман! Мы так много о вас слышали! Нам уже давно пора с вами познакомиться. (Это беда всех неработающих женщин – утрачиваются простейшие навыки общения!)

– Что-то я не припомню, кто этот Роман, – главный менеджер, владелец автосервиса или лётчик? – театральным шёпотом на все кафе спросила Ольга, пытаясь хоть как-то спасти положение и тонко намекнуть Роману, что он у меня не один, и Ольга совершенно запуталась в мужчинах, которые во множестве роятся вокруг меня.

Ольга, наоборот, профессионально очень привыкла к разного рода общению, поэтому тут же сообщила Роману, о котором она якобы ничего не знала, что она очень много слышала от меня о проекте его замечательной программы. И они с Романом тут же принялись щебетать на близкие им темы: программа Романа, бывший Ольгин журнал, реклама в прессе и на телевидении.

Потеряв контроль над ситуацией, Алёна надулась и принялась рыскать глазами по столу в поисках темы для беседы.

– Я тут искала стол для новой квартиры... У нас гостиная сорок метров и, может быть, скоро будет дом в Испании. Вот мне и нужен большой стол. Так я хочу спросить, почему в журнале про мебель не могут написать «Стол большой, на

двенадцать персон, очень удобный, раскладывается», а вместо этого пишут: «Этот стол – невероятная симфония вкуса»?

Вообще-то Алёна права – очень трудно пробиться к смыслу сквозь этот птичий язык модных штампов, но её фраза прозвучала как-то совсем не по-светски, вроде как в дорогом ресторане попросить пиво «Балтика № 3». Может быть, с тех пор, как Алёна бросила работу, она стала бояться чужих, защищаясь от них своей новой квартирой и домом в Испании?

Мурка подозрительно долго не принимала участия в беседе, и только я собралась потрогать ей лоб и проверить горло, как она очень любезно обратилась сразу ко всем вместе тоном человека, нанятого для исследования потребительского рынка:

– Скажите, пожалуйста, корчите ли вы себе рожи перед зеркалом, и если да, то когда – утром, вечером, в течение дня?

Оказалось, Роман, Ольга и Алёна не корчат вообще, я изредка, только по утрам, а Мура получилась чемпионом по этой части – оказывается, она корчит рожи в течение всего дня. Затем моя дочь, рыча и мяукая, продемонстрировала свои излюбленные рожи, и Роман обещал Муре при случае когда-нибудь взять её в телевизор. Меня несколько не удивило, что Мура так сразу очаровала Романа, потому что она на редкость обаятельная девочка.

– Мне пора, – сказал Роман.

Не успел он отойти от нашего столика, как Ольга томно сказала:

– Жаль, что эта прелесть жената...

И тут Роман повернулся, подошёл к нам и полностью раскрыл меня перед Мурой:

– Мама с дочкой, вы хотите поехать на выходные в Финляндию? Если да, то выезжаем завтра вечером.

Мы хотели, очень хотели.

Когда я возвращалась из салона домой, случилось страшное. В нашем подъезде, на площадке первого этажа, сидел мужчина в обносках. Было невозможно определить, сколько ему лет. Печально: сейчас откуда-то взялось много откровенно несчастных людей, не то, что во времена нашего советского детства. А кстати, где тогда были эти несчастные люди, или у всех оно было, это постоянное место жительства?

Я уже приготовилась просто расстроиться оттого, что этот человек сидит тут совсем один, но он вдруг поднял голову, и я увидела ЛИЦО – с такими лицами изображают святых или, в крайнем случае, отшельников дворянского происхождения. Он заметил, что я замерла, и сказал красивым звучным голосом с интонациями интеллигента во всех поколениях:

– Не удивляйтесь, любой человек может оказаться в моем положении, и прошу вас – не расстраивайтесь...

Что у него случилось, что?! Может быть, он вернулся из

сталинских лагерей? Какой сейчас год? Нет, не получается, все давно вернулись...

Дома я немножко поплакала и думала, чем ему помочь – невозможно же вынести такому ЛИЦУ еду или старую одежду, а новой у меня нет, и еды тоже нет... потом я зачем-то спустилась вниз, не знаю зачем, а он уже ушёл. Кто это был? Святой Странник?

Вечером объяснялась с Мурой. Мурка догадалась, что Роман – не просто так, а серьёзный роман.

Мы обсуждали поездку в Финляндию. С поездкой всё складывается удачно: Лев Евгеньич погуляет с Иркой-хомяком, Савва Игнатьич будет только рад остаться на пару дней на хозяйстве, а визы у нас есть всегда. Денис делает нам шенгенские визы на год, чтобы всегда можно было вывезти Муну из страны, *Если Что*. Он сам не знает, что: пожар, наводнение, Октябрьская революция, но они с Аллой так скучают по Питеру, что всегда сладострастно думают – не зря же мы здесь сидим, *Если Что* – мы сидим в Германии!

...Есть одна, нет, две проблемы. Во-первых, как быть с деньгами? Здесь за рестораны всегда платит Роман, тем более что обычно мы всегда ходим в такие места, где он не платит (это называется бартер за рекламу), и тогда возникает сложный щекотливый вопрос: кто должен оплачивать номер для Муну? Вторая проблема – если по дороге я захочу писать? Я стесняюсь. Разработаю с Муркой условный знак –

если что, пусть она просится выйти, ну, и я с ней.

Перед сном думала, что в жизни всегда присутствует рядом прекрасное (завтра едем в Финляндию!) и ужасное (где он сейчас, Святой Странник?).

8 декабря, пятница

В восемь утра позвонила мама.

– Я нашла вам домработницу, только умоляю, не называйте её домработница! Это наша Ирина Андреевна, работала у нас в НИИ библиотекарем.

Я сказала маме, что сегодня нам домработница не нужна, потому что вечером мы уезжаем в Финляндию.

– Об этом не может быть и речи. Нужно убрать квартиру перед её приходом!

В десять позвонил Роман и сказал, что пока ничего не получилось, и, может быть, мы поедем в Финляндию в следующие выходные. Вот и хорошо, убери сегодня квартиру, а то неудобно перед домработницей.

В десять минут одиннадцатого позвонила Алёна и сказала, что очень-очень между нами, ей кажется, что она за последнее время немного отошла от всего, не связанного с покупкой и ремонтом недвижимости, и вот теперь ей пришла в голову замечательная мысль: она будет устраивать журфик-

сы – приглашать домой разных интересных людей, например ансамбль старинной музыки. И Никите будет очень приятно, приходя домой, видеть Алёну среди интересных людей и разговаривать о прекрасном, и для сексуальной жизни это будет не хуже пилюли или петтинга. Не в том смысле, что пилюля и петтинг не подействовали, а в другом – для сексуальной жизни это будет полезно. Сказала, мне-то хорошо, у меня с Романом и секс, и разговоры о прекрасном, например о его программе...

В половине одиннадцатого позвонила Ольга и завела со мной длинную беседу о разных мужчинах. Беседа больше напоминала монолог.

– Вася сделал у меня генеральную уборку и купил продукты на неделю... Всё-таки простой водитель лучше, чем гений...

– Лучше.

– Да-а, а зато у Васи появилась ужасная невыносимая привычка на любое высказывание отвечать вопросом. Я ему говорю: «Читаю Шекспира», а он мне: «Что за Шекспир?» А Димочка сказал мне, что когда у меня будут деньги, мы с ним будем учиться танцевать фламенко, это сделает его внутреннее мироощущение более экспрессивным... Нет, всё-таки гений лучше, чем простой человек...

– Лучше.

– Тебе-то хорошо, у тебя с Романом и секс, и разговоры о

прекрасном, например о его программе...

Через десять минут Ольга перезвонила и сказала:

– Нет, всё-таки гений лучше, чем простой водитель...

– Тебе самой больше нравятся продукты на неделю, чем танцевать фламенко на голодный желудок, – ответила я, и я на самом деле так считаю.

– Не отягчай тоски укором, – сказала Ольга и отключилась.

Неужели это все последствия одной маленькой встречи с Романом?

Очень хотела убрать квартиру, но не успела, потому что ещё немного поговорила по телефону, а потом решила перечитать «Сагу о Форсайтах», а ведь всем известно, что эта книга очень толстая, а домработница, то есть библиотечка-ша, пришла довольно рано – в два часа дня.

Я открыла дверь и... о ужас! Передо мной стояла Ирина Андреевна, дама лет пятидесяти, интеллигентная, в очках и в шляпке с вуалью. Неужели я должна буду ей говорить строгим хозяйским тоном: «Уберите здесь, пожалуйста, если вас не затруднит, и очень вас прошу, сварите бульон, если у вас будет настроение»?

Ирина Андреевна обещала побыть сегодня до вечера, наотрез отказалась называть Льва Евгеньича и Савву Игнатьи-

ча по имени отчеству, догадалась, почему в холодильнике запах (оказалось, там внутри стоит тёплый весенний день с температурой плюс 18 градусов), наметила сварить бульон, потушить курицу и испечь оладьи. А я ушла, сегодня у меня жуткий день – лекция и две консультации подряд, в четыре и пять, потом час перерыв и ещё три записи вечером. А я уже заранее устала.

...Прибежала домой перед вечерними консультациями. Всё-таки каждую минуту быть на людях очень тяжело, если учесть, что я ещё и консультирую. Сегодня мне попались какие-то клиенты-вампиры. Сначала они хотели выпить из меня все моё, а затем положить в меня все своё, и я почувствовала, что если не полежу хоть немного с головой под одеялом, то мне самой потребуется психолог, а возможно, даже и психиатр.

Я завела будильник и улеглась в кровать одетая – на всякий случай, вдруг усну и придётся бежать в салон сломя голову. Счастье – это когда с тобой никто не разговаривает.

– Я испекла оладьи. Хотите?

Ох, черт, Ирина Андреевна! Удобно ли сказать ей, чтобы она стучалась? А вдруг она подумает, что это потому, что она домработница, а мама же просила, чтобы она ни в коем случае об этом не догадалась...

– Спасибо, Ирина Андреевна, спасибо большое, я лучше так полежу, у меня всего полчаса... Огромное вам спасибо, – сказала я тоненьким застенчивым голоском Очень Хорошей

Девочки.

– Очень вкусные! Сейчас принесу!

Принесла. Господи, ну что это такое! Я не хочу оладий, и мне просто физически плохо оттого, что она стоит надо мной. Но из кровати я не вылезу, нет уж, дудки, а то она увидит, что я лежу там в брюках и свитере, и будет ругаться.

Ирина Андреевна стояла надо мной с видом надсмотрщицы.

– Ну что, вкусно?

Я кивнула, с трудом глотая большие куски. Бесспорно, это оладьи, но не воздушные как у мамы, а абсолютно резиновые. С другой стороны, резиновые, но всё же оладьи...

– Ну, ешь, ешь, а я на тебя посмотрю. – Ирина Андреевна уселась в кресло напротив моей кровати.

А я как дура лежала и давилась оладьями под её взглядом, пока она рассказывала мне всю свою жизнь.

Жутко тяжёлый день закончился консультированием повторного клиента. Неделию назад у меня уже была эта девица с бесконечными тоскливыми ногами. Если бы данная девица разлеглась вдоль Невского проспекта, её ноги начинались бы у Адмиралтейства, а заканчивались у площади Восстания... А колени были бы у Аничкового моста!

Запишу кратко.

Проблема девицы: как заставить её молодого человека на ней жениться.

Жалоба: она старалась, как я велела в прошлый раз, а он не женился, а, наоборот, бросил её.

Что было задано:

1. Не требовать от него слов любви.
2. Принести в квартиру молодого человека что-то, напоминающее о ней.
3. После секса загрузить, а если он скажет: «Что-нибудь не так?» – печально улыбнуться и сказать: «Всё в порядке».
4. Носить у него дома его одежду, например рубашку или галстук.
5. Забыть у него маленький предмет одежды, например шарфик, платочек, etc.

И что было сделано:

1. Говорила «Я люблю тебя, и не отвечай, я и так знаю, что ты чувствуешь».
2. Принесла цветок и сказала, что если цветок умрёт, то и их отношения тоже умрут. Каждый день просилась прийти полить цветок, но молодой человек не пустил её.
3. После секса плакала, в следующий раз плакала во время секса.
4. Взяла домой два его любимых свитера.
5. Забыла у него лифчик, а молодой человек оказался женат.

Пришлось задержаться на двадцать минут. Пока утешала девицу и клялась, что у неё ещё все впереди, сочинила пословицу: «Ног длинный, а ум короткий».

Получился слишком уж психологический день — дома пришлось объяснять Муре, что у взрослых Романов могут возникнуть дела поважнее поездки в Финляндию.

— И что, у тебя с ним серьёзно? Может, ты и замуж выйдешь?

— Может быть, выйду, — ответила я, ничего не соображая от усталости.

— Тогда пусть он возьмёт меня в телевизор, — склочно сказала Мура.

Засыпая, подумала: не забыть попросить Романа — пусть возьмёт Муру на конкурс моделей или в какое-нибудь котшоу... Сплю...

Проснулась от телефонного звонка — Денис просто вынул меня из сна, послезавтра прилетает. Позвал к телефону Муру и спросил, что ей привезти. Мурка попросила красную юбочку, голубую кофточку и обязательно клетчатую кепку. Или голубую юбочку, клетчатую кофточку... сплю...

9 декабря, суббота

Сегодня выборы в Думу, поэтому утром я провела своё собственное исследование электората среди нашего университетского охранника. Охранник будет голосовать за коммунистов, потому что они с Зюгановым земляки, оба из Орла. А все наши преподаватели голосуют за правых. Когда я ухо-

дила из университета, случилась жуткая история, леденящая кровь! Охранник придержал меня в дверях за сумку и интимно зажал в уголке.

– Нам с вами нужно познакомиться поближе! – проговорил он и сунул мне в руки какую-то бумажку.

Бумажка оказалась избирательной листовкой прошлого года, и из неё следовало, что в прошлом году охранник выдвигался кандидатом в депутаты от правых.

В случае своего избрания наш охранник предлагал:

1. Улучшить условия проживания жителям коммунальных квартир. (Как он собирался это сделать?)

2. Отстаивать права пенсионеров. (Ну, уж это он точно врёт, я сама видела, как он не пускал на работу нашу самую старую преподавательницу с кафедры иностранных языков за то, что она забыла свой пропуск.)

3. Усилить охрану правопорядка. (Это он может – у него есть кобура, хотя весь университет знает, что она пустая.)

Вот оно что! Сначала наш охранник избирался от правых, а потом решил, что Явлинский – плакса-вакса-гуталин, и переметнулся к коммунистам! Значит, охраннику всё можно, а мне нельзя голосовать за «Единую Россию»?! Считаю, это безобразие и подавление моих прав.

А я очень хотела голосовать за «Единую Россию». Мне нравятся эти дяденьки в хороших костюмах с аккуратными лицами, за исключением одного министра с лицом маньяка, и нравится идентифицировать себя с сильной властью. Ни-

кому не скажу, что в глубине души мечтаю о сильной руке (мужской). Но пришлось голосовать за правых, а то мама и др. исключат меня из либеральных сил.

Мне очень грустно. Студентам выборы безразличны, и, не считая охранника, в университете у меня нет ни одного знакомого, который хотел бы голосовать за «Единую Россию», кроме меня самой – тайной любительницы Путина, государственной идеи и хороших костюмов...

...К тому же Гарант Конституции на последнем звонке носил меня на руках по нашему актовому залу на четвёртом этаже, а я звонила в колокольчик... Ну и пусть, что этого не было, но ведь могло же быть?!

Странная смесь всеобщего безразличия молодёжи и большого волнения немолодых людей на моей собственной территории.

До трёх часов ночи смотрели выборы в странной компании – мама, Алёна с Никитой, Ольга с Васей (всё ещё продолжается период Васи), Ирка-хомяк с Петром Ивановичем, и Лысый тоже зачем-то зашёл.

На одной стороне стола (рядом с голубцами) расположились либеральные силы, к которым относятся мама, Ольга и примкнувший к ним Пётр Иванович. Либеральные силы были повержены в тоску по поводу позорного провала правых.

Непрерывно звонили родственники и знакомые из университета и загробными голосами говорили: «Мы проигра-

ли», «полицейское государство», «ручная Дума». Ужас, позор! Это из-за меня правые не набрали голосов и не прошли в Думу...

На другой стороне стола (рядом с конфетами «Мишка на Севере» и клубничным вареньем) сидели сторонники партии «Единая Россия»:

1. Вася.

2. Все остальные.

Я была на стороне голубцов, потому что отношусь к либ. силам, но иногда переходила на сторону варенья.

Считаю, правые получили по заслугам – ПОЧЕМУ они не думают о народе, а упиваются своим интеллектом и выдвинули как центральную фигуру выборов Чубайса, которого народ ненавидит ещё со времён приватизации, которая не всем досталась?

Я знаю, что ответят мне либ. силы, – что они работают на другой электорат, конкретно на меня. Хорошо, я-то с ними, на стороне голубцов, но где они обронули остальной свой электорат? Где он, почему не голосует за Хакамаду и Чубайса, Явлинского и Немцова?

Собирает чемоданы, опасаясь наступающего фашизма? Или, может быть, катается на горных лыжах (студенты говорили, вчера открыли сезон в Коробицыно), или празднует в Лондоне день рождения жены, или валяется у видика и смотрит боевик или новое артхаузное кино? Или направился с детьми в Эрмитаж, а после в ресторанчик есть пышки-ма-

лышки или угощаться фуа-гра, а после прилѣг у телевизора посмотреть, как правые провалились?

12 декабря, вторник

...Ура, ура, приехали Денис с Аллой! Я по ним соскучилась. Они всего на несколько дней, будут жить в «Европейской», потому что они не просто так, а по важному бизнесу, и по этому бизнесу у них очень много дел.

Мы с Мурой встретили их в аэропорту и привезли к нам. Они собирались идти в ресторан, и Алла сменила сногсшибательный деловой костюм на ужасно пышное вечернее платье с большим вырезом и красной меховой горжеткой.

Денис командовал Муркой – открой чемодан, закрой чемодан, принеси чай и горжетку... Мурка всё исполняла, при этом говорила неестественным голосом, вертелась, кривлялась и тоже собиралась в ресторан, принарядившись в розовые брючки и блестящую кофточку без горжетки. И лицо у неё было такое, как будто ей пять лет; и Денис с Аллой – во все не её папа с Аллой, а Дед Мороз со Снегурочкой.

Когда радостно подрагивающая Мурка принялась натягивать в прихожей ботинки, Денис немного смутился и сказал, что сегодня ей с ними никак нельзя, но вот в другой раз обязательно...

Мурка издала звук, одновременно похожий на рѣв и хихиканье, и тут же, стараясь не заплакать, таким детским писклявым голоском, словно она сидит на горшке, спросила, где

же в таком случае её подарки, а именно юбочка и кепочка. Непонятно, отчего она так разволновалась?

Дед Мороз оказался немножко левым, потому что никаких подарков не принёс и к тому же не понял, что Мурка просто не знает, как получше скрыть растерянность и обиду, и интересуется клетчатой кепкой от смущения.

Всё это время мы с Аллой не переставали радоваться, суетиться и дружить, и я не сразу заметила, что Мурка с Денисом уже успели обидеться друг на друга. Денис, сердито пыхтя, сказал, что Мурке только подарков и надо, и получается, что она мечтала увидеть не его, а клетчатую кепку, в то время как отец устал с дороги и волнуется по бизнесу. И ждёт от своей взрослой дочери Муры понимания его сложной жизненной ситуации: каково ему прямо с самолёта в ресторан?!

И вместо юбочки и кепочки они с Аллой купили в «Duty Free» в аэропорту коробку конфет и духи «Coco Chanel» маме (мне). Наверняка мама (я) сможет Муре эти духи отдать, и у неё получится сразу два подарка – конфеты и духи. Объяснившись с Мурой, Денис попросил свою взрослую дочь быстренько почистить щеткой его пальто и собрался уходить.

– Мы потом попросим папу сводить нас в кафе, – голосом дворцового заговорщика, плетущего сложную интригу, сказала Алла, – или мы выпросим у папы денег и сами пойдём в кафе...

Алла очень хорошая, любит Мурку и всегда играет с ней в такую игру, как будто они с Муркой две папочкины дочери – Алла любимая младшая, а Мура старшая. При таком раскладе все баловство от их общего папочки достаётся Алле, а Мурке фига, зато от неё требуется понимание, моральная поддержка и умение быть настоящим товарищем.

Когда Денис с Аллой отправились в ресторан по бизнесу, Мурка на глазах сдулась как шарик и, улетаая в свою комнату, проворчала:

– Мне вовсе не нужна красная юбочка и голубая кофточка, а клетчатая кепка мне как раз нужна, но тут дело даже не в кепке... Почему папа сделал неприятное лицо и сказал, что ему было совершенно некогда зайти в магазин? Этот магазин, «Бенетон», в соседнем доме...

Но «Бенетон» есть и у нас в соседнем доме, на Невском. Совершенно непонятно, зачем Мура просила Дениса, чтобы он отрывал своё время от бизнеса, специально вспоминал про свою дочь, шёл в магазин и представлял, как очаровательна будет его дочь Мура в клетчатой кепке? Почему Мурка не хочет просто перейти Невский и сама купить кепку, совершенно не затрудняя своего отца?

– Алла все время говорит: «Мы, мы, мы...» А когда же мне побыть со своим личным папой, если она ни на минуту его не отпускает?! – пожаловалась Мура.

Мурка никогда долго не горюет, и минуты через три-четыре её лицо было уже как новенькое – с предвкушением завтрашних радостей. Завтра они пойдут гулять, и в ресторан, и в магазин, и в театр, – в общем, они с папой все эти дни будут кружиться в вальсе взаимной любви и очаровательных развлечений.

15 декабря, пятница

Денис с Аллой все ещё живут у нас, потому что с «Европейской» что-то не вышло – то ли по бизнесу, то ли «Европейская» закрылась от них на ремонт. Из рассказов Дениса я поняла, что бизнес наших людей, живущих за границей, с нашими людьми, живущими в России, – дело очень тонкое. Между бывшими нашими и просто нашими образовались сложные отношения, потому что бывшие наши желают выгодно выменять запасы недр на красивые заграничные бусы, а просто наши мечтают между привычно почтительным отношением к иностранцам и недоверием к бывшим нашим, потому что они ненастоящие иностранцы. Бывшие наши хотят доказать, что они очень даже настоящие, куда настоящее остальных, и одеваются во все самое дорогое, и делают вид, что забыли, «как это будет по-русски». Денис не такой, он ужасно милый, а должен страдать и не жить в «Европейской» из-за этой сложной ситуации.

Денис каждый день так расстраивается по бизнесу, что

полдня пьёт чай на кухне, а когда Мурка приходит из школы, уезжает по делам. Поэтому сегодня утром, перед уходом в университет, я решила доверительно, «между нами, девочками», побеседовать с Аллой – сказать ей, что Денис невнимателен к Мурке и что она, Алла, должна вмешаться. Алле будет приятно почувствовать себя важным, все решающим и всех мирящим членом семьи.

– По-моему, Мурка грустит, – начала я издалека.

В ответ Алла рассказала, какое им вчера в ресторане подавали вкусное мясо.

– Представляешь, два официанта облили его коньячным спиртом... – мечтательно проговорила она.

– Меня тоже вчера облили соком в университетской столовой, – ответила я и отправилась искать Дениса.

Случайно поймав его на полпути из ванной в кухню, я холодным голосом Снежной Королевы напомнила, что у него есть дочь Мура.

Денис тут же вспомнил – да, действительно. Мура у него есть.

– Я буду весь день ездить по делам, – сказал Денис.

– И Мура будет весь день ездить с тобой по делам. А Алла пусть сегодня навестит своих стареньких родственников, наверняка они у неё есть, – твёрдо произнесла я и ушла довольная, что так удачно устроила Мурину личную жизнь с отцом и что в нашей семье снова торжествуют мир, дружба, жвачка.

Читала лекцию на ужасно скучную, совершенно бесполезную тему – про экстроцепцию и интроцепцию. На словах «Результат ощущения – это возникновение сенсорного образа» заразилась от аудитории зевотой. Зевала и зевала, никак не могла остановиться. Немножко подумала и начала рассказывать про ощущения младенцев. Ведь у всех студентов когда-нибудь будут дети, поэтому им совсем не лишне заранее знать, что своих детей нужно с утра до вечера гладить и ласкать, иначе они могут вырасти агрессивными и даже в будущем стать настоящими разбойниками. Про сенсорный образ велела прочитать самостоятельно, когда у них будет настроение.

Денис с Аллой и Мурой явились домой в двенадцать ночи. Мурка с подозрительно гордой нагловатой улыбкой цапнула из буфета бутылку мартини и удалилась вместе с бутылкой в свою комнату, и тут же из-за двери мы слышали её рёв.

Денис с Аллой, как две Очень Тихие Мыши, сидели на кухне, а я билась под Муриной дверью. Что делать?! Вызывать «скорую», пожарных, срочную психологическую помощь, звонить маме? ЧТО ДЕЛАТЬ С РЕБЁНКОМ?! Неужели придётся входить к Муре без разрешения?

Наконец Мура пробормотала: «Заходи», и мы с Львом Ев-

генъичем ворвались в её комнату. Муры не было.

Я в ужасе подбежала к окну и стала зачем-то дёргать ручку, пытаясь его открыть. (Я же говорила Ирине Андреевне, что заклейка окон у меня намечена на май, а она всё-таки запихала в щели старые колготки, как будто мы с ней живём в каменном веке. Теперь приходится выдирать...) Всё оказалось не так страшно – Мура просто зарылась в куче тряпок, и пока я пыталась закрыть окно (на улице мороз), Лев Евгеньич отрыл Мурку. Изрядно наглотавшись из бутылки, Мурка наконец заговорила жалким голосом. Бедная Мурка, ей сегодня и вправду досталось.

1. Два часа тринадцать минут Мура как мягкая игрушка провела на заднем сиденье машины. Рядом с папой сидел его партнёр по бизнесу, толстый дядька в спортивном костюме и лакированных штиблетах. Муре не удалось вставить в их беседу ни слова...

– Папа где? – заволновалась Мурка. – Скажет ещё, что я жалуюсь...

– Не волнуйся, папа подслушивает под дверью, – успокоила я дочь.

– Этот дядька в штиблетах был очень важный партнёр по бизнесу! – закричал Денис из-за двери...

2. Они приехали в какую-то фирму на Некрасова, и папа сказал: «Ты посиди здесь в скверике минутку». И забыл её в скверике на один час шестнадцать минут.

– Не на час шестнадцать минут! Всего-то на час, не боль-

ше... – прокомментировал Денис, все ещё отираясь под дверью.

3. Поехали дальше по бизнесу, и папа высадил Муру у «Макдоналдса» – ей надо было в туалет. Мура вернулась, а машины с папой и его партнёром по бизнесу и след простыл.

– Ну и что здесь такого?! Папа заговорился с партнёром, а в это время зажегся зелёный свет, и папа нечаянно уехал! Папа же оглянулся через полчаса! А Муры нет! Взрослая дочь должна предупреждать, что её нет в машине! – склочничал под дверью Денис.

А Мура, между прочим, стояла на тротуаре и волновалась, что папу украли космические пришельцы. И надеялась, что если пришельцы вернут её папу, то они пойдут вдвоём куда-нибудь в кафе, или пусть не в кафе, а просто папа обернётся к ней со своим человеческим лицом и наконец увидит, что вот она – Мура. И спросит: «Как ты, дочь моя Мура?» И может быть, даже удастся завести его в магазин, и Мура будет вертеться перед ним в красной юбочке и клетчатой кепке, а он скажет: «Как тебе идёт эта кепочка, моя дочь Мура!»

Но на робкий Муркин намёк Денис сказал, что у него уже скоро кончатся русские деньги, а Алле ещё необходимо купить тапки из овечьей шерсти, в Германии таких нет.

– Ему для меня всего жалко, – бормотала Мура, размазывая слезы грязноватыми лапками с обкусанными ногтями.

– Мура, быстро одевайся, пошли купим тебе эту кепку, и юбочку купим! – плачущим голосом сказал Денис.

Мурка печально покачала головой – не надо... ничего мне не надо... тем более магазины уже закрыты...

Я выставила Дениса обратно в кухню и принялась утешать Мурку.

– Мурка, ты не права! Папа тебя любит, просто ты не болтаешься каждый день у него перед глазами, и он отвык. Понимаешь, он такой человек – очень хороший, просто живёт невнимательно... Он тебя любит, как умеет. От каждого человека можно получить только то, что от него можно получить.

Мура удивлённо хлюпнула носом и задумалась, и тогда я, окрылённая успехом, вошла в педагогический раж и принялась приводить примеры из литературы.

– Помнишь, Чехов сказал: если вам налили кофе, не нужно искать в нем пиво? Или ещё какой-нибудь напиток. Кстати, о напитках, я тоже выпью мартини.

Но Мура не помнила Чехова.

– И у Аллы нет хитрого плана, как отдалить тебя от папы, она просто хочет побыть с тобой, она тебя любит!..

Когда я повторила слово «любит» в разных вариациях раз двести, Мурка успокоилась и даже развеселилась, а может быть, уже немножко напилась.

А потом был совершенно замечательный вечер: мы всей семьей, с Денисом, Аллой, Львом Евгеньичем и Саввой Игнатьичем, разместились на Муриной кровати, и Мурка рассказывала нам, какой нечеловеческий кошмар случился в её

жизни на школьном вечере, который был в прошлую субботу, она не хотела рассказывать, но раз уж мы все вместе собрались на её кровати...

Предваряя свою историю, Мура тоненько завывала, совершенно как Лев Евгеньевич в раннем детстве, когда он только пригреется под чьей-нибудь подушкой, а его раз – и выгонят!

– Что случилось, Мура, что?!! – трагически спросила я маминым голосом.

Постанывая и не забывая прихлёбывать из бутылки, Мура сообщила, что в прошлую субботу она ходила на школьную дискотеку. И там, на дискотеке, один исключительно ценный для Муры мальчик назло ей танцевал с другими девочками, со всеми, кроме Муры. А вдруг он любит только её, но стесняется, подумала Мура, и пригласила мальчика на белый танец. А мальчик ей отказал!.. Отказал на глазах у всех, особенно у злобной Таньки Цветковой!

Я хотела сказать, что девушка должна быть гордой, но почему-то чуть не заплакала. Представила, как МОЯ ДОРОГАЯ МУРА, вся красная от стыда, стояла перед каким-то мальчишкой (мерзким, прыщавым!), а он презрительно качал головой – не пойду с тобой танцевать... МОЯ МУРА!

– Да-да, как замечательно, что ты уже ходишь на дискотеки, – рассеянно прокомментировал Денис.

И тут я приняла холодное обдуманное решение – сначала убью Дениса, потом скажу ему, чтобы он навсегда исчез из нашей жизни, особенно из Муриной, и не отдам ему приго-

товленные двадцать килограммов детективов, особенно не отдам Донцову!

...Или всё-таки отдать детективы? Мне было двадцать, когда родилась Мура, а Денис был тогда намного старше меня, ему уже было двадцать два... А сейчас мне уже тридцать шесть, а Денису ещё только тридцать восемь.

– Я вам кое-что скажу! У вас будет ребёнок! – сказала Алла. – Я сегодня была у врача, потому что немецкие врачи ничего не понимают, а русский врач так мне и сказал – у вас будет ребёнок! Уже присмотрела чепчик от Версаче.

Мы очень обрадовались, особенно Мура. Сказала, что предпочла бы братика, потому что девочка в семье уже есть, и, кстати, девочек положено любить больше.

– Мура, ты дура, а твой папа тебя обожает, – сказала я.

Мура согласилась, что её отец – очень занятой по бизнесу ангел, и мы ещё долго сидели в Муриной кровати, но ни про что такое больше не говорила, просто все (кроме Аллы) по очереди делали по глотку мартини и смеялись.

Если мама узнает, что Мурка вместе с нами пила мартини, она меня убьёт!

Мурка заснула, Алла тоже ушла спать, а я решила сосредоточиться и представить, что передо мной не Денис, а клиент, который пришёл ко мне на консультацию, и тихим психологическим голосом объяснить ему наконец всё про его дочь. Что кепка, которую она выпрашивала, только на пер-

вый взгляд кепка, а на самом деле – символ любви. Ага, думает Мурка, раз ему жалко кепки, значит, он меня не любит! И немедленно хочет получить кепку как доказательство, что папа её любит.

– Ты меня понимаешь? – вкрадчиво спросила я.

– Я не псих, а ты не врач в сумасшедшем доме! – взорвался Денис.

И я, тут же подтверждая, что я не псих, то есть не врач, начала орать: «А ты... ты... ты!...»

Орала, правда, шёпотом, потому что Мурке завтра в школу, а Алле в её положении нужен длительный спокойный сон.

– И чтобы больше у меня этого не было! Чтобы ребёнок больше не расстраивался! – накричавшись, грозно закончила я.

Денис кивнул. Так всегда бывает у близких людей: неважно, если кто-то уже окончательно потерял над собой контроль и орёт гадости, – когда этот кто-то устанет кричать, можно опять начинать дружить. И ещё неважно, что этот кто-то всегда я.

После хорошего скандала разговор об оплате Муркиных репетиторов пошёл легко, Денис уплывал глазами, дежурно орал, что у него нет денег, но было понятно, что он уже смирился и даже мечтает видеть Мурку с бормашиной наперевес.

Очень ловко он перешёл от Муры к своим проблемам – жаловался на партнёров по бизнесу, на отсутствие достой-

ного его круга общения, на Германию (вообще невозможно жить), на Питер (не удалось купить Алле овечьи тапки), и я тут же начала его жалеть. Особенно за то, что он слишком крупный мужчина по сравнению со своими детскими замашками и постоянно мечтает похудеть, а сам не может жить без мороженого с вареньем.

Странно всё-таки, что Денис теперь с Аллой. Я не была уверена, что он по-прежнему грезит обо мне по ночам, просто привыкла считать, что я – большая любовь его жизни. А вдруг я уже не большая любовь, а просто бывшая любовь? Ну и пусть, все равно у нас с ним есть кое-что общее – Мура, юность и др. Когда папа умер, Денис был рядом, потом его мама умерла, и я тоже была.

Долго не могла уснуть, потому что всех жалела.

Муру за то, что она не уверена в себе. Маму... всегда найдётся за что пожалеть маму. Дениса – живёт в чужой стране совсем без Муры. Аллу – ей не удалось купить овечьи тапки. Себя – ну, себя жалко ужасно, прямо до слез...

Я как-никак психолог и знаю – если человеку плохо, он должен встать перед зеркалом и сказать вслух: «Я очень красивая, у меня все замечательно!» Перечислить, что именно, и главное – улыбаться, улыбаться! По правилам это нужно делать утром, перед тем, как выходишь в мир, но ничего, я проделаю это перед сном, даже лучше.

Встала перед зеркалом в пижаме, полюбовалась на своё

зарёванное опухшее лицо, и громко-чётко сказала:

– Я очень красивая. (Не верю!) У меня все замечательно! Мурка – лучшая девчонка на свете. Прыщавый мальчишка – дурак. Денису и без Мурки неплохо. Алле я куплю овечьи тапки.

Ничего не вышло, рыдала, ещё больше жалела всех, особенно себя.

16 декабря, суббота

Утром у меня всегда две новости, одна плохая – нужно вставать, и одна хорошая – все вчерашнее плохое с утра кажется розовым и прекрасным! Тем более сегодня у меня выходной, только две консультации в салоне и одна вечерняя лекция. А ещё пришла Ирина Андреевна и окончательно примирила меня с жизнью.

Чем отличается жизнь с Ириной Андреевной от жизни без неё (если не нужно с самого утра бежать на лекцию)?

1. *Без Ирины Андреевны*: утром встать, со зверской непроснувшей физиономией погулять с Львом Евгеньичем. (Неизвестно, кто по утрам больше похож на зверя, я или он.) По дороге купить журнал «Город», дома накормить Муру и зверей завтраком и, наконец, обессиленно прилечь с чашкой кофе и журналом «Город».

2. *С Ириной Андреевной*: пока Ирина Андреевна с Львом Евгеньичем гуляют (а они любят гулять долго!), сварить себе кофе. Выхватить из рук Ирины Андреевны купленный ею

журнал «Город» и мгновенно унести обратно в постель.

Примечание. Удовольствие немного отравлено неловкостью, что я лежу в постели, а она нет, но можно попробовать взглянуть на проблему с другой стороны:

1. Во все времена жизни на Земле кто-то ходил за журналом «Город», а кто-то его читал.

2. Ирина Андреевна не может делать ничего другого, а я даю ей возможность зарабатывать деньги тем, что она умеет делать, а именно выпеканием резиновых оладий.

3. Я не бездельница, а с утра до вечера сею разумное, доброе, вечное.

4. Могу я в единственный случайный выходной с вечерней лекцией и двумя консультациями поваляться в постели с чашкой кофе, но без угрызений совести?! Тем более что я сейчас встану.

5. Почему-то всё равно неловко.

Встала с постели, так и не прочитав журнал. Эта неловкость – дурацкое наследие советских времён, когда считалось, что чем больше ты моешь пол, тем ты более достойный человек. Даже если ты профессор или научный работник, все равно в свободное от науки время постоянно должен мыть пол и т. д. И в школе у нас тоже было трудовое воспитание, и я лично дежурила по школе и мыла пол в коридоре. Сейчас не могу себе представить, что могло бы заставить меня взяться за мерзкую, вонючую школьную швабру.

Ирина Андреевна – очень тактичная библиотечка: убивает квартиру, а я даже не слышу никаких неприятных звуков вроде шума пылесоса. Обнаружила её на кухне, сидела тихонечко, читала Джейн Остен. Подняла голову, похвалила мою библиотеку и опять принялась читать.

Перед уходом немножко поговорила с Ириной Андреевной о литературе. Джейн Остен – её любимая писательница. Мне очень повезло с домработницей. Не часто удаётся встретить человека, который обожает Джейн Остен, как я. Обсудили, какая она идеальная, совершенная, бесподобная, особенно «Гордость и предубеждение» с Колином Ферттом в главной роли.

Наевшись резиновых оладий под строгим взглядом Ирины Андреевны, я собралась в университет на вечернюю лекцию. Когда я подходила к аудитории (немного опоздала), услышала, как студенты в коридоре кричали друг другу:

– Послушаем психологию, тётка здорово читает, а после психологии уйдём домой!

Хм, «тётка» – это я...

После лекции специально проследила – действительно многие ушли. Нехорошо – получается, что они прогуливают следующую лекцию. Значит, они приходят послушать именно меня, ура, ура!! Ха-ха-ха, хо-хо-хо! Очень счастлива.

Дома выяснилось, что у Муры тоже был сегодня счастливый день, – сначала всю школу эвакуировали по звонку о

бомбе, а ещё – повезёт так повезёт! – именно в нашей квартире погас свет. Лев Евгеньич под покровом темноты съел еду Саввы Игнатьича, а Мурка не сделала уроки, залезла в мой шкаф и присвоила мой свой любимый чёрный свитер. Потом мы с Мурой при свечах пели песни из горячей двадцатки.

17 декабря, воскресенье

В шесть утра отвезли Дениса с Аллой в аэропорт. Перед выходом из дома я, приятно улыбаясь Алле, больно ущипнула Дениса и сунула ему пакет с юбочкой и кепкой, чтобы он подарил Мурке.

Из аэропорта ехали молча. Мурка дремала, а я думала – неужели мужчина меньше любит ребёнка, с которым он не живёт?

Решила взять для примера разных своих друзей.

№ 1. Не видел своего ребёнка год, живёт от него в нескольких остановках метро. Есть уважительная причина – бывшая жена сказала, что больше не желает его видеть и найдёт ребёнка папу получше.

№ 2. В первое время после развода всегда ходил в гости со своим мальчиком, а потом вдруг перестал. Есть уважительная причина – бывшая жена сказала, что он неудачник, испортил жизнь ей и ребёнку.

№ 3. Ни разу не дал никаких денег типа алиментов. Есть

уважительная причина – бывшая жена сказала, что он мало зарабатывает, и они обойдутся без его жалких копеек.

И все они – вовсе не какая-то свора вампиров, а приличные люди интеллигентных профессий со средним уровнем обидчивости...

Получается, эти мужчины любят своих детей, но могут их подолгу не видеть и при этом неплохо себя чувствуют... Ни за что не хочу верить в такую правду, поэтому закрою глаза (мысленно, всё-таки веду машину) и буду думать, что эта правда – неправда.

Как только я мысленно закрыла глаза, меня тут же осенило психологическое открытие. (Многие ученые тоже делали свои великие открытия во сне, либо под деревом, или же в какой-нибудь другой несознанке), Важнейшее Открытие в наш век повальных разводов! Может быть, оно спасёт мир от полного забывания отцами своих детей.

Открытие: раз уж у мужчин такая особенно неважная память на детей, нужно обязать бывших жён дружить со своими бывшими мужьями! И говорить бывшим мужьям – твой сын такой способный, весь в тебя, а вот твоя дочь... тоже вся в тебя, очень красивая...

И обязательно подчёркивать, что дети очень удачные!

Мне моя дочь Мура нравится в любом виде, даже если она двоечник и хулиган, а Денису – нет: ему нужно знать, что Мура хорошенькая и умненькая, а в противном случае она

бы ему не так сильно нравилась. Закон природы, ничего не поделаешь.

На Загородном, у Пяти Углов, попыталась вспомнить – что же такое ужасно неприятное сказала Мура, что мне было очень-очень больно, но я решила – подумаю об этом потом?..

Вспомнила только у самого дома. Мура сказала, что она в себе очень не уверена. Не уверена, что её кто-нибудь полюбит по-настоящему, что она заслуживает чьей-то любви. Поднималась по лестнице и думала – Господи, ну почему, почему? Я же так старалась!

В отличие от Мурки, я с детского сада была типичная отличница-придурок. Надёжная, обязательная. Если сказала – приду в десять, то без одной минуты десять уже скакала поблизости. И внешность мою посторонние люди оценивали очень положительно, даже частенько называли меня красивой. Казалось бы, мама спокойно могла мною гордиться. Нет, мама, конечно, всегда была мной довольна, но... мне хотелось не скромного удовлетворения моими успехами, а дикого, необузданного восторга, сметающего все на своём пути.

У мамы была подруга, с дочкой которой мы росли вместе как лисички-сестрички. Так эта мамина подруга всегда с придыханием говорила: «Взгляните на мою Верочку, какая она у меня красавица и умница!» И все кивали. А что им было делать? Верочка, между прочим, была ничего особенного и плохо училась.

А моя личная мама считала, что хвалить девочку за красоту непедагогично. В результате Верочку всегда хвалили за красоту, а меня – никогда, и также никогда за отличное поведение и хорошую успеваемость по всем предметам. У меня легко мог бы образоваться комплекс некрасивой и даже нелюбимой девочки, но мне просто очень повезло: когда все начали влюбляться, в меня случайно сначала влюбился весь пятый «Б», а потом пятый «В». И мне удалось вырваться из-под маминого давления и сообразить, что я тоже хоть куда, а не только Верочка! У неё, кстати, за всю жизнь был всего один мальчик, за него Верочка и вышла замуж. А у меня... не один.

Я помню о своём тяжёлом детстве и всегда твержу Мурке: «Ты невероятно хорошенькая, ты ужасно красивая», чтобы у неё не завелось никаких комплексов. И даже уверяю Муру, что она исключительно хорошо учится. По-моему, Мурка подозревает, что я подслеповата и не могу отличить пятёрки от двоек, но это мой способ развивать у Муры веру в себя. Так что я вроде бы не виновата.

... Пила кофе и думала – а что, если Мурке не хватает любви? Мы все – мама, я, Лев Евгеньич и Савва Игнатьич – считаем, что наша Мура – самая лучшая Мура в мире. И Денис на неё всегда смотрел с восхищением. Когда она в песочнице дралась за куличик. А теперь у него всегда очень много разных дел – и бизнес, и в ресторан сходить, и ему некогда смотреть на Муру с восхищением, да он и отвык.

Скорее Денис смотрит на неё с опаской – кто это, такой с виду взрослый, и чего он сейчас попросит?

Я думаю – ну, Денис. А Муре-то он ПАПА. Я думаю, что Денис так и не повзрослел, а Мурке он – МУЖЧИНА.

А если бы Денис был всегда рядом и смотрел на неё восхищённо, она бы каждую минуту знала, что её личный отец её обожает.

Может быть, тогда она не сказала бы: «Я не уверена в себе»?

...Мура ушла в школу, а я съела тарелку овсяной каши и на прощанье – бутерброд с сыром. Решила худеть, потому что Алла потрясающе выглядит – очень стройная, много худее меня. У неё сорок четвёртый размер, а у меня сорок восьмой, вот я и решила – дохудею до Аллы при помощи специальной диеты – очень легко, нужно просто есть одни каши. Я очень люблю овсяную кашу с маслом и сахаром, поэтому съела ещё одну тарелку. Эта диета тем и удобна, что каши можно есть сколько хочешь.

Днем, в университете, ещё раз представила, какая Алла стройная, и решила перейти на более радикальную диету. Съела в университетской столовой куриную ножку под майонезом и пирожное с кремом (очень модная на Западе диета по Аткинсу, можно все жирное, чем жирнее, тем лучше).

Вечером в рамках диеты перешла на раздельное питание – это очень легко, съем отдельно то, отдельно се... Нельзя пельмени, это тесто с мясом. А вареники можно – это тесто с картошкой. И отдельно немного клубничного варенья. Через час кусочек копчёного сыра, немного колбасы, апельсин, все отдельно.

Звонил Роман, очень скучал по мне, пока я была занята семейными делами. Сообщил, что Мура может принять участие в конкурсе – канал набирает участников реалити-шоу. Идея шоу какая-то мутная – поместить всех в тёмную комнату, и пусть они там вступают в отношения.

– В какие? – спросила я.

Роман ответил:

– В разные, какие захотят.

Сказал, пусть Мура приходит с анализами. Они там на канале подумали, что участники в темноте могут вступить в реальные отношения и заразить друг друга разными болезнями, и тогда вместо реалити-шоу получится реальный скандал, поэтому всем отобранным велят приходиться с анализами. Так что пусть Мура сразу приходит с баночкой, чтобы иметь преимущество перед остальными претендентами без анализов.

Думаю, что не разрешу Муре участвовать в реалити-шоу. Скажу ей, что Роман пока не может ничего для неё сделать, – временно закрыли программу, канал и телевизор.

31 декабря, воскресенье

Новый год – самый лучший праздник. Его омрачает только необходимость «хорошо встретить Новый год».

Варианты встречи Нового года:

1. С мамой и Муркой.

Плюсы – очень вкусно, не надо самой готовить. Можно смотреть телевизор, лёжа на диване в тепле и уюте.

Минусы – неприятное ощущение упущенных возможностей: ведь пока я лежу на диване, все остальные безумно веселятся без меня.

На вопрос: «Где ты встречала Новый год?» придётся отвечать «С мамой», как будто я больше никому не нужна или мама не пустила меня в гости.

2. Позвать гостей к себе.

Плюсы – гости принесут много вкусной еды, не надо самой готовить. Гости уйдут, а еда останется и можно будет вкусно позавтракать в постели в тепле и уюте.

Минусы – убирать квартиру после гостей первого января все равно что сидеть в тюрьме, пока другие веселятся. Тем более что все будут с мужьями или с Васей, а я одна.

3. Самой пойти в гости.

Плюсы – очевидны.

Минусы – не могу припомнить такого места, куда бы мне хотелось пойти.

Встречали Новый год дома в карнавальных костюмах.

Я – костюм Огурца (большой зелёный мешок с прорезями для рук и ног). Мурка – костюм Гориллы (Алёнина нутриевая шуба, Алёнина нутриевая шапка, маску купили в Гостином дворе, хвост пришили сами). Мама – борода из шиньона каштановая.

Все остальные были без костюмов, но с новогодней едой.

Алёна с Никитой и мальчишками – салат с креветками, салат с курицей и виноградом, гусь с яблоками, вишнёвый торт. Ольга с Васей (Лежачий не может выйти из дома даже в Новый год) – кассета с новым фильмом, пироги с капустой и сыром (пироги испёк Вася). Ирка-хомяк с Петром Ивановичем, Алёнины друзья, Ольгины друзья, две мои подруги из университета с мужьями – все остальное.

Дарили друг другу подарки, танцевали вокруг ёлки, играли в прятки (спряталась в шкафу, меня долго не могли найти, и я чуть не заснула) и разные другие игры. Было потрясающе весело, Роман позвонил поздравить в один час сорок восемь минут. Зажигали петарды во дворе вместе с компанией Лысого. Наши были лучше.

Январь

11 января, четверг

Утром зазвонил телефон. В такое время мне может звонить только мама.

– Из куртки твоей дочери выпала маленькая бутылочка «Campari», – трагическим голосом сообщила мама.

Почему, когда Мура провинится, она немедленно превращается в «твою дочь»? А если Мура станет горькой пьяницей? Неужели мама вообще откажется от своей внучки?

Мурка поклялась, что она не имеет ни малейшего представления, откуда у неё в кармане бутылочка, но точно знает, что бутылочка вывалилась из рук проходившего мимо неё Петюни и случайно упала прямо к ней в карман.

Странно, почему Петюня вдруг перешёл на «Campari»?..

– Зато у меня есть две новости, плохая и хорошая, – тараторила покрасневшая Мура, отводя глаза. – Плохая – тебя вызывают в школу за то, что я распылила в гардеробе баллончик, а хорошая – я больше не буду, потому что баллончик уже закончился.

– Я купила тебе газовый баллончик для защиты, а не для мелкого школьного хулиганства, – сказала я, но Мурка уже была в дверях – почему-то раньше, чем обычно, убежала в школу.

Только Мура хлопнула дверью, раздался телефонный зво-

нок. Думала, это мама – наверняка хочет холодным голосом прочитать мне лекцию про детский алкоголизм.

Может быть, сделать вид, что меня нет дома? А вдруг это звонит завкафедрой с просьбой срочно кого-то заменить?

«Вы непорядочная женщина!» – раздался в трубке хриплый голос, и тут же послышались гудки.

Недоуменно смотрела на телефон. Кто это? Мама, Женька, завкафедрой? Но почему я непорядочная женщина? Если я плохо себя веду, мама никогда не называет меня непорядочной женщиной, она называет меня «УтебяСовсемНетСовети». Женька называет меня неприличным словом (...), а завкафедрой вообще не за что обзывать меня непорядочной женщиной, потому что я никогда не отказываюсь прочитать лекцию вместо заболевших коллег. Наверное, ошиблись номером.

Опять звонок.

– Это кто? – опять этот хриплый голос. – Я... это самое... Тёща Романа.

Я вдруг почувствовала себя, как будто мне лет пятнадцать и я в гостях у мальчика, и вдруг приходят родители с работы и сейчас будут ругать нас, что мы не делаем уроки, а в темноте смотрим телевизор.

Тёща Романа молча сопела.

– Я... это самое... вот что... – и вдруг решительно: – Вы, это самое... я хочу сказать...

– Как вас зовут?

– Это неважно, – с неожиданно драматической интонацией проговорила тёща. – Вы... это... встречаетесь с Романом? У вас серьёзно?

Я честно сказала: «Нет. Я видела Романа несколько дней назад, и он мне не говорил, что у нас это серьёзно».

– Вы должны с ним расстаться!

Ужас! Только настоящей, качественной психодрамы у гастронома мне не хватало на старости моих лет! Так, необходимо сохранять спокойствие и рассмотреть ситуацию со всех сторон. Хотелось залезть под диван и рассматривать ситуацию оттуда.

– Вы что, собираетесь выйти за него замуж?

– Нет-нет, что вы! У меня уже есть семья, спасибо.

Зачем я ей соврала? От ужаса? Но у меня же действительно есть семья: Мура, мама, Лев Евгеньич, Савва Игнатьич.

– Обещайте мне, что не расскажете этому... Роману! Это... он меня убьёт, если узнает!

Я поклялась сохранять тайну, и тёща повесила трубку.

Как неприятно быть врагом кому-либо, пусть даже хриплому голосу. Я больше люблю, когда меня любят.

Вот это новости! Неужели Роман любит меня настолько, что сказал об этом тёще? Любит меня, любит, любит!

Мне, конечно, это приятно. И жалость к его жене, приходится признаться, тоже очень приятная. Все вместе как яйцо в мешочек – снаружи рыхлая благородная жалость, а внутри – жёлтенькая радость.

Но я же ничего от него не хотела! Нам просто было хорошо вместе. Мне было приятно, что он меня тоже любит. Я знала, что он женат, но... я чувствовала себя такой... живой, что ли... как будто во мне много-много радости, и она бежит со мной наперегонки... Меня очень устраивает роман с Романом, но как о муже я ещё о нём не думала. А почему бы не подумать об этом прямо сейчас? А то ведь как бывает – «придёт печальный возраст, все женихи исчезнут...»

Любит меня, любит, любит! Неужели мы будем жить вместе? Пусть тогда гуляет с Львом Евгеньичем, утром и вечером.

Но всё-таки – почему я непорядочная женщина, почему?!

А может, я, и правда, непорядочная? Проклятая привычка рассматривать любую ситуацию с разных сторон! Как будто все женщины разделились на две армии – в одной жены, а в другой непорядочные. Вот и тёща считает, что виновата я, а не Роман. Как будто Роман – плохо лежащий товар на полке, подходи и бери кто хочет?!

Я очень сильно разволновалась от разговора с тёщей, а когда у человека стресс, ему необходимы физические упражнения – кататься на лыжах, танцевать, убирать квартиру. Я буду убирать квартиру.

Убирать квартиру не стала, вместо этого позвонила Женьке и Алёне. Обе сказали, что я ни в коем случае не должна рассказывать об этих звонках Роману, чтобы не нагнетать ситуацию. Я и не собиралась, ведь я же обещала тёще, что

это будет наш с ней секрет.

День не заладился с самого утра...

Почему Ирина Андреевна так себя ведёт? Мы же с ней договаривались – приходит раз в неделю, когда у меня свободное утро, на целый день. Целый день, по-моему, это с десяти до пяти. А она приходит то к двенадцати, то к часу, а уходит в четыре. Я решила навести порядок. Вот, пожалуйста, десять минут второго, а она только идёт. С этим безобразием нельзя мириться! Сейчас я ей всё скажу!

Открыла дверь со злобным лицом.

– Ирина Андреевна! Я очень зла. Посмотрите, который час!

– А что ты злишься, что я рано пришла?

Нет, ну это уже слишком! Хотела надеть свой любимый чёрный свитер с белой полоской на груди. Оказывается, Ирина Андреевна его постирала, и теперь это не свитер, а кукольная одежда на пупсика.

– Ирина Андреевна! Вот... свитер...

– А что? Хороший свитер. Толстенький такой свитерок.

– Пожалуйста, не стирайте больше мои вещи, я сама...

Потом Ирина Андреевна очень страшным голосом кричала: «Это не я, он сам уменьшился!»

Я просила прощения, в знак примирения и вечной дружбы подарила новый комплект постельного белья, долго пила

с ней чай и слушала истории из её жизни. Подарила Ирине новое издание «Гордости и предубеждения», её совсем истрепалось.

Я почувствовала, что в такой экстремальной ситуации, когда необходимо всё обдумать, совершенно не могу идти в университет, тем более что у меня сегодня нет лекций, а только заседание кафедры. Позвонила на кафедру и прогнозировала, сильно зажав нос платком:

– Я себодя де приду да заседание, у бедя дасморк.

Повесила трубку, повалилась на кровать и захихикала сначала басом, а потом тоненько – хи-хи-хи! Это реакция на шок, стресс и раскрытие тещей наших с Романом отношений.

Вообще-то мы с Ириной Андреевной не вруньи, просто у нас обеих сработало здоровое чувство самосохранения: в минуту опасности мы с ней повели себя совершенно одинаково – наврали с три короба. Она не стирала свитер, а я не встречаюсь с Романом и прогуляла заседание кафедры.

Самое губительное для моего человеческого организма – это то, что я всегда всюду должна быть к определённому времени – к примеру, лекции начинаются в двенадцать десять или в тринадцать двадцать, и на консультации тоже нельзя опаздывать. Поэтому я не могу в любой момент, когда мне захочется, посмотреть на звёздное небо или залюбоваться

водной гладью, послушать шум ручья, и вся эта ситуация – очень серьёзная причина для стресса.

Решила выйти погулять, чтобы почувствовать себя частью Вселенной и на ходу обдумать ситуацию с тётшей, и вот пожалуиста – у Лысого для меня очень плохие новости. Лысый развернулся и нанял консьержку.

В подъезде на стуле сидела толстая тётенька в платках: один на голове, другой вокруг тренировочных штанов. Оказывается, эта обмотанная платками спортсменка и есть наш консьерж. Лысый вменил ей в обязанности спрашивать всех, к кому они идут и зачем. Затем консьержка должна подняться в квартиру и спросить, желаю ли я видеть визитёра. А я могу ответить: «Мы сегодня не принимаем» или «Не пускать!»

– Зачем мне не пускать? – удивилась я.

– Ну мало ли придут... – неопределённо сказал Лысый. – Партнёры там, или ещё кто... Будем теперь не хуже других новых русских. – Лысый радовался как дитя.

Я – новая русская. Я – новая русская?..

Мой виртуальный долг Лысому за то, чтобы чувствовать себя новой русской, вырос уже до двухсот долларов в месяц, из которых сто долларов за парковку моего старого джипа и сто – за обмотанную платками тётеньку. Ужас!

Бессмысленно ходила взад-вперед по Владимирскому, пытаюсь разглядеть дали, услышать шум воды и развить в се-

бе философский взгляд на тещу. Купила автоответчик – если теща будет звонить ещё, не буду брать трубку.

Забрела в книжный магазин, и там, среди детективов, меня осенило – я всё-таки буду писать книгу! Подошла к этому с научной точки зрения (перед написанием диссертации всегда необходимо сделать обзор литературы, которая уже существует) и приобрела несколько образцов книг самого популярного жанра – детектив, он же любовный роман.

Дома оказалось, что с автоответчиком я просчиталась – в моей квартире с длинным коридором можно пользоваться только трубкой, а автоответчик стационарный. Убрала пока автоответчик в шкаф вместе с телефоном.

Принялась за изучение литературы – с научной точки зрения. Решила расписать все сюжеты, как в детской игре, когда по кругу передают листочек, на котором каждый пишет ответ на вопрос, а потом зачитывают, что получилось, и смеются.

1. Она – немолодая толстая девственница (в рваном лифчике, в очках, с дряблыми руками).

2. Он – олигарх с плотными ногами. Когда-то в яслях у него отняли леденец, и он, стремясь вернуть отнятое, стал олигархом.

3. Где – в простых, доступных всем человеческих местах (в трамвае, на соседних шести сотках, всюду, где обычно водятся олигархи).

4. Что делали – у тётеньки с олигархом неожиданно происходит Всё. Олигарх, застревая пальцем в дырке на лифчике, понимает, что дожил до своих немолодых годов, а никогда не знал, что Это бывает Так.

5. Кто увидел – киллер (хочет убить олигарха или тётеньку, потому что она не знает, что случайно владеет главной военной или коммерческой тайной).

6. Чем кончилось – тётенька застрелила киллера, олигарх спас тётеньку. Свадьба, новый лифчик, линзы вместо очков.

Каждый должен писать про то, что хорошо знает. Очевидно, автор хорошо знает, что Это бывает именно Так...

Но все же писатели очень неосторожны! Совсем не боятся психологов, которые по их произведениям легко могут составить точный психологический портрет писателя! Например, книжки про толстых тётенок явно пишет человек с комплексом Золушки – жила-была Золушка, вся в золе, и вдруг...

Я буду умнее – не хочу, чтобы читатели знали про меня всякие интимные вещи... Напишу романчик о чем-нибудь совсем отвлечённом – например, про то, как одинокая женщина за тридцать с дочерью-подростком, собакой и котом, жила-была в большом городе, например в Питере, и вдруг... она у меня встретит большую любовь, и любовь эта окажется на всю жизнь!

Романчик будет не длинный, скорее короткий, чтобы по-

быстрее закончить.

Набросала сюжет – как герои встретились и полюбили друг друга, потом ненадолго расстались и опять встретились для того, чтобы не расставаться никогда. А что, по-моему, неплохо. Осталось чем-то закончить, пока не знаю, чем. Придумать конец – самое трудное. Я давно заметила, что в произведениях, написанных женщинами, всегда какой-то невнятный конец, и получается вроде как непонятно, зачем вообще писали.

Надеюсь, что мой романчик станет бестселлером и я получу большой гонорар! На гонорар сделаю ремонт или хотя бы кусок ремонта. Начну с прихожей, потому что прихожая – это лицо квартиры, а моё лицо, то есть не моё, а квартиры, весьма потрёпанное, такое бывает у пятидесятилетнего мужичка, подрабатывающего извозом и давно уже махнувшего на себя рукой.

Уже два часа не вспоминаю про тёщу – целиком погрузилась в творчество.

Представляла, как буду сидеть в телевизоре, высказываться по разным вопросам, о международном положении, народном образовании, НЛО и этом... ВВП. С собачьим шоу у меня проблем не будет – Лев Евгеньич знает две команды: «Валяться!» и «Выпрашивать!»

А вот на кулинарном... что я буду готовить, неужели ва-

рить пельмени «Дарья»? Попрошу у Алёны рецепт испанских меренг и всех удивлю!..

И вдруг из шкафа раздался жуткий загробный голос: «Вам звонят. Номер 585-33-97». Минут десять сидела, замерев от ужаса, пока не сообразила, что это не инопланетянин, свивший гнездо в моем шкафу, а чёртот автоответчик.

За вечер тёща позвонила мне в шкаф пять раз. Хорошо, что можно не брать трубку, а номера моего мобильного она не знает. Я решила ещё некоторое время посвятить творчеству и обсудить по телефону сюжет с Алёной, мамой и Ольгой. Ольга сказала, что хорошо бы по моему романчику сняли кино или лучше сериал, тогда в одно прекрасное утро я проснусь богатой и знаменитой. Звучит заманчиво, буду очень стараться.

Вечером ходили к маме прощаться с тётей Верой, она завтра уезжает. Тётя Вера испекла пирожки с капустой и заварные булочки с кремом. Непонятно, зачем она весь вечер стояла у плиты – лучше бы мы просто сели и поговорили, но с едой всегда очень странно: почему-то получается, что в этих пирожках вся её любовь к нам, и в булочках с кремом тоже.

Я осталась совсем одна, без взрослых. Мама не в счёт, она так ужасно волнуется по всяким разным поводам, что мне только и остаётся врать, что у нас с Мурой одни пятёрки по всем предметам.

Расстроилась, хотелализать свои душевные раны во сне,

но не могу лечь спать, пока не позвонит Женька. Почему она не звонит? А-а, вот она.

Обсуждали с ней мою книгу и немножко поругались. Женька сказала, чтобы я ни за что не ходила на собачье шоу без её разрешения (когда стану знаменитой). Она сама проверит, чтобы я оделась прилично, а не отправилась в телевизор в кислотных ботинках.

– Ботинки такие коричневые, в зелёных разводах, почему в них нельзя в телевизор? С носом, на толстой подошве, сейчас все такие носят...

– Кто все?! В паспорт загляни, идиотка, – сказала Женька. Считаю, несправедливо – человек носит точно такие ботинки, на сколько лет он себя чувствует.

Перед сном думала, действительно ли мы уже вышли из молодежной моды. Решила, нет. А в паспорт я не могу заглянуть, потому что он потерялся.

12 января, пятница

Два раза звонила тёща. Оба раза на мобильный, прямо на лекцию.

Я не умею управляться с мобильным, не знаю разных его хитростей, а умею только звонить. В перерыве студенты понажимали какие-то кнопки, и этот тёщин номер теперь не пройдёт, то есть он звонит, но звонок не слышен. После лекции посмотрела: десять непринятых звонков от одного номера. Десять!

Как психолог, я бы ей посоветовала не звонить и вообще не обострять ситуацию. Не провоцировать людей на необдуманные поступки, которые они могут совершить от избытка эмоций. Десять звонков! Мне кажется, эта тёща всё-таки звонит не по адресу, ей бы надо не к психологу.

Сегодня было три записи в салоне, и все, как нарочно, – женщины, которым изменяют мужья.

Когда ко мне приходят обманутые жены, я всегда вспоминаю свою тётю Веру. Она так любила своего мужа, дядю Игоря, просто как в кино. Ну, он того и стоял – большой, добрый, остроумный, плюс все то, что когда-то называлось «настоящий человек». Построил завод где-то на Севере, стал директором, орденоносцем тоже стал. И вот тётя Вера так его любила, что ничего, кроме него и работы, не замечала, даже их двоих детей. Такая любовь бывает не у всех. А дети у неё где-то на заднем плане жизни болтались. Их растили ясли и пионерская организация.

Это были люди старого советского производства. В лучшем смысле, как из старых советских фильмов. Тётя Вера была прежде всего врач, и не прежде всего тоже врач.

Так вот, дядя Игорь был очень привлекательный мужчина. К тому же директор завода, в их маленьком городке – самый главный царь и бог. И у него, конечно, частенько случались женщины. Но тётя Вера считала, что её Игорю положено все, чего ему хочется, и пусть он будет счастлив как ему

нравится. Тем более все эти женщины были не всерьёз.

Но вдруг у дяди Игоря случился роман! Им тогда было лет по тридцать с небольшим, самый «романный» возраст, когда первые чувства уже потеряли остроту, а сил на любовь у человека ещё очень много. И мой дядя Игорь полюбил другую женщину и сказал моей тёте Вере, что он от неё как честный человек непременно уйдёт, но не сразу, а перед уходом ещё немножко подумает, что ему делать. А тёте Вере придётся немного подождать, что он решит, или много, он пока не знает.

И вот тётя Вера стала ждать, что он решит. А он ей не просто – муж, отец двоих детей и кормилец семьи, а – ЛЮБОВЬ. И она ждала. Полгода, или шесть месяцев. Без глупых вопросов, мол, решил ли уже, а если решил, то нельзя ли узнать, что? Без косых взглядов и выяснения отношений. И уж тем более без никакого «у нас же дети». Она просто любила его, как всегда. Ну, плакала, конечно, но только когда он засыпал, очень тихо, чтобы его не разбудить, не вызывать жалость и не повлиять случайно на его решение. И через три месяца муж сказал моей тёте Вере: «Не могу с тобой расстаться. Хотел, но не могу ни за что».

Заметим, не с детьми, а с ней. С ней, с ней!!! Ура!

И они прожили вместе ещё двадцать пять лет. Когда он умер, тётя Вера на мой вопрос, очень ли ей ужасно одиноко вечерами, удивлённо сказала: «Я же не одна, я с Игорем». Да...

...Каждому хочется, чтобы одна большая любовь на всю жизнь, и умереть в один день, и вообще...

Звонила Алёна. Кардиолог поставил пуделю диагноз «порок митрального клапана», прописал внутривенные уколы. Сказала, что так он вроде пудель как пудель, весёлый, укусил Никиту при попытке сексуального домогательства (Алёны).

Перед тем как принять душ, подралась с Муркой, хлестала её полотенцем по попе. (Давно не заглядывала в Мурин дневник. Безобразие! Он весь исписан замечаниями классной руководительницей Муриной жизни. И двойки по физике.)

Жаловалась Женьке, что физичка не любит Мурку.

– А почему учителя должны любить учеников? – удивилась Женька. – Они любят новую обувь.

(Когда Женька ещё жила в Питере, Катькина учительница однажды прислала ей записку: «Мой размер: босоножки с закрытым мысом – размер 38, с открытым мысом – 38,5».)

– Отнеси ей куря! – велела Женька. – Курем могут быть конфеты, духи и прочие излишества.

Решила – ни за что! Мура уже большая девочка, пусть сама носит куря.

15 января, понедельник

Утром понеслась с конфетами в школу, даже толком не одевшись, нацепила длинное пальто на пижаму. Надеюсь, раздеваться не заставят. Собираюсь поставить классную (физичку) на место.

– Почему вы все время защищаете вашу дочь? – строго спросила физичка.

– Потому что вы все время нападаёте на неё, – честно ответила я, и тут же отползла в сторону, улыбнувшись физичке фальшивой улыбкой.

– Извините, пожалуйста, простите меня за всё, если можете... – сложив руки зайкой, пропищала я. – Понимаю, как вам трудно с ними... (А сама думала – чёрт бы тебя взял!)

Физичка подалась ко мне. Ноги-столбики, немигающий взгляд, острые зубы...

– Ваша дочь очень несобранная...

– Да-да. (Чёрт бы тебя взял!)

Я кивала и смотрела на физичку безнадёжно печальным взором – научилась у Льва Евгеньича, с таким выражением лица он обычно сидит у холодильника.

Классная говорила, что девочку надо приучать к трудностям. Всех остальных тоже, но девочек особенно, а уж мою Муру – в обязательном порядке.

Не поняла, зачем именно девочек выращивать несчастными и готовить к всеобщей фиге, которую, по мнению физички, им непременно покажет жизнь?

– Я приму меры, прямо сейчас, – приду домой и буду при-

учать её к трудностям! – поклялась я, из последних сил при-
творяясь взрослой, Матерью «вашей дочери».

Неожиданно физичка вдруг наклонилась ко мне и прого-
ворила низким интимным голосом:

– Знаете, что я вам скажу...

(Таким голосом лиса в сказке подманивает петушка: «Пе-
тушок-петушок, выгляни в окошко», и я решила не подда-
ваться!)

– Мы с вами обе одинокие женщины, – продолжала фи-
зичка.

«Ой! – подумала я. – Ой-ой-ой! Я не одинокая, у меня
есть мама, Мура, Лев с Саввой, Роман, девочки, студенты
тоже есть...» А потом мне вдруг стало ужасно, прямо до слёз,
жалко физичку:

1. У меня есть Роман, а вдруг у физички нет?
2. Мурка уйдёт в другую жизнь, а она останется.
3. И ещё... за многими учениками приезжают родители на
дорогих машинах, и ребята в школьном буфете разменива-
ют пятацкие купюры, а она получает очень малень-
кую зарплату, почти такую же, как я. И ученики в сочи-
нениях «Как я провёл лето» пишут, что они побывали в Англии,
Швейцарии и на Канарах, а она никогда не была за границей,
только в глубоко советское время по путёвке в Болгарии...

16 января, вторник

Сегодня вечером у меня была Очень Важная Бесплатная

Консультация.

– Лариса Сергеевна просила вас задержаться, – сказала мне администратор почти перед закрытием салона, когда я после последней консультации убирала салфетки (сегодня не понадобились, никто не плакал), чашки (вымою потом) и фантики от конфет (съела несколько штук, немного, пять).

– Кто это? – удивилась я и тут же по администраторскому лицу поняла, что упомянутая дама – очень важная персона.

– Лариса Сергеевна – наша хозяйка! – с лёгким укором ответила администраторша. – Она раньше у нас в салоне сидела, а сейчас открывает второй салон, поэтому все время там. Такая ответственная, всё сама... Хочет вас проверить.

И тут я испугалась. Вдруг Лариса Сергеевна разочаруется во мне и... и что? Не знаю ЧТО, но все равно побаиваюсь. Да и как именно она может меня проверить?

Как только Лариса Сергеевна вошла в кабинет, я сразу же перестала её бояться (вот оно, профессиональное умение взять себя в руки), потому что у неё оказалась толстоватая попа. Не то чтобы я злобный монстр и радуюсь изъяснам других женщин, но всё-таки чувствую себя как-то уютней, если перед мной обычный человек вроде меня, а красивые люди без единого недостатка вызывают во мне робость и чувство неполноценности.

Что касается всего остального, то, кроме попы, хозяйка салона оказалась очень приятной женщиной. Я в точности так и представляла себе хозяйку салона. Аппетитная розо-

вая блондинка в облегающем костюмчике, вроде бы ничего и нет в этом костюмчике, а сразу видно, что ужасно дорогой. Приветливая, улыбчивая, уверенная в себе, голос громкий.

Мне нравятся такие женщины, хотя я не понимаю, как это они ухитряются достичь такой нечеловеческой аккуратности в макияже?! У меня, например, всегда что-нибудь не так: или один глаз накрашу, а второй забуду, или вымою голову, а высушить не успею, а уже надо бежать...

Лариса Сергеевна по-хозяйски уселась напротив меня с таким видом, как будто сейчас спросит: «Ну, и какие же у вас проблемы?», и я уже приготовилась доложить ей по всей форме.

Обычному человеку, не психологу, Лариса Сергеевна могла бы показаться излишне самоуверенной. Есть такой тип – всегда и всюду начальница, но я (проф. психолог) моментально поняла, что под её резковатыми манерами скрывается милая нежная женщина.

Лариса Сергеевна взяла со стола список моих сегодняшних клиентов и принялась рисовать на нем квадратики. Рисует и закрашивает, рисует и закрашивает...

– Я хочу во втором салоне тоже психолога посадить, если мне понравится, – сказала она.

ЧТО ей понравится, я?

И тут она принялась официально-приветливым тоном рассказывать о себе, и вскоре я уже знала, что она ужасно устала, что во втором салоне приглядывает за всем сама, и

даже сама ведет всю бухгалтерию, а вот мастера попадают какие-то неудачные, а сегодня у неё ещё к тому же неприятное жжение в горле, а также имеется лёгкая тошнота, она вчера подстриглась (раньше у неё были длинные волосы)... и как мне нравится её стрижка?

Я только кивала, признавая её успехи в бизнесе, особенно по сравнению с моими, а также сочувствуя лёгкой тошноте и одобряя новую стрижку.

– Называйте меня просто Ларисой, – велела Лариса Сергеевна (результат мастерского использования мною ряда очень сложных псих. приемов, кивания головой, etc).

Она продолжала подробно рассказывать о своих делах, и вскоре мне стало казаться, что мы с Ларисой старые подруги, и я уже начала подпрыгивать от нетерпения – сейчас настает моя очередь поведать, что у меня вчера вечером болел живот, Лев Евгеньевич опять вскрыл холодильник, а у Мурки очередная двойка по физике.

Но мне так и не удалось вставить ни слова про живот, холодильник или хотя бы про Муру, потому что Лариса опередила меня – пожаловалась на свой персонал, абсолютно не умеет работать с Ларисой.

Лариса, в прошлом завуч средней школы Московского района, могла бы сама запросто научить их, как нужно с ней общаться, так как довольно много знает про психологию, потому что преподавала географию. А если она, Лариса, чего-нибудь не знает, то с удовольствием научится, – как быв-

шая учительница она очень любит учиться.

– Не могли бы вы провести со мной несколько занятий? – Лариса впилась в меня немигающим взглядом.

Поскольку между нами уже установились приятельские, очень доверительные отношения, я откровенно сказала: ни за какие коврижки, лучше иногда просто встречаться, выпить кофе, поболтать, В ответ Лариса сказала, что не прочь просто поболтать прямо сейчас.

– Но только чтобы это заняло у нас не больше часа, потому что уже поздно и я устала.

Удобно ли сказать моей новой подруге, что я тоже устала, вполне готова с ней расстаться, да и время психолога стоит денег?

– Я... э-э... мне бы домой... – пискнула я.

И тут Лариса взглянула на меня так неприязненно, как будто я её дебет и, если я мгновенно не сойду с кредитом, мне не поздоровится.

Когда два человека дружат, то один из них всегда стремится побыть с другим чуть больше, чем этого хочется другому... и тогда другой должен ждать, пока он сам не надоест... К тому же всегда приятно встретить человека с жаждой немедленных психологических знаний. Поэтому я решила – расскажу ей про техники общения, и тогда она меня отпустит.

– Ну... существуют разные техники общения, некоторые совсем простые, – начала я лекторским голосом. – Напри-

мер, никогда не говорите: «Не могли бы вы дать мне это?»
Вместо этого просто говорите: «Дайте мне это».

– О-о! А можно заставить человека сделать так, как хочешь?

– Заставить вряд ли, но можно тонко подвести человека к ответу «да», хотя он и собирался сказать «нет»...

– А как это? – встрепелась пытливая Лариса.

Рассказала Ларисе про Закон трёх «да». (Это просто: нужно всего лишь задать человеку три вопроса, на которые он точно ответит утвердительно, а затем задать тот самый вопрос, ради которого и был затеян весь этот разговор.)

Мы ещё немного поболтали о разных научных способах, которые смогут помочь моей новой подруге добиваться своего, и Лариса собралась уходить.

– Вы живёте в Петербурге? – оглянулась Лариса от двери.

– Да, – удивлённо отозвалась я. Хочет прийти ко мне в гости и боится, что я езжу на работу из Москвы?

– Вы женщина?

– Да... – Станный вопрос, что именно она имеет в виду, не может быть, что...

– Вы действительно профессиональный психолог?

– Да. – Покажу ей в следующий раз свой диплом, и ещё кандидатский диплом, и все справки о разных курсах тоже принесу...

– Вы будете со мной заниматься два раза в неделю?

– Э-э... да, – опешила я.

Лариса очень обрадовалась.

– Не могли бы вы в субботу?.. Нет, так будет не по науке... В общем, ждите меня в субботу! – сказала она с искренней симпатией.

У Очень Хорошего Преподавателя всегда есть его гордость – Один Очень Способный Ученик. Моя новая приятельница – человек с повышенными способностями к психологии.

Перед сном смотрела по телевизору «Служебный роман». Случайно включила на середине и не смогла оторваться. Очевидно, в этот фильм тайно заложили специальную гипнотизирующую программу, которая приковывает внимание знающих его наизусть людей и заставляет их выглядеть расстроганными идиотами, особенно когда... Нет, пожалуй, в течение всего фильма. В любой момент можно посмотреть это кино на кассете, но это будет совсем не то, что смотреть его по телевизору вместе со всеми.

17 января, среда

Утром пыталась включить автоответчик.

Не могу с ним разобраться: он пищит, мигает и повторяет сам себе: «Оставьте ваше сообщение после длинного сигнала...»

Изучив инструкцию, я смирилась с тем, что автоответчик живёт своей жизнью, и начала бояться, что позвонит тёща.

Но не могу же я вообще не подходить к телефону!

В половине одиннадцатого утра раздался звонок. Не хотела брать трубку, хорошо, что все же переборола свой страх, – звонила Ольга, очень довольная. Её проф. жизнь потихоньку устраивается, ситуация с деньгами тоже налаживается – много пишет для разных интернет-изданий.

Очень рада за Ольгину проф. жизнь и ситуацию с деньгами, но в хорошем всегда есть что-то плохое – подозреваю, что Васе-Абонементу дана отставка, а ведь он один из немногих мужчин, кого мы с Ольгой можем попросить поднять, принести, передвинуть, и вообще милый!

– У меня предчувствие, что я смогу на гонорары за последний месяц купить Димочке небольшой бинокль. Представляешь, он выдвинул новую астрономическую гипотезу!

– Куда выдвинул?

– Димочка говорит, что, когда он раздвигает занавески и смотрит с дивана в небо, у него лучше протекает процесс самоидентификации, – ответила Ольга и победительно добавила: – Ну что? Гений?!

Раньше я не была уверена, но в одиннадцать ноль пять жизнь меня научила, и теперь я точно знаю: никогда нельзя бояться. Если чего-нибудь боишься, оно тут как тут. В общем, позвонила тёща.

– Мне надо знать! – прохрипела тёща. – Вы собираетесь

замуж или нет?

Я была настолько ошеломлена таким бурным развитием событий и не знала, что сказать. Ведь такие решения люди должны принимать вдвоём. Есть очень много заинтересованных сторон – мы с Романом, Роман с женой, жена с тёщей. А с нашей стороны я с Мурой и Лев Евгеньич с Саввой, которые тоже имеют право жить с теми, кто им приятен и не запирает от них холодильник.

Тёща прокашлялась и продолжила:

– А вот как вы считаете? Если у человека с кем-нибудь любовь, так он же верит, что другой его не предаст?

– Это сложный вопрос, я должна подумать...

Предложила тёще рассмотреть ситуацию с другой стороны. Молодая женщина живёт с мужем плохо, недружно, не даёт ему ни тепла, ни чего там положено давать, а если он полюбил кого-то другого, она очень удивляется и считает, что её предали. Хитрая какая! Раньше надо было думать!

– А если человек другому человеку... ну, в общем, признался в любви... а его обманули...

– В современном мире каждый второй брак заканчивается разводом, так что, видимо, это бывает... к сожалению, – сказала я.

– Мне мама говорила, что разводятся только люди, которых плохо воспитали! – прогудела тёща.

– Ваша мама, очевидно, очень давно это говорила, – возразила я, – знаете, это патриархальный взгляд на вещи, – от-

ветила я и сама задумалась: ведь раньше люди были чище, наивнее и ближе к правильному пониманию семьи... А что если тёщина мама была права? Значит, меня плохо воспитали?

...Неприятное чувство, как будто мне написали замечание в дневник. (Пора изживать комплекс хорошей девочки, отличницы, папиной дочки, которую все любят и хвалят...) Когда папа умер и я перестала быть папиной дочкой, я осмелела и на пике независимости развелась с Денисом. Больше всего я тогда боялась, что хорошие девочки так не поступают... А теперь вот как – мудрость предыдущих поколений утверждает, что я – плохая девочка...

– Если один человек обманул, тогда другой тоже может ему изменить.

– Нет, только не это! – закричала я.

– А это ещё почему? – возмутилась тёща.

Объяснила тёще свою точку зрения – считаю, что измена иногда может оживить безрадостные отношения, но измена назло партнёру не принесёт коварному изменщику радости, а только ухудшит отношения.

– Мне пора идти на лекцию, до свидания.

– До свидания, я ещё позвоню, – прокуренным голосом ответила тёща.

Кажется, у нас с ней начинают налаживаться правильные партнёрские отношения, т. е. взаимопонимание, уважение, интерес к проблемам друг друга.

18 января, четверг

Четверг – очень плохой день, почти как суббота (не все субботы, а когда просыпаешься и не знаешь, где провести субботний вечер, – ужаснее этого нет ничего на свете, только четверг). В четверг первая лекция в восемь тридцать, и каждому ясно, что это самое настоящее зверство.

Некоторым людям (мне, др.) нужно запретить рано вставать и насильно удерживать под одеялом, если они захотят встать с постели раньше десяти, а лучше половины одиннадцатого. Поэтому в семь часов утра мне было так страшно и неприятно просыпаться, словно я заново рождалась на свет.

Забыла дома мобильный и решила вернуться (может позвонить Роман, да и тёща тоже всегда со мной на связи).

Разворачивалась на Владимирском проспекте. Согласиться с критикой своих недостатков гораздо удобнее, чем доказывать свою правоту, и, пожалуй, я не стала бы возражать тем, кто сказал бы: разворачивалась – это слишком самоуверенно, просто крупным тихоходным жуком еле-еле выползала с трамвайных путей, пытаюсь изменить направление движения на противоположное.

Конечно, я за рулём – не главная быстроногая лань Петербурга, но у меня имеются на это уважительные причины:

1. Старикашка не хочет ездить быстро, боится потерять дверь и бампер.

2. Я сама езжу быстро, но не рискованно, – не более сорока километров в час, потому что в пересчёте на мили это получается вполне приличная скорость.

3. Разворачиваясь, я задумалась над сюжетом моей книги, а всем известно, что «служенье муз не терпит...» и т. д.

4. Разворачиваясь, я задумалась о том, что Роман не звонил вчера и позавчера, и как это влияет на мою утреннюю самооценку. Влияние плохое; самооценка хуже некуда, в душе совершенно не понимаю мужчин – как можно не позвонить, если обещал позвонить, ведь я же, например, обещала прийти сегодня на лекцию, и вот еду, выполняю своё обещание. И от других людей я тоже ожидаю, что они будут выполнять свои обещания. Наивная!

И в тот момент, когда я вслух сказала «Наивная!» и саркастически засмеялась над собой, я внезапно почувствовала резкий толчок и ткнулась головой в лобовое стекло. (Не знаю, может ли произойти такое НЕ внезапно, просто так принято говорить – «внезапно почувствовала толчок».)

Справа или слева, в нескольких метрах от себя, я увидела довольно неприятную для меня картину, – из синей «мазды» медленно вылезал человек. Наконец-то мне повезло – я увидела настоящего маньяка. Я и раньше представляла маньяка в точности таким, как мой новый знакомый, – хищные глаза, хищный нос и хищные уши – а теперь я его увидела.

Приняла решение поднять стекло, заблокировать дверь и закрыть глаза. Не знаю точно, сколько времени я так проси-

дела, но, вспомнив про лекцию, всё-таки открыла глаза, надеясь, что все как-нибудь обошлось, но не тут-то было. Вокруг кишмя кишело гаишниками, и мне пришлось выйти из машины и познакомиться с маньяком, в которого я ненарочно въехала.

– Вы должны мне две тысячи долларов, – прошептал мне на ухо маньяк.

Я засмотрелась на него и поэтому не очень внимательно слушала гаишников, которые задавали мне не относящиеся к делу вопросы: сколько метров от меня до чего-то, какая у меня была скорость и где тормозной путь от трамвайных путей.

– Трамвайные пути вот, – я удивилась, что они сами не видят, – а тормозной путь я не знаю где...

– Вы ехали с недозволенной скоростью, – сказал мне высокий полный гаишник. У него была одна или две звездочки на погонах, и я поняла, что он не просто гаишник, а генерал ГАИ.

– Километров пять, я думаю, может быть, шесть, – ответила я, – а что, нужно ещё медленнее?

– Подпишите схему происшествия, – велел генерал ГАИ после некоторого раздумья и я уже начала выводить свою подпись, кто-то сзади выхватил у меня ручку и зарычал в ухо:

– Не смейте ничего подписывать!

Оглянувшись, я замерла в изумлении: это был тот самый Небритый Красавец из секс-шопа, то есть из рыболовного магазина.

– Я свидетель, – сердито обратился он к генералу. – Она ничего не подпишет и требует экспертизы водителя «мазды». А «мазда»-то государственная. Кто там у нас за рулём? Водитель или Сам (не поняла точно, кто именно, но Очень Важный Чиновник из мэрии или Администрации).

А маньяк-то, которого я подбила, значит, вовсе не маньяк, а важный чиновник. Жаль, а так похож на маньяка... Вот почему здесь столько гаишников и даже сам генерал ГАИ. Но зачем мне экспертиза, и экспертиза чего? Не может же Очень Важный Чиновник быть пьяным в половине девятого утра в будний день? Или может?

...А студенты между тем уже собрались и скучают по мне, совсем одни в аудитории...

– Зачем вы с ним так? – испуганно шепнула я Красавцу. – Он же генерал.

Небритый Красавец посмотрел на меня с жалостью как на умственно отсталую.

– А почему вы стояли посреди дороги? – спросил он. – Заснули?

– Почему заснула? Разворачивалась, – ответила я.

– И не заметили, как он пронёсся мимо вас по встречной? – злобно прорычал Красавец. – Он думает, что ему все сойдёт с рук! Как бы не так!

Я объяснила, что просто задумалась, и попросила Небритого Красавца (сегодня был побрит, но я уже привыкла так его называть) и генерала ГАИ отпустить меня на лекцию, но они не согласились и повезли меня в специальное отделение милиции для таких, как я, нарушителей правил уличного движения.

Мы тронулись красивой кавалькадой: впереди генерал ГАИ, затем я на старом чёрном джипе, за мной Небритый Красавец на новом чёрном «лэндровере».

Я впервые была в милиции, потому что раньше не привлекалась, и мне было интересно. На всякий случай изображала актрису Ренату Литвинову, закатывала глаза, говорила нараспев с детскими интонациями (очень удобный имидж):

– С какой скоростью? Ехала? Кто, я? Не зна-аю... А куда я ехала?

Несмотря на то что у меня здорово получилось, меня всё равно заставили писать объяснительную записку.

«Стоя на месте в движущемся транспортном средстве»... Нет, не так... «Сидя в самодвижущемся транспортном средстве...»

Генерал ГАИ покрикивал на меня, и я чувствовала себя некомфортно и незащищённо: видимо, так чувствуют себя все люди, преступившие закон.

– Заполните графу «Место работы» и можете быть свободны, – сказал генерал.

«Место работы», «Должность»... – Я задумалась, потом быстро написала «Певица» и удалилась вместе со своим свидетелем.

Мы курили в милицейском дворе как настоящие преступники. Моего свидетеля зовут Андрей.

– Смешное имя, – вежливо сказала я. – У меня в детстве был пупс, продавался в синем ватничке, а на спине у него была этикетка с надписью «Кукла Андрюша в пальто».

Андрей сказал, что у меня тоже очень хорошее имя, главное, редкое.

– Я бегу на лекцию, спасибо вам за все, – проговорила я и вспомнила: – Ой, а этот... чиновник, вы говорите, он на государственной машине... а зачем он попросил у меня две тысячи долларов... наверное, пошутил... или хотел отдать их государству.

– Ах, так! – помрачнел Андрей. – Нам нужно обсудить наши действия. Я не допущу, чтобы этому... (неразборчиво) всё сошло с рук. Вам вполне могут присудить ущерб пару тысяч.

Я охнула.

Не могу поверить, что гаишники могут поступить со мной так несправедливо!

– Спасибо вам за помощь, мне неловко, что вы тратите время...

– Ну, кто-то же должен вам помочь, – резонно заметил

Андрей. – Тем более ваши... ну, ваши друзья, с которыми вы живёте? Судя по всему, они вам не поддержка...

Вспомнила: я же рассказывала ему, как Лев Евгений украл мой бутерброд, а Савва Игнатьич бродит по помойкам, и решила кое-что прояснить:

– Я же вам говорила – они у меня звери, настоящие звери!

– Ну, и я про это, на них нельзя рассчитывать...

Андрей всё-таки решил, что я проживаю с маргинальной парочкой – ворюгой и гулякой. Не буду больше уточнять – мужчине всегда приятно почувствовать себя единственным защитником слабой женщины, неудачно устроившей свою жизнь.

Очень хотела выпить с Андреем кофе, но нужно было бежать. Пригласила его зайти вечером. (Мама меня пугать не будет, потому что это чисто деловые отношения с целью поставить на место зарвавшуюся власть. Можно даже сказать, это политика. Тем более что Лев с Саввой тоже хороши, настолько опустились, что даже не могут свидетельствовать в суде.)

Андрей не ответил, только молча сиял своей невероятной красотой: прямой крупный нос, глаза серые, подбородок выдаётся вперед, очень хорошая стрижка (была недели три назад), поэтому я быстро нацарапала ему адрес на пачке сигарет и убежала.

Вечером рассказала Муре про ДТП – рассчитывала, что

она меня пожалеет и сама приготовит ужин: пельмени сварит или ещё что-нибудь... Но не тут-то было! Мура только критически оглядела меня и сказала:

– Теперь ты должна очень внимательно следить за тем, как ты выглядишь. Смотри больше не надевай эти клетчатые брюки для пожилых Карлсонов, а то тебя на улице заметут... Ещё один привод, и тебя поставят на учёт.

...Странно, а я думала, что эти брюки, чёрные в жёлтенькую клеточку, как раз очень меня молодят...

19 января, пятница

– А ведь она ему... ну, это... всю жизнь отдала, – сказала тёща. – Стирала, убирала, готовила первое, второе, третье и компот...

(Бедная женщина! Я не очень кровожадный человек, но если бы меня скрутили и велели постирать, убрать и приготовить обед из трёх блюд, они бы ещё об этом пожалели! Тем более компот, это уже просто издевательство! Чаю попьют! Но, может быть, некоторым женщинам нравится сначала отдать свою жизнь, а потом упрекать, что вот они могли бы стать космонавтами и дрессировщиками львов, а сидят компот варят?)

– Если компот, тогда конечно... Вы разрешите дать вам совет? Тактично скажите вашей дочери, чтобы она никогда не упрекала мужа. Если человека обвиняют в том, что он съел на обед чью-то жизнь, это будет его только раздражать,

потому что никто не любит испытывать чувство вины.

– Что, по-вашему, уже и сказать ничего нельзя?

– По-моему, лучше пусть человек сам подумает, что ему делать со своей жизнью, а не винит своего мужа. В мире столько интересного! Я, например, давно мечтаю научиться играть на саксофоне, только времени нет...

– Ещё на мотороллере можно... – мечтательно сказала тёща, – если в шлеме.

Андрей не пришёл и не позвонил, наверное, потерял пачку с моим телефоном. Зато позвонил Роман. Считает, что поведение гаишников – чистое безобразие, но что можно поделать?!

20 января, суббота

В восемь часов в салон как неотвратимая поступь судьбы пришла Лариса, и с ходу завела со мной беседу о психоанализе. То есть о психоанализе Лариса не имела никакого представления, но намеревалась его получить, потому что психоанализ – это очень светская тема, а ей случается принимать участие в беседах о культурном.

Лариса ужасно удивилась, услышав, что по Фрейду у человека главное подсознание, а все сознание – так, ерунда, всего лишь крошечный островок в бушующем море не очень симпатичных инстинктов – агрессии и либидо, то есть сексуального влечения.

– Да-а, вот вам люди, им бы только подраться и переспать с кем попало, – скорбно констатировала Лариса.

Сказала Ларисе, что по Фрейду её, Ларисина, психика представляет собой три враждующих между собой уровня: эго, суперэго и ид.

– Пример! – потребовала Лариса.

– Ну, допустим, ваше ид проголодалось и хочет украсть булку из супермаркета, – сказала я.

– Ну и что?

Я объяснила, что суперэго, представленное в Ларисином сознании ближайшим милиционером и другими условностями (совесть, др.), не разрешает ей украсть булку...

– А эго, эго-то моё где?! – подозревая, что я её обжуливаю на эго, вскричала Лариса.

– А эго тоже при деле – мучается угрызениями совести, – пояснила я.

– Что-то не доверяю я этому Фрейду, – с сомнением произнесла Лариса и потребовала показать ей её бессознательное.

Пришлось перейти в массажный кабинет и уложить её на кушетку.

– Сейчас будет вам ваше бессознательное, – пообещала я и накрыла Ларису простыней (для подсознания это не важно, просто в кабинете прохладно).

Лариса улеглась поудобнее и закрыла глаза, но вдруг приподнялась и потребовала свою сумку, затем вытащила пома-

ду, пудру и принялась краситься.

– Хочу быть в порядке перед встречей с бессознательным, – пояснила она, слизывая с губ лишнюю помаду.

Лариса – настоящая женщина: даже не думает, что бессознательному все равно, накрашены у неё губы или нет, просто хочет ему понравиться, и всё тут.

– Закройте глаза, пять минут лежите спокойно и думайте о прекрасном, а я пока покурю и съем яблоко, – велела я.

Лариса мерно дышала с закрытыми глазами, и я решила – пора.

– Начинаем, – сказала я. – Я буду называть слово, а вы быстро говорить в ответ слово-ассоциацию.

– Что?

– Что придёт в голову, то и говорите, главное, быстро, чтобы бессознательное успело выйти наружу. Внимание, начинаем... Работа.

– Деньги! – не открывая глаз, выкрикнула Лариса.

– Счастье.

– Салон, второй салон, потом третий... – мечтательно пробормотала Лариса.

– Муж, – требовательно продолжала я.

– Тряпка.

– Вот это да! – непрофессионально ахнула я.

– Я нечаянно! – закричала Лариса. – Нечаянно!

Успокоила Ларису, что это её бессознательное обозвало её мужа тряпкой, а она тут совсем ни при чём.

– За что оно его так?! – причитала Лариса. – Получается, моё бессознательное его совсем не любит...

Пообещала Ларисе разобраться с бессознательным. В самом деле, неужели оно не могло вести себя прилично и не оскорблять её мужа?

Вообще-то я недолюбливаю психоанализ, хотя никогда в этом не признаюсь в профессиональном кругу, потому что тогда коллеги перестанут считать меня приличным психологом. Главная причина, по которой я не люблю психоанализ, заключается в том, что психоаналитики не нравятся мне как мужчины. Все мои знакомые психоаналитики похожи друг на друга – сутуловатые, с печальным взглядом, скорбно поджатым ртом. К тому же они, как правило, слегка покашливают, как будто у них постоянно субфебрильная температура. Так что я всегда вежливо говорю: «Ах, какая прелесть ваш психоанализ!», но в душе ужасно осуждаю эту их манеру – при помощи палки и верёвки вызовут у взрослого дяденьки его бессознательное (к примеру, узнают, кто у него в детстве отнял совочек в песочнице), а потом принимаются ковырять ранку, пока дяденька не начнёт горевать – совочек-то и красненький был, и удобный, без совочка того мне не жизнь! Ага, удовлетворённо потирают руки психоаналитики, – вот мы и нашли ваше больное место, ура! И начинают долго и дорого (для клиента) объяснять дяденьке, как ужасно этот совочек повлиял на всю его последующую жизнь.

Я, как психолог, стараюсь ни за что не допустить, чтобы

мои клиенты уходили от меня несчастными. Зачем вообще людям чувствовать себя несчастными, в то время как они могут просто сказать себе: «Подумаешь!»

«Я одинок!» – «Подумаешь! Зато я сам себе хозяин»; «Моя мать меня не любила!» – «Подумаешь! Зато я её любил», – и можно сразу же начать думать о хорошем. Нет, я не утверждаю, что жизнь совсем безоблачна и проста – бывают, конечно, очень серьёзные проблемы, которые просто так не скинешь со счетов. Вот, например, моя проблема с весом. Очень уж быстро набираю вес. С лета привесила два килограмма триста двадцать граммов, а мечтаю о сорок втором размере, который был у меня в двадцать лет, – ем и мечтаю, ем и мечтаю...

– ...Неужели я совсем его не люблю? – расстраивалась Лариса, и я тоже расстроилась за неё, всё-таки она мне не обычная клиентка, а почти подруга.

– Разберёмся, – авторитетно сказала я. – Лучше бы, конечно, муж – любовь или муж – секс, но будем работать с тем, что есть.

Очень устала и хотела есть, поэтому собрала психологические навыки в кулак и легко уговорила Ларису – её подсознание вовсе не имело в виду, что её муж тряпка в смысле слабости характера или внешнего вида, а просто у неё возникла такая ассоциация: муж – семья – дом – уборка – тряпка.

– Ну, до свидания? – с надеждой спросила я.

– До встречи! – с угрожающей интонацией ответила Лариса. – ...Да... Я вот что хотела спросить... Неужели сексуальный инстинкт всё-таки главный? Как-то это не изящно...

Я от имени Фрейда заверила, что, да, не изящно, но тут уж ничего не поделаешь. Лучше бы какой-нибудь другой инстинкт был главным, например тяга к знаниям или любовь к прекрасному...

Дома Мура радостно сообщила:

– Танцуй, тебе письмо!

Я очень устала, но хотелось получить письмо, поэтому пришлось танцевать вальс (одной, Лев Евгеньич скакал рядом и не в такт) и танго (с Мурой).

Интересно, кто бы это мог прислать мне письмо? Получать письма всегда ужасно волнующе. Не могла аккуратно вскрыть конверт, от нетерпения разорвала его вместе с самим письмом. Так, от кого же это?

«Приглашаем Вас на вязку 21 сентября по адресу: ул. Пушкинская, дом 15, кв. 8».

Что это значит? Безобразие, вот так впрямую, безо всяких предисловий!.. Интересно, кто там живёт? На Пушкинской, дом 15, кв. 8?

Но Мурка сказала, это письмо не мне, а Льву Евгеньевичу. Вот же подпись – «Клуб собаководов Центрального района г. Санкт-Петербурга».

22 января, понедельник

Три часа дня, заседание кафедры.

Преподаватели разделились на две группы с четко выраженной границей – молодые поближе к выходу, старушки и пожилые, но старой закалки, – в передних рядах.

Молодые сидели на низком старте, поглядывали на часы и дрожали от нетерпения так, что парты приплясывали. Все они, особенно я, мечтали быстро-быстро слинять. Надо было бежать – зарабатывать деньги: консультировать, вести корпоративные тренинги, учить людей продавать, вести переговоры и повышать уверенность в себе. А я торопилась в Дом книги, потому что сегодня была зарплата.

Старушки пришли принаряженные, с заранее приготовленными тоскливыми журналами успеваемости. Они зачитывали свои журналы и подробно рассказывали, какие у них в группах учатся девочки и какие мальчишки.

Обсуждали крайне плохую посещаемость. Особенно плохо посещает Андрюша из Свердловска. Декан рассказал, что ему вчера звонила Андрюшина мама:

– Мы посылаем Андрюше двадцать тысяч в месяц, как вы думаете, Андрюше хватает?

– Посылайте ему тысячу в месяц, тогда, может быть, у нас появится возможность увидеть Андрюшу в университете, а так он в других местах обретается, с двадцатью-то тысячами, – ответила декан Андрюшиной маме.

Я немножко задремала, а потом проснулась и прислуша-

лась – кого-то ругали. Оказалось, меня! Сначала я испугалась, но быстро приободрилась, потому что ругали не одну меня (я не очень злобное существо, просто люблю всегда быть в компании). Критиковали одного молодого преподавателя, который приносит на занятия гитару, поёт со студентами песни, танцует и играет в разные игры, и все студенты просятся к нему в группу. Старушки требовали запретить ему танцевать.

– А вы, – обратился ко мне декан, и я втянула голову в плечи, надеясь, что «вы» – это не я, но это была я. – А вы, хотя пока и не танцуете на лекциях (кстати, не знаю, чего от вас ждать в ближайшем будущем), но поёте на своих лекциях неизвестно про что и зарабатываете тем самым дешёвую популярность!

Понимаю, в чём дело. Всё из-за того, что вчера мою лекцию заменили лекцией по истории, и половина студентов свалила. Несправедливо со стороны декана говорить, что я зарабатываю дешёвую популярность, рассказывая студентам о простых и нужных вещах вроде любви и всего такого. И моя популярность вовсе даже не дешёвая, а самая обычная – ведь студенты заплатили за мои лекции ровно столько же, сколько и за все остальные.

Твёрдо решила выступить в свою защиту, но, подумав, решила, что лучше посижу тихонечко – все равно скоро все закончится, и я в хорошем настроении отправлюсь в Дом книги.

В Доме книги много лет работает Инна Игоревна. Инна Игоревна – настоящая питерская достопримечательность, она знает все про литературную жизнь Питера, и литературная жизнь Питера тоже хорошо знает Инну Игоревну.

Мне приятно, что знаменитая Инна Игоревна считает меня настоящим интеллектуалом, поэтому я, как обычно, послушно взяла все книги, которые она велела. А когда Инна Игоревна отвернулась, я ловко схватила две жёлтенькие книжки Донцовой и как заяц поскакала по залу от Инны Игоревны с Донцовой за спиной.

– Вот, возьмите, тут очень-очень глубокий анализ современного литературного процесса, – Инна Игоревна догнала меня и протянула чёрную книгу, довольно толстенькую.

Но я не растерялась и, улучив подходящий момент, сунула «очень-очень глубокий анализ» обратно на полку.

Затем мы с Донцовой спрятались от Инны Игоревны за стеллажом с философской литературой и думали, что там она нас не найдёт, но не тут-то было.

– А это что у вас такое? – брезгливо спросила Инна Игоревна и, презрительно поджав губы, указала на жёлтые томики.

– Это?.. А это я купила для второй жены моего мужа, она в Германии живёт и вот... читает... – оправдывалась я, нежно прижимая к груди Донцову.

– А... Ну тогда ладно! Им можно, – разрешила Инна Иго-

ревна.

(Кто живёт в Германии, тот умственно отсталый?)

Может быть, отбросить условности, наплевать на то, что я культурный человек, и открыть Инне Игоревне своё истинное лицо? Вот так сейчас и скажу: «ЛЮБЛЮ ДЕТЕКТИВЫ!»

Инна Игоревна протянула уже знакомый мне чёрный, толстенный том: «Вот же он, анализ, вы забыли!» А я думала, что так ловко избавилась от книги... Пришлось покупать.

Итак, я купила два килограмма Донцовой (для Аллы, не для меня), анализ современного литературного процесса (для Инны Игоревны), и ещё кое-что, совсем немного, парочку современных иностранных авторов (восемь толстенных и три тоненьких тома).

Истратила некоторую часть своей зарплаты, надеюсь, меньшую, но лучше не проверять.

Вечером позвонила мама.

– Ты получила зарплату? Была в Доме книги? Что купила? А мне дашь? Дашь сразу две? Сейчас прибегу.

Мама прибежала через десять минут (удобно жить рядом) и с воодушевлением стала перебирать новые книги.

– Как ты думаешь, может быть, мне сначала читать ЭТО, а потом ЭТО? – спрашивала она, поочерёдно прижимая книги к груди. – Или лучше сначала ЭТО, а потом ТО?.. Послушай, а можешь дать мне сразу три, нет, четыре?

И вдруг, с видом человека, решившегося на все и не заботящегося больше ни о каких приличиях, произнесла: «А можно, я возьму ВСЕ?»

23 января, вторник

Лариса пожаловалась, что сегодня неважно спала. Мне тоже было что ей рассказать – в воскресенье я спала до обеда и ещё часок после ужина, а ночью почему-то вертелась, не могла заснуть.

Я знаю один очень действенный научный способ быстрого засыпания, поэтому с удовольствием поделилась им с Ларисой.

– Если я не могу заснуть, то беру книгу и читаю до утра. Зачитаешься, и бессонницы как не бывало, и вот уже пора вставать...

Лариса сказала, что я немного путаюсь, и мой способ, наоборот, для того, чтобы не заснуть.

– Нужно успокоиться, чтобы никаких разговоров на ночь, и уж тем более никакого чтения после пяти вечера, – убеждённо сказала Лариса и потом выразила некоторое удивление: странно, что я психолог, а такая несобранная, а вот у неё, Ларисы, во всем порядок – и в салоне, и дома.

Несколько лет я копила постельное белье, не в смысле коллекционировала, а хотела накопить побольше и отнести в прачечную... и что из этого вышло?! Забыла забрать его из

прачечной, и тут уж ничего не исправишь, – это случилось два года назад...

А мои любимые чёрные брюки, которые так и остались в химчистке, а потерянный паспорт... А если бы Лариса была моим мужем, у меня во всем был порядок.

– Сегодня я хочу поговорить о семейной жизни, например моей, – сказала Лариса. – Мы будем делать вид, что я ваш клиент и пришла к вам на консультацию.

– Знаете, Лариса, бесплатная психологическая помощь обычно не даёт никакого результата, – намекнула я.

– Да ладно, – отмахнулась Лариса. – Это всё будет не по-настоящему, а понарошку, как будто мы играем.

– Ну, начинайте играть, – сказала я. – Только недолго. (Через час встречаюсь с Романом, ура, ура!).

– Я быстро! – обрадовалась Лариса. – Так вот. Я всё-всё сама, и на работе, и дома! Мужу квартира от бабушки досталась, так я её сама продала и на эти деньги сама салон открыла... Теперь мы с мужем связаны навсегда – что же нам, в случае развода, салон продавать и деньги делить?! Так мы оба станем беднее на половину салона. Поэтому мы с ним всегда будем вместе и синхронно умрём в один день...

– Тогда в чем проблема, Лариса? – Я украдкой кинула взгляд на часы.

Лариса посмотрела на меня с упрёком:

– Не понимаете? А ещё психолог!

Она обиженно замолчала, но, заметив, что я постукиваю карандашом по столу и поглядываю на часы, решила не терять время впустую.

– Вот вы с Фрейдом говорите: сексуальный инстинкт, либидо какое-то... Я как узнала, что либидо самое главное, стала сама не своя! В ведомости ошибку допустила, а вчера вообще молоко убежало... Знаете, постороннему психологу я бы ни за что не призналась, но вы у меня работаете... – в общем, у меня с ним, с либидо этим, последние года три не очень...

– Аналогичный случай произошел у нас в Урюпинске, – сказала я, имея в виду Алёниного Никиту.

(Считаю, Алёна зря притворяется такой страстной требовательной женщиной, ей бы нужно чем-нибудь заняться, и тогда её сексуальность сама собой сублимируется во что-нибудь другое, кроме Никиты, например, в плавание в закрытом бассейне, флор-дизайн, etc).

– Вы из Урюпинска? – удивилась Лариса.

– Нет, я родилась в Ленинграде. Я имею в виду, что с моими знакомыми и со мной тоже так бывает...

Если бы у нас с ней была настоящая консультация, я бы ни за что не рассказала Ларисе о своих проблемах. Не положено, хотя я и не уверена, что это правильно. Я всегда немного стесняюсь врачей и не рассказываю им обо всех своих симптомах, а вот если бы врач рассказал мне, что у него сегодня тоже болит голова и не очень хорошо со стулом, я бы пере-

стала стесняться этого недоступного божества – врача – и почувствовала себя с ним на равных.

Но с Ларисой у нас была не платная консультация, а просто такая игра двух внезапно близких подруг. Поэтому я сообщила, что у меня есть на неё ещё десять минут и что у меня в последние годы брака тоже либидо было так себе, можно сказать, совсем никудышное было либидо.

Почувствовав, что не окончательно утешила Ларису своим примером, я принялась быстренько вспоминать все, что обычно советуют в таких случаях (до конца консультации оставалось шесть минут).

– Лариса, возьмите блокнот и записывайте план действий для улучшения либидо, – сказала я и принялась диктовать: «Пункт первый. Перед сексом для возникновения эмоциональной близости поговорить с мужем о чем-нибудь приятном...»

– О чем? – спросила Лариса, не отрываясь от блокнота.

– Ну... поболтайте с ним о втором салоне.

Лариса записала.

– «Пункт второй...» Потом... что же ещё? А-а, сексуальное бельё.

Лариса посмотрела на меня с презрительным удивлением, и я тут же поняла, что, пожалуй, сглупила. Вряд ли такая женщина спит в старой фланелевой пижаме, наверняка у неё полно пеньюаров – красный, чёрный, розовый...

– Я тоже когда-нибудь обязательно куплю себе пеньюар,

с перьями, кружевами и стразами! – сказала я. – Запишите это для меня.

Лариса записала, вырвала листок из блокнота и отдала мне.

– «Пункт третий. Перед сексом вспомните свою любимую эротическую фантазию, героем которой обязательно должен быть муж, а не Мэл Гибсон или Ди Каприо».

– А у вас есть эта... фантазия? – спросила Лариса.

Она не клиентка, а подруга, поэтому имеет право на такой личный вопрос.

Я удручённо покачала головой. Действительно, почему у меня нет в запасе никакой эротической фантазии? Хотя... как раз вчера мне приснился эротический сон. Как будто я шла по двору с пакетом, а ко мне пришёл Лысый и сообщил, что Савва Игнатьич беременный. Означает ли этот сон, что у меня непреодолимое подсознательное влечение к Лысому или к Савве Игнатьичу? А в пакете были огурцы и дыня. Огурец – это фаллический символ. Нужно будет проконсультроваться с психоаналитиком.

Господи, что бы ещё придумать? Ура, ура! Вспомнила один очень простой совет из книги «Как стать неотразимой»!

– «Пункт четвёртый. Вы должны напомнить себе, что ваша сексуальность уникальна, и затем полностью забыть о себе и сосредоточиться на уникальности своего партнёра».

– Что-то я не понимаю, как это, – подняв голову от блок-

нота, Лариса смотрела на меня с возмущением первой ученицы – уж если даже она не понимает, как же тогда остальные..

– Ну-у, это как раз очень просто, – уклончиво произнесла я, решительно встала и взяла сумку. – Игра окончена, до свидания. Я побежала!

– До встречи! – крикнула мне вслед Лариса.

24 января, среда

– Давайте договоримся – вы точно обещаете, что не будете выходить замуж за Романа – настойчиво басыла теща, закрепляя свой достигнутый в последней беседе успех.

– Кто может знать, как сложится жизнь, – честно ответила я, – но вашей дочери обязательно нужно наладить отношения с мужем, потому что причина нашего романа не во мне, а в их отношениях. Знаете, что я вам скажу? У Романа с женой маловато ритуалов.

– Чего?

Рассказала теще (чтобы она передала жене Романа), что в семейной жизни очень важны ритуалы: можно, например, петь хором вечерами, приглашать гостей по любым поводам, на рыбалку вместе ходить, за грибами или, в крайнем случае, просто тихонечко посидеть рядом и подышать в унисон. Потому что именно в эти моменты происходят невидимые совместные колебания душ. (У Алёны с Никитой тоже не всегда бывало гладко, но они очень сблизились во время ремонта квартиры, особенно когда выбирали кафель для туалета и

обои в прихожую.)

– Если не будет совместных колебаний, то у Романа все равно заведутся другие внебрачные связи, опасные для семьи и здоровья.

– Для здоровья?! Что для здоровья? – оживилась тёща. – А вы не знаете, если пользоваться, ну, этим... Ну, вы знаете чем, тогда точно не заразишься? А то СПИД и вообще...

Неужели у тёщи внебрачная связь? С другой стороны, что тут такого? Нинон де Ланкло до восьмидесяти лет имела любовников, а теперь тёща, ещё один пример неувядаемой женственности!

– А вот ещё я хочу сказать... вы думаете, легко детям, у которых родители развелись? – с личной интонацией спросила тёща... Я её понимаю, волнуется за свою внучку...

Услышала Мурино шуршание у входной двери и быстро распрощалась с тёщей. Больше всего боюсь, что Мура как-нибудь узнает про всю эту историю!

– Внимание, черепаха! – от двери заорала Мурка.

В руке у неё действительно была черепаха. А я до смерти боюсь этих членистоногих, или как там они называются...

– Мне подарили в школе.

Глаза бегают. Меня не так просто провести – с каких это пор в школе бесплатно раздают зверей? Это какая-то Мурина интрига, наверняка выменяла черепаху на две контрольные по математике или придумала ещё какую-нибудь хит-

рость...

Савва Игнатьич к черепахе не вышел, а Лев Евгеньевич понюхал черепаху и грустно отошёл. Подумал, дрянь какую-то в дом приволокли – ни съесть, ни поиграть.

В долгой интимной беседе по душам удалось заставить Мурку признаться, что она не особенно дорожит черепахой, но что это черепаха трудной судьбы, поэтому она временно побудет у нас.

Попросила Муру спрятать черепаху в её комнате (Муриной, не черепахиной) и плотно закрыть дверь. Надеюсь, черепаха не обидится, и ей хватит места побегать, поиграть... Боюсь я её, очень-очень боюсь черепаху!..

Что-то мне немножко не по себе. Во-первых, черепаха, а во-вторых, после всех этих бесед с тещей чувствую себя подлой разлучницей. Но чего человеку стыдиться в наше время, когда развод – такое обычное дело? Развестись – честнее, чем поддерживать неудачный брак, когда людям скучно друг с другом и они друг друга разлюбили. И дети от этого страдают, потому что ложь и негативные эмоции окружают их как туман. Они там, в этом тумане, стараются грести к берегу счастья, но им же трудно.

Все разводятся, и никто никого не осуждает. А может, всё-таки осуждает? Или эти мои мысли – атавизм, вроде мохнатого хвоста? С пещерных времён существования стабильной семьи, когда прелюбодейку гоняли голой по улицам?

...У Романа ребёнок, девочка. Он будет встречаться со

своей девочкой по воскресеньям, а мы с Муркой в это время будем заниматься своими делами. Но ведь мы и так занимаемся своими делами. Я работаю, читаю книжки, разговариваю по телефону и встречаюсь с Романом, а Мура просто так живёт.

Я себя знаю. Я очень ревнивая. Я буду думать, что вот, он проводит со своей дочкой выходной день: идёт с ней в кино или зоопарк. И это правильно. Ну а я как же? Я тоже захочу проводить с ним свой выходной день. Но интересы ребёнка выше, чем мои. Значит, он своего ребёнка-девочку любит больше, чем меня. А уж тем более мою Мурку, которая тут вообще получается ни при чем. А она ещё тоже очень маленькая. Тоже ребёнок-девочка. Я сначала буду молча страдать, потом обижаться, кидаться тарелками и бросаться на пол, закатывая глаза, с криком: «А мы, мы-то тебе кто?» Возможно, это с моей стороны эгоистично, но своим мужем я хочу владеть сама. Или уж тогда вообще никакого мужа мне не надо, чем такой, который уходит каждый-каждый выходной! Пускай лучше он приводит свою девочку к нам. Буду ей готовить, что она любит: мороженое, пирог с маком из булочной напротив. А вдруг ей не понравятся пельмени «Дарья»? А что если она любит не замороженную, а приготовленную еду, вроде жареной картошки с сосисками? Я буду стараться подружиться, заискивающе смотреть ей в глаза, а она будет думать: «Мой папа ушёл к ней от моей мамы...» А она ещё не такая большая, чтобы понять, что мужчине очень трудно

сделать правильный выбор сразу и навсегда, что каждый второй брак заканчивается разводом, что в жизни бывает всякое и каждый человек имеет право на счастье, а дети вырастут, и у них будет своя жизнь и т. п. В общем, все то, что мы говорим себе и другим. Потому что конкретно она, эта девочка, ещё не выросла и знает одно – папа и мама должны быть вместе. А я – враг мамин и бабушкин. (Какая бойкая, однако, тёща Романа, возможно, у неё даже есть боевые награды.)

Может быть, женщины, чьи мужья имеют детей от предыдущего брака, обладают какими-то особенными свойствами. А я ими не обладаю, а люблю только свою личную Мурку и Женькину Катку, а остальных детей тоже люблю, но в принципе.

Получается, это заранее проигранный бой. Тем более у девочки такой возраст, девять лет, когда все очень-очень травматично. Но ведь и в двенадцать травматично, и в пятнадцать... Лучше бы ей было к сорока, тогда она смогла бы легче все это пережить... Сколько же мне будет лет, когда ей будет сорок? А что, женщины и в этом возрасте выходят замуж. Тёща, к примеру, явно не безразлична к сексу, хотя и пытается скрывать это от меня. Но меня не обманешь – её очень волнует безопасный секс.

Я от этих мыслей так разнервничалась, что захотелось метаться по дому и каждые пять минут нервно курить в туалете – типичный стресс. Но если человек – психолог, он все-

гда знает, как поступить при стрессе. Итак, мне необходима физическая нагрузка. Можно постирать, убрать квартиру, пельменей налепить, вареников. Вареники с черникой очень вкусны со сметаной...

– Поехали на Дворцовую кататься на роликах, – предложила Мура.

– А снег? – удивилась я.

– Девчонки говорят, нормально, кататься можно.

...Кружили с Мурой на роликах вокруг Александрийского столпа.

Дворцовая была полна народу, дети катались, взрослые просто так гуляли. У Муры ролики красные, у меня чёрные. Мура в короткой белой курточке, я в короткой красной курточке. Приятно, что все люди вокруг думают, что я – одна из этих ребят, таких юных и красивых.

– Смотрите, мама на роликах едет! – показав на меня пальцем, крикнул мальчишка лет десяти.

Надо же, «мама»! От обиды я споткнулась и больно ударила ногу.

– Мамочка, он дурак, ты очень-очень молодо выглядишь! – сказала Мура, и я моментально встала на ноги и воспряла духом. – Твоя молодость – заслуга корма «Вискас».

Когда мы с Мурой вернулись домой, под нашей дверью стояли Лысый (неделю назад я гордо сказала Лысому, что у

меня теперь очень хорошая работа и, получив следующую зарплату, я смогу принять участие в его затеях) и тренажёр – огромная беговая дорожка. Когда-то Ирка-хомяк уговорила меня приобрести беговую дорожку на двоих. Ни она, ни я ни разу на неё не встали, а только с тех пор постоянно интересовались, чья очередь держать её у себя. Когда подходит моя очередь хранить у себя тренажёр, занимающий половину прихожей (на нем любит спать Савва), я обычно просто ставлю его под дверь Ирке и убегаю. И вот теперь она последовала моему примеру...

Решила сегодня спать в утешительной пижаме.

Февраль

1 февраля, четверг

В половине восьмого утра случился Нечеловеческий Ужас и Самый Настоящий Кошмар. Я спала (что же мне ещё делать в такое время?), и вдруг у меня в ухе заиграла «Маленькая ночная серенада». Померещилось, что я в Филармонии и уже пора аплодировать, но проснулась и поняла, что это звонит мобильный. Господи, где же он? Телефон нашёлся под подушкой. Интересно, от кого я его там спрятала?

Еле выдрала себя из сна, с трудом нашла телефон – и ради чего все это?!

– Я жена Романа.

Ещё окончательно не проснувшись, я поняла, что происходит что-то страшное.

– Я знаю, вы любовница Романа. Встретимся сегодня в шесть вечера? Где?

– В «Кофесоле», – машинально ответила я и тут же закричала: – Нет, не в «Кофесоле», не в «Кофесоле», вообще нигде!

(Ведя важные переговоры необходимо расслабиться, посчитать до десяти, подышать, всесторонне обдумать ситуацию и свой ответ.)

Но она уже отключилась... Зачем я договорилась с ней встретиться, зачем, зачем?!..

Про «Кофесол» я сказала машинально, потому что этот «Кофесол» (очень демократичная, не пафосная и не манерная кофейня) находится в соседнем со мной доме и полностью изменила мою жизнь.

Если человек живёт на углу Невского и Владимирского, то ему несколько раз в день кто-нибудь звонит и говорит: «Я на Невском, забегу к тебе выпить кофе». Особенно этим отличаются Анька, Машка, Татьяна, Катька и Наташка – зайдут на минутку выпить кофе, а смотришь, уже и пообедали, и поужинали, и вместе со мной собираются ложиться спать. Теперь я встречаюсь с ними в «Кофесоле» – очень удобно, потому что всегда можно тактично и не обидно уйти, и никто не зависнет у меня дома на целый день.

Я поняла, что произошло. Тёща не выдержала и обо всем рассказала жене Романа. Мне казалось, она увлеклась психологией, и мы с ней обо всем договорились – я не выхожу замуж за Романа, а она, следуя моим советам, старается улучшить семейную жизнь Романа. Почему она это сделала? Почему люди так злы ко мне и невосприимчивы к науке?

Я – загнанный олень (чуть не расплакалась, когда это поняла). Меня гонят все – мальчишка на Дворцовой, декан, жена Романа. Невыносимо жалко себя – бедного, Очень Одинокого Оленя... Теперь, когда судьба поймала меня в капкан неприятностей, мне остаётся только лежать под одеялом и надеяться, что когда-нибудь и для меня настанут лучшие времена. ...Или не стоит грустить? Надо отдать справедли-

вость, в моей жизни есть и хорошее – много верных друзей (мама, Мура, Женька, Алёна, Ольга, Ирка-хомяк, Лариса)... и много-много студентов. Для них я вовсе не «любовница Романа», а уважаемый кандидат наук. Думала, что не сомкну глаз на мокрой от слез подушке, но заснула и проспала до десяти – от горя и потому, что мне сегодня к двенадцати.

Проснувшись, немедленно посоветовалась с девочками, сообщать ли Роману о назначенной на шесть часов неприятности.

Женька сказала, что я должна смело смотреть в лицо неприятностям и ни в коем случае не приходить на встречу с женой.

Алёна предложила взять напрокат её сумочку от Гуччи, чтобы я чувствовала себя уверенно, а сама Алёна на всякий случай сядет за соседним столиком.

Ольга сказала, что торопится на «Ленфильм» брать интервью у одной молодой актрисы, которая играет в «Ментах», и посоветуется с ней – актриса должна знать, как поступать в криминальных ситуациях.

Так я и не поняла, звонить ли Роману. Как психолог, думаю, что лучше его не беспокоить, а самой посмотреть, какая у него жена, как она выглядит и во что одета.

На кухонном столе лежала записка: «Покорми черепаху». Чем кормят черепах? С закрытыми глазами забросила в комнату черепахи небольшой бутерброд с сыром и докторской

колбасой, и вдруг мне стало так горько – ну почему я вечно иду у всех на поводу? Согласилась на свидание с женой Романа, приютила черепаху...

Твёрдо решила сдать черепаху в зоомагазин.

Не могла дождаться одиннадцати часов. Почему бы зоомагазинам не начинать свою работу хотя бы с десяти или даже с восьми? Без одной минуты одиннадцать приступила к обзвону зоомагазинов, умоляя взять черепаху на содержание за разумную плату.

Везде был одинаковый ответ:

– Мы от населения черепах без документов не принимаем.

Я припомнила – да, действительно, никаких документов при ней не было, а население с черепахой, без документов – это я. У меня ведь тоже, кстати, нет паспорта. Мы обе с ней – бедные лишённые.

– Пожалуйста, примите зверя, – заискивала я. – У нас уже есть Лев Евгеньич, Савва Игнатьич...

(Мол, мы свой долг перед животным миром выполняем)...

– Ребёнок принёс, маленький... – Я для пущей убедительности хлопнула носом.

– Сколько лет вашему ребёнку?

– Э-э... пятнадцать... Но она ещё очень маленькая...

– Продавайте черепаху у рынков. Только не отдавайте даром, а то неизвестно к кому попадёт, – ответила мне продавщица.

Добрая, в остальных магазинах мне вообще ничего не посоветовали...

— Я понимаю, что нельзя бесплатно отдать животное кому попало на улице — мало ли ходит черепаших маньяков...

Представила, как стою у рынка с черепахой в руке и, заглядывая в глаза прохожим, бормочу: «Купите черепаху, недорого... Отдам в хорошие руки...» Интересно, она девочка или мальчик?

Решила, что вопрос с черепахой можно отложить, и очень старательно одевалась на встречу с женой Романа — Алёна сказала, что от этого многое зависит. Не понимаю, что именно. Предположим, я понравлюсь жене, и что?..

Назову черепаху Гантенбайн.

Сегодняшний вечер войдёт в историю как Очень Жуткое, Леденящее Душу Событие. Когда-нибудь, через много лет, зимним вечером я скажу своим друзьям: «А помните Очень Жуткое, Леденящее Душу Событие?», и они, ни на мгновение не задумавшись, печально кивнут.

В «Кофесоле» я заказала самое большое шоколадное пирожное из всех, что были на витрине, и бокал шампанского, чтобы чувствовать себя независимо и немного затуманить сознание. Шоколад с шампанским — это гремучая смесь, под влиянием которой юные невинные девы немедленно превращаются в юные невинные жертвы, потому что шоколад воз-

буждает, а шампанское отключает соображение. Но я-то не глупенький подросток!

Я уселась за свой любимый столик у окна лицом к двери и принялась курить одну сигарету за другой. Садиться лицом к двери – это наследие наших предков: они всегда усаживались в таверне или, скажем, в рюмочной лицом к выходу, чтобы держать все под контролем, не прозевать врага и вовремя убежать.

Очень скоро я немного поплыла от шампанского и мне стало не так уж и страшно.

– О, это вы, здравствуйте!

Лариса! Какое счастье, находясь в этой враждебной обстановке и в туфлях на каблуках (надела по совету противной Алёны, чтобы понравиться жене), увидеть близкого, позитивно настроенного ко мне человека. Лариса улыбнулась мне, и я тут же расслабилась – друзья ведь и существуют для поддержки и выделения тепла.

– Спасибо вам! – бодренько так сказала Лариса. – Вы полностью изменили мой взгляд на мир.

Оказалось, она, усвоив из наших занятий, что главное в жизни мужчины – либидо, решила пересмотреть свою жизнь и мобильный телефон своего мужа и таким образом вышла на его любовницу и сейчас ей покажет...

– Что? Что покажете? – с интересом спросила я. Может быть, жена Романа покажет мне то же самое?

– Неважно, в общем, спасибо вам за всё!

Я скромно потупилась. В такие минуты чувствуешь, что не зря живёшь.

– А я жду жену моего... друга, – сообщила я и для большей ясности добавила: – Любовника.

Если бы не страх и шампанское, я бы ни за что не призналась Ларисе, что я нахожусь здесь, в кафе, по такому неприглядному поводу.

– Жена моего любовника хочет со мной познакомиться. Боюсь немного...

Лариса изменилась в лице.

– Да не бойтесь так за меня, – успокоила я Ларису. – Я же психолог, всегда смогу её убедить не драться и не скандалить на людях...

Приятно, когда твои друзья волнуются за тебя, особенно новые друзья. В нашем возрасте редко возникает новая дружба...

У моего папы было замечательное выражение для определения степени дружеских отношений: «Мы с ним на “ты” и на “...твою мать”». Это удивительно точно – близким друзьям можно сказать все, что чувствуешь, а просто приятелям не всегда.

У нас на кафедре есть одна доцент, с которой мы лет пять ходим курить и с большой доверительностью обсуждаем разные душевные моменты «про жизнь». Она рассказывает, что

не знает, как ей себя вести со своим сыном, и что ему как раз сейчас очень нужен отец, а отца-то нет, и что же делать? Но доцент ни за что не признается, что ей, например, как раз сейчас тоже очень нужен мужчина, и я не расскажу... И вот мы с ней пять лет изливаем друг другу души про всякие экзистенциальные проблемы (про смысл жизни, страх смерти, зачем мы в этом мире и прочее) и при этом называем друг друга по имени-отчеству. Все это вместе означает, что мы с ней в переносном смысле на «ты», но ни в коем случае ни на «...твою мать». Общаться так немного грустно, потому что чувствуешь себя ужасно взрослым человеком. А вот с Ларисой все совсем по-другому, она кажется мне новой близкой подругой.

– Вы... Вы... – заикалась Лариса.

Неловко, что она так волнуется за меня!

– Да не переживайте вы так, может быть, она ещё не придёт. Вряд ли мы с его женой станем подругами, тогда зачем встречаться, правда?

– Мой муж Роман – ваш любовник? – проговорила Лариса.

Господи, так бывает только в бразильском сериале, но я же нахожусь в Питере!

Дальше у нас с Ларисой действительно состоялся разговор как в бразильском сериале:

– Кто?

– Роман.

– Роман – ваш муж?

– Роман мой муж.

– Не может быть.

– Да.

И опять:

– Роман ваш любовник?

– Роман?

– Да.

– Кто, Роман?

Лариса пришла в себя быстрее меня и решительно расставила всё по местам:

– Один и тот же Роман – мой муж и ваш любовник, – сказала она так, как будто спрашивала: «Кто с тобой работает?!»

На секунду мне показалось, что она светит мне лампой в лицо. Когда кто-то другой произносит слово «любовник», кажется, что оно какое-то неприличное, – на ум приходят прятание в шкафу, убегание через балкон и прочие пошлости, не имеющие никакого отношения к твоей неземной любви, протекающей в особой, совершенно не такой, как у всех, ситуации.

Не сводя с меня немигающего взгляда, Лариса потыкала пальцем в кнопки своего телефона, и у кого-то заиграла «Маленькая ночная серенада». Оказалось, у меня.

– Ну! – сказала Лариса за столом и в телефоне. – И что? Смотрите мне в глаза.

Я ответила, что теперь совершенно ясно, что это какое-то недоразумение:

– Мой друг Роман не может быть одновременно вашим мужем Романом, потому что жена Романа ужасно неразговорчивая, молчит, страшно сказать, по нескольку дней.

– А как же мне ещё их воспитывать-наказывать? – возмущённо ответила на это Лариса.

В критические моменты жизни люди собираются с силами, они проявляют дикую находчивость и им на помощь приходят все ресурсы организма: так, одна женщина даже приподняла автобус, придавивший её ребёнка, и спасла своё дитя!

Я тоже проявила необычайную находчивость и впала в ступор, поэтому плохо помню, что было дальше.

– А-а... Разве я... разве мы... разве тёща... мне спать пора. Вот пирожное доем, и сразу спать. И мы очень скоро увидимся в салоне, всего вам хорошего...

Выход я нашла быстро, но не с первого раза, а сначала потыкалась в дверь туалета, потом попала на кухню.

Интересно, останемся ли мы с Ларисой друзьями? Думаю, да. У нас с Женькой однажды был один общий мужчина – мой муж Денис. Там у них что-то вышло, случайно или специально, я не выясняла. Нет, сначала-то я сказала Женьке – уходи вон из моей жизни, а потом подумала – как это «вон», нет уж, я не дура терять подругу с детского сада навсегда, и

сказала – подожди, не иди пока никуда.

Может быть, и с Ларисой так получится? Но даже если мы не останемся близкими людьми, я не вправе на неё за это обижаться, она всё-таки не старая моя подруга, а новая.

Не могла попасть домой в течение двадцати минут – консьержка, ставленник Лысого, в платках поверх дореволюционных тренировочных штанов, рассказывала мне, как весело ей было двадцать лет назад плавать буфетчицей на пароходе, совсем не то, что сидеть в подъезде, где у неё в принципе немного работы. Поэтому, когда мне станет скучно, она всегда может подняться ко мне поболтать.

Больно ударилась о беговую дорожку в прихожей. Начну бегать с понедельника. Чувствую себя неважно, но, может быть, ещё побегу, хотя глупо начинать спортивные занятия, если тебе нездоровится. Я могу приступить к занятиям в любое время, мне ведь не нужно никуда идти, беговая дорожка всегда ждет меня в прихожей.

Не могу записать, что сказала Женька насчёт того, что я вечно влипаю во всякие истории, и вот теперь жена Романа оказалась моей подругой Ларисой, хотя кто бы мог подумать!.. Не могу, потому что я принципиальный противник ненормативной лексики в письменном виде, и только культурно использую кое-что в устной речи – когда мне на но-

гу неожиданно падает беговая дорожка или Женька, Алёна, Ольга и ещё несколько самых близких мне людей очень уж распоясываются и требуется их резко одернуть. Но не в письменной речи!

Рассказала Женьке про развесёлую консьержку-буфетчицу. Женька противно хихикала и называла меня новой русской. Говорит, у меня все признаки – джип, парковка, консьержка. Пришлось её резко одёрнуть.

2 февраля, пятница, короткий, очень-очень грустный день

Не могла дожидаться вечера – в пять часов у меня консультация в салоне, а потом сразу же занятие с Ларисой.

Краткий план сегодняшнего занятия:

1. Будем исходить из того, что наша с ней дружба не страдает.
2. В жизни бывает всякое, и вот произошёл такой курьёзный случай.
3. Я не хочу разрушать её прекрасную семью.
4. А, наоборот, согласна осуществлять психологическую коррекцию их с Романом отношений, в том числе по части либидо.
5. Хотя мне очень горько, потому что я тоже его люблю, а не только она.
6. Но она первая его полюбила, поэтому что же делать...
...Не могу поверить, что меня выставили из салона как

собаку. (Почему как собаку? Выгонять собак ещё хуже, чем людей. Просто такое выражение.)

Я, как обычно, прошла в свой кабинет, но он почему-то был закрыт. Тогда я попросила у администратора ключ, но она, пряча глаза, проговорила виноватым голосом:

– Я не в курсе, что случилось, но... вот ваши вещи... – и протянула мне из-за стойки пакет. В растерянности заглянула в пакет. Там были: зеленая лампа, две чашки, две ложки, сахарница – для чаепития клиентов, салфетки – для плакания клиентов и меня, запас пористых шоколадок (две) для меня. А где же мои любимые чёрные туфли с пряжечками, в которые я переобувалась в кабинете?

– А что, меня переселяют в другой кабинет? Куда же? Не забудьте – мне нужны два одинаковых удобных кресла и стол, – беззаботно сказала я, стараясь не показать вида, что мне очень неприятно такое перемещение без совета со мной. (Использовала одну из труднейших психологических техник: если нас обидели, мы не должны надуваться как мыши на крупу (что такое на крупу, просто такое выражение?), а стараться вести переговоры по сути ситуации. Например, *Обидчик*: «Извините, что не узнала вас, вы поправились килограммов на десять!» *Наш ответ, в доверительном тоне*: «Знаете, моему мужу ужасно нравится, что он может с лёгкостью на меня положиться»).

Администраторша покраснела, мямлила что-то невразуми-

тельное, и я наконец догадалась, что меня хотят запихать в каморку за массажным кабинетом. Но оказалось, что все не так, совсем не так – меня выгнали! Выгнали с работы! И туфли мои любимые чёрные с пряжечками потеряли!

Когда у человека шок и он оказывается в отчаянном положении, без работы и без денег (зарплату в университете нельзя считать деньгами, а только чем-то вроде стипендии, когда родители кормят и одевают, а на стипендию ты считаешь себя независимым и ходишь в кино), так вот – этот человек всегда начинает думать о самых важных насущных проблемах своего нового положения. Так и я, плелась домой со своим пакетом с чашками и думала, что мне нужно срочно искать, где зарабатывать деньги, ведь мне необходимо содержать домработницу. Я просто не в силах поступить с Ириной Андреевной так жестоко... Я не очень внимательно слушала все-все про её жизнь, но точно помню – у неё нет больше никаких доходов, только ведение нашего с Мурой хозяйства. Придётся нам с Мурой сократить наши расходы на питание и одежду.

...Меня никогда ещё ниоткуда не выгоняли... Нет, один раз выгоняли – с урока физики за то, что я во время объяснения правила буравчика красила Ирке ногти. Лак был хорошенький, такой розовый.

Мне так ужасно стыдно, стыдно, стыдно! Чувствую себя жалким котом. (Хотя и котов выгонять нельзя, не только собак.)

Во дворе встретила Лысого. Пришлось сдержать своё обещание, данное неделю назад в расчёте на большую зарплату, и заплатить:

1. За форму для консьержки – фуражку и белый кружевной передник.
2. За парковку старикана.
3. За другие общественные нужды Лысого, кажется, хочет купить консьержке маленький телевизор.

Это были мои последние деньги... Господи, что же теперь будет? (Имею в виду с Ириной Андреевной.)

Пришла домой, собиралась рыдать и искать работу, но оказалось, что у меня дома теперь не дом, а плацдарм боевых действий, и сводка такова:

1. Позвонил Роман.

Роман меня любит, так и сказал: «Я тебя люблю». Ох! Эти слова всегда отдаются в животе таким приятным щекотанием...

2. Позвонила Алёна.

– Все идёт отлично, просто замечательно. Ты знаешь, эти долгоиграющие связи с женатыми – прямой путь к одинокой старости. А теперь Роману придётся выбирать, – сказала Алёна, – и лично у меня нет сомнений, кого он выберет, тебя или свою мымру.

Ой-ой-ой, неужели правда меня?! Алёна ко мне пристрастна? Или нет?

3. Позвонил Роман.

– Я звонил домой. Жена говорит, что дочка положила в карман мою фотографию. Смотрит на фотографию и говорит: «Папа меня не вырастил, а хочет бросить».

4. Позвонила Женька.

Сказала: «Какая серьёзная девочка с недетскими мыслями и выражениями».

– Что жена девчонке положила в карман, с тем она и ходит. Или жена вообще врёт, – цинично добавила она.

Какая Женька всё-таки приземлённая. А вдруг девочка и правда страдает, а я ничем не могу ей помочь...

Женька ничего не понимает, она развелась с Катькиным отцом, когда Катьке было полгода, и теперь нудит: «Катька-ПозвониПапе, КатькаПозвониПапе...» Просто чтобы у Катьки был отец.

Вечером пришёл Роман, мы с ним сидели на кухне и обсуждали ситуацию. Роман рассказывал, кто кому что сказал.

Жена (все ещё не могу поверить, что жена и моя подруга Лариса – одно лицо!) сказала: «Половины салона и ребёнка тебе не видать как своих ушей!». Мама Романа сказала: «Глупо менять своего родного ребёнка на чужого». (Чужая – это Мура.) Друг Романа сказал: «Хотя у жены и нелёгкий характер, но у твоей новой (новая – это я) может оказаться ещё хуже». Тёща сказала: «Буду являться к тебе во сне каждую ночь и очень строго укорять за все».

(Интересно, правда ли она умеет по своему желанию появляться в чужих снах? Очень надеюсь, что ко мне она не планирует приходить.)

Мы так долго все обсуждали, что я совсем перестала понимать, как все это вышло, – как будто, я как Алиса в Стране Чудес, выпила не из той бутылки, и я уже вовсе не я, а тону в серой мутной каше.

Мура обиделась, что мы с Романом вместо того, чтобы дружить с ней, закрылись на кухне и без неё упоённо обсуждаем состояние дел в его семье. Отказалась есть пельмени «Дарья», вызвала меня в коридор и принялась злобно шептать:

– Я хочу, чтобы ты была счастливая, а у тебя сейчас выражение лица, как у нашей классной, – как будто она позавчера выпила бутылку уксуса.

– Почему позавчера?

– Потому что уже успела отойти в мир иной.

Я сама виновата – Мура ужасно избалована и с младенчества считает, что мои гости – это её гости. Она никогда не интересовалась игрушками, ей хотелось только тихо постоять рядом с гостями, вроде она и не Мура, а такая тень. Мы про неё быстро забывали, да и что толку было её выгонять, она всё равно всегда могла подслушать...

Роман прямо с моей кухни позвонил жене (не верю, что это Лариса, а не дурной сон!), молча послушал, что она ему

говорила, расстроился и выбежал из дома с ужасным лицом. Я побежала за ним – посмотреть, что можно сделать, а когда вернулась, – Мура со мной не разговаривает. Через две-три минуты сказала:

– Давай-давай, бегай за ним по улице, может, удастся поймать и вытереть ему слезы!

– Ты совсем как твой отец, не понимаешь тонких душевных движений!

(Никогда нельзя говорить плохо о втором родителе, кроме тех случаев, когда у тебя сдали нервы, а у меня они как раз сдали.)

Я воспитала Муру жестокой девочкой! Но, может, она просто не достаточно хорошо знает Романа, поэтому не прониклась его проблемами.

Я уже совсем ничего не понимаю, а Женька – Женька говорила со мной очень едко. Сказала, что Роман её достал. Что какого черта он мне сообщает всякую х... Что он все на меня перекладывает. Женька сказала – я дура. Не могу с этим согласиться. За что она так не любит Романа? Она же никогда его не видела. А-а, знаю. Это просто ревность. Одно дело мы с ней обе без мужей и самые близкие подруги, и совсем другое – если у меня любовь, и Роман мне почти так же близок, как она.

В конце разговора Женька назвала Романа (неприятно писать) «этот заплаканный мудака». Я уверена, что это Мура

нажаловалась.

Из-за этой дуры Женьки спала в уютной пижаме.

3 февраля, суббота

Этот день – самый горький в моей жизни, имею в виду не вообще, а в любовной жизни.

Перед первой лекцией встретились с Романом в Летнем саду, Роман был очень нежный и задумчивый. Я сказала, что мне его ужасно жаль.

– Ты предлагаешь расстаться? – со странной готовностью спросил Роман. – На время, пока всё уляжется...

Я очень удивилась, потому что я, наоборот, думала, что сейчас он скажет – хочу быть всегда с тобой (и Алёна была в этом совершенно уверена, и Ольга, и все).

– Нет, я...

Хотела объяснить ему про взрослую любовь, и про сознательный выбор, и что мы сможем преодолеть все сложности с детьми – у нас обоих хватит сил любить и его дочку, и Мурку, – но через десять минут начиналась лекция.

Роман проводил меня до дверей университета.

– Ну, я пошёл? На время, мы расстаёмся на время...

Я не могла поверить, что он так взял и ушёл, без всяких прощальных поцелуев, слез и обещаний.

Меня бросили?.. Кажется, меня бросили...

Если бы сегодня не стало известно про новый поворот в деле арестованного олигарха, мне было бы невыносимо горько, а так за общественно-политическими проблемами я немного отвлекалась от своей драмы. Несколько преподавателей на кафедре были настроены очень сердито, махали руками и говорили разные страшные слова вроде «засилье питерских чекистов», «начало тридцать седьмого года».

Чувствовала себя единственной защитницей президента в стане врагов. Всё-таки я училась с ним в одной школе, а это так просто не сбросишь со счетов!

Оправдывалась, заискивающе улыбаясь, как бывает, когда твой близкий родственник сделал что-то, что всем не нравится, а ты испытываешь двойственные чувства, с одной стороны, в общем-то, согласен, а с другой стороны – все же родственник и если уж ты сам прилюдно его осудишь, то как же?! Ещё у меня мелькала мыслишка вроде «дядя большой, дядя знает». Может быть, во мне говорит наследие крепостного права – пусть бы президент и правда все знал и всегда был прав!

Все это неприятно и настораживает.

Во время обсуждения мне позвонила мама, и я хотела рассказать ей, что мои коллеги думают про Путина. И вдруг меня остановил какой-то смутный внутренний цензор – а вдруг по телефону НЕЛЬЗЯ?

А вдруг про Путина плохо – НЕЛЬЗЯ? А вдруг про Путина **ВООБЩЕ** НЕЛЬЗЯ?

Мысленно сочинила письмо к президенту.

«Дорогой Путин! Мы учились с тобой в одной школе, танцевали в одном и том же зале, нам ставили двойки одни и те же учителя! А сейчас мне как-то неловко! Пожалуйста, сделай так, чтобы...»

А вдруг уже НЕЛЬЗЯ УПОМИНАТЬ ЕГО ИМЯ ПРОСТО ТАК? Ой, мамочки!

На лекции спросила студентов, как они относятся к новому повороту в деле опального олигарха, а студенты ответили, что они не знают, кто это. Но они за президента, а всех олигархов было бы неплохо приструнить, хотя, конечно, они совсем не знают, о чем идёт речь.

В конце лекции получила эсэмэски. Решила, Роман просит прощения. От волнения не могла прочитать, попросила девочку с первой парты. Девочка прочитала. Оказалось, что это подтверждение того, что мы расстаёмся, но, несмотря на это, он меня любит, но пока звонить не будет. Ужасно неловко – получилось, что я поделилась своей личной жизнью со студентами. Хорошо, что сегодня на занятиях присутствовало человек сто десять не больше.

Как назло, была очень сложная тема – «теории мышления». Я сама эти теории до конца не понимаю. В конце лекции осторожно спросила, есть ли вопросы. В конце концов, всегда можно вывернуться, соврать что-нибудь или сказать «Вам это ещё рано знать».

Встала отличница в очках с первой парты, та, что читала мне эсэмэски.

– У меня вопрос... Что вообще делать, если тебя бросили? Это я для подруги спрашиваю.

Я немного подумала, каковы мои личные планы в связи с тем, что Роман меня бросил:

1. Покурить у Зимней канавки.
2. Купить в булочной правильный ностальгический торт с жёлтыми кремовыми розами и съесть его в машине.
3. Собрать вечером девочек и как следует разрыдаться прямо в прихожей.
4. Приготовить для них пиццу, они не обязаны голодать из-за того, что у меня несчастье.
5. Само собой, скрыть все от мамы (потому что, по-маминому, если я бросила – жизнь идёт правильно, а если меня бросили – у мамы трагедия, а мы с Мурой – две мгновенно бедные, никому не нужные сиротки).
6. И от Муры (отправлю Муру в кино, плакать и страдать при маленьком ребёнке непедagogично, малышу требуется мать, которая уверенно идет по жизни).
7. Обсудить с Женькой, что моя жизнь не удалась, потому что я безответно люблю Романа. И что мне, одинокой безработной новой русской, делать с оплатой парковки, консержки и домработницы.

– Я знаю, что делать, – вдруг осенило меня. – Во-первых,

ни в коем случае не стесняться того, что нас бросили. Почему-то всем кажется, что когда их бросают – стыдно. Это неправильно. Глупо стыдиться за других, ведь это не мы совершили предательство, а совсем наоборот. Как будто куда лучше бросить самому – забежать вперёд и успеть предать первее! Во-вторых, необходимо немедленно начать укрупнять и наращивать личность.

– Мускулатуру наращивать? – заинтересовался мальчик с задних рядов.

– Нет, личность!

– Какую ещё личность?!

Задержались на полчаса, выясняли, как именно наращивать и укрупнять. Не в «Планете Фитнес», а в библиотеках, музеях, консерватории. Ещё хорошо в детском доме помогать или стареньким людям. Чтобы нас бросили, а нам хоть бы что, мы у себя есть!

Кстати, может быть, и неплохо, что меня выгнали из салона. Хватит зарабатывать деньги халтурой, напишу-ка я лучше докторскую диссертацию.

Я покурила у Зимней канавки, глядя в воду, позвонила Алёне и Ольге. Ирка-хомяк в принципе не имеет права присутствовать на таких мероприятиях, потому что не является подругой Алёны и Ольги, но её близкие отношения с Мурой дают ей равные с ними права участвовать в моей жизни. К тому же некрасиво дать ей повод расстраиваться и думать,

что все самое интересное в моей жизни проходит мимо неё.

В пять часов я пришла домой с тортом (один маленький тортик, согласно плану, съела в машине) и начала готовиться к утешительно-ободряющему визиту девочек. По поводу пиццы оказалось, что дома нет ни сыра, ни колбасы, и теста тоже нет. Решила вместо пиццы угостить девочек тортом.

Съела торт. Решила вместо торта подмести девочкам пол в прихожей и в коридоре.

Я подметала пол вместе с Саввой Игнатъичем, примостившимся на венике, а по коридору навстречу нам торопился Гантенбайн. Совсем забыла сдать его в зоомагазин, и вот теперь он остался с нами навсегда...

В пять минут седьмого позвонила Алёна, у неё неприятности.

Сегодня утром она напрямую сказала Никите, что он проявляет к ней мало сексуальной любви и халтурит по субботам, а ведь они твёрдо договаривались насчёт суббот. Столкнула его с кровати – просто не рассчитала силу. Никита с пола жалобно сказал: «Вот ты спроси, спроси у психолога (у меня), она (я) тебе скажет, что со мной нельзя так обращаться!» Алёна, в сущности, звонила по делу – подговаривала меня сказать Никите, что можно.

Алёна сказала, что настроение у неё хоть в гроб ложись, совершенно не может никого видеть и скоро придёт, уже на-

тягивает новые джинсы «Calvin Klein».

В двадцать минут седьмого позвонила Ольга. Она была в крайнем раздражении – Вася опять опозорился (все ещё период Лежачего, Вася на плохом счету). Он сказал, что не видит никакой разницы между аксельбантом и аквамарином: и то, и другое звучит как название кошачьего корма.

– Скажи мне как психолог – он идиот? Каждый знает, что кошачий корм – это «Вискас»!

– Идиот в переносном смысле или в физиологическом? – уточнила я. – Какая у него форма головы, гидроцефалическая или треугольная?

– Форма головы у него как у идиота, точно тебе говорю.

Ольга сказала, что из-за аксельбанта и аквамарина окончательно склоняется в пользу Димочки и почти что рассталась с Васей; правда, сам Вася этого не заметил.

Убеждала Ольгу, что Вася не обязан все знать. Мои студенты, например, не знали слов «маргинал», «апартеид» и «десерт». Или я – прошлой зимой ужасно удивилась при виде текущей из батареи воды, но откуда я могла знать, что там, внутри батареи, вода?! А Вася наверняка знает, где у него что течёт.

– А ты, ты сама хороша! – радостно закричала я. Всем известно, что я за мир, за простые жизненные ценности и за Васю. – Кто на прошлой неделе опозорился в ресторане!

В прошлую среду Ольга была в каком-то дорогом баре

вместе со знаменитыми киноперсонами, не помню с кем (никогда не понимала, почему я должна интересоваться чужими людьми, которые совсем не интересуются мной). И одна киноперсона потребовала у официанта сомелье.

– У нас нет сомелье, – сказал официант. – Извините.

– Как это нет сомелье, так не бывает! – рассердилась персона. – Я немедленно желаю сомелье!

– Сказал же, нет у нас сомелье!

Так персона с официантом пререкались и пререкались, а Ольга, как девушка незлобивая (если не касается Васи), примирительно сказала официанту:

– Ну дайте вы ему это сомелье, из соседнего ресторана принесите, если у вас нет... Не видите, человеку хочется только сомелье, и всё!

Когда тебе очень плохо, хочется сделать другому больно, поэтому я безжалостно продолжала:

– Кто не знал, что сомелье вовсе не вино, а главный по винам? А?! А говоришь, Вася – идиот...

Ольга быстренько свернула разговор, сказав, что ей надо срочно дописать материал и выходить ко мне. Чистое вранье, просто ей стало неловко за то, что она не помнит форму Васиной головы.

После разговоров с девочками кто-то злобный во мне прямо-таки встрепенулся – не у меня одной все плохо, у других людей тоже кое-что идёт не так! Интересно, все люди чуть-

чуть приободряются при чужих неприятностях, и я обычный человек, которому ничто человеческое не чуждо, или же я – злобная нелояльная гадина? Почему именно я? Но я ведь не желаю Алёне, чтобы Никита проявлял к ней мало сексуальной любви, просто испытываю чувство солидарности – у нас обеих проблемы, не только у меня.

В семь часов Мура убежала в кино, а ко мне пришли Алёна, Ольга и Ирка-хомяк. Алёна принесла много вкусной еды (салат оливье, авокадо с креветками, медовый торт от «Денисова и Николаева»), Ольга кассету «Москва слезам не верит», а Ирка-хомяк – крем для морщин. Ещё Ирка сказала, что раз у меня такая драма, она мне уступает беговую дорожку навсегда.

Девочки расспрашивали, как мы расстались, что сказал Роман, а что я, а что он, а что я.

Всем (кроме, конечно, Женьки) собираюсь преподнести все так, как будто я первая его бросила. И Денису с Аллой тоже небрежно скажу: «Бросила я своего Романа». Они спросят, почему, а я так – а-а, надоел!

Понимаю, что врать глупо, хотя никто же не узнает... Но самое сильное чувство, которое я сейчас испытываю, это стыд. Жутко стыдно – я всем наговорила, какая у нас неземная любовь, а вышла самая обыкновенная пошлость, и я вышла дура!

Решила, не признаюсь ни за что. Скажу всем, что слишком

все сложно, и я сама не хочу...

Соврать не вышло, потому что девочки очень на меня наседали, а я не придумала, почему это я сама не хочу. Пришлось сначала сказать полуправду, что немножко я его бросила, немножко он меня, но он меня больше. Потом пришлось сказать правду. Все меня любили, кормили тортом и говорили:

– Роман ещё пожалеет...

– Он уже жалеет...

Было приятно.

Около десяти за Иркой зашёл Пётр Иванович, и мою драму тут же заслонил новый поворот в деле опального олигарха. Пётр Иванович – представитель крупного капитала (у него сеть магазинов «Ортопедические стельки», пока небольшая, из одного магазина в Свечном переулке. Но Пётр Иванович очень серьезно продвигает свой продукт на рынок,! и даже заставил меня сделать ему историческую справку про стельки – «Ортопедические стельки – мифы и реальность»), так вот – Пётр Иванович смотрел на дело мрачно и сказал нам с Иркой: «Ну и что, вас этому в школе научили – подавлять крупный бизнес?» Я ответила, нет, ничему такому не учили, только химии углубленно, а остальные предметы как у всех... но Пётр Иванович все равно сердился, а Ирка сидела и боялась, что это повлияет на её семейную жизнь.

Ирка не хотела уходить, упиралась и жалобно оглядывалась, точь-в-точь как Савва Игнатьич, когда его тащат за шиворот, но Пётр Иванович очень решительно повёл её домой – ругать за то, что она училась в неправильной школе.

После Иркиного ухода Алёна с Ольгой окончательно забыли, зачем собрались, и принялись обсуждать новую телеверсию «Саги о Форсайтах».

– Я люблю Сомса! Как я люблю Сомса! – закричала Ольга. – Он именно такой мужчина, за которого я должна была выйти замуж! И заметьте, в финансовом плане он тоже состоялся, не то что Вася, и тем более Димочка...

– Слушайте, может быть, я не понимаю, – робко вступила Алёна. – Мне кажется, что Ирен делала из мухи слона, подумаешь, почему это она не могла с ним спать! Он сам ей предлагает, а она отказывается! Прямо, распущенность какая-то, правда, девочки?

Ольга сказала, что она разочаровалась в мужчинах, и в ближайшее время собирается стать феминисткой, и, возможно, даже лесбиянкой вроде Сафо. (Вася, кстати, точно не знает, кто такая Сафо, думает, это актер иностранных фильмов.)

В журналах, куда Ольга пишет рецензии на фильмы, теперь хотят от неё не умную рецензию, а только сплетни. Ольге зарубили потрясающую рецензию на фильм с Хью

Грантом, вместо рассуждений велели написать две строчки о фильме, а потом – десять заповедей Хью Гранта, и плюс к этому про его вкусы в одежде. И ещё сказали, что материалы должны быть короткими, потому что эти журналы читают мужчины, а они не могут прочесть длинный текст, а только короткий, как заячий хвостик.

– И у кого ум короток?! – трагически вопрошала Ольга. – Да, побуду немного феминисткой, потом стану лесбиянкой... – Ольга кокетливо прижалась к Алёне и вдруг как зарычит: – Слушайте, девчонки, опальный олигарх такой красавец!

По-моему, ей пока не грозит стать лесбиянкой – всё-таки Ольга очень не любит совершать над собой усилия.

Когда все ушли, разговаривала с Женькой и ужасно много курила.

– Нам повезло, что он не явился к тебе с чемоданом и клетчатым узлом, – сказала Женька, – на хрена он тебе нужен с такой бойкой тётшей и женой в анамнезе.

Злая Женька, злая...

Во время нашего разговора кто-то все время шнырял у кухонной двери, наверное, Мура подслушивала.

5 февраля, понедельник

День был никакой – печальный, опять много курила, улеглась спать в девять вечера. Мура мерила мне температуру,

температура 36,5, пониженная, – сильная слабость.

Я никак не могла заснуть. Одолевали печальные мысли, к тому же от беспрестанного курения внутри было противно, как будто я съела пачку сигарет. Вспомнила выражение «У каждого свой ад», и вовсе не Бог нас туда посылает, а сам человек создаёт для себя маленький уютный ад на свой личный вкус. Я не буду плакать, злиться и создавать себе свой ад.

Ревела. Я совсем-совсем одна, вообще одна во всей Вселенной. И мне как-то больно в голове, в горле, в груди и в животе.

В десять позвонила мама, ругала меня за какую-то Мури-ну двойку и ещё за что-то – за всё.

– У Муры двойка, у тебя непростительное легкомыслие... а ещё у Муры утром были рези в животе...

– Мама, пока! – Чувствую, что не могу с ней больше разговаривать.

– Нет, не пока, не пока! У Муры двойка, у тебя вчера опять болела голова, я тебе говорила, нужно принимать одновременно цитрамон и спазмолгон, разжевать, не запи-вая... а у Муры непростительное легкомыслие... говорю тебе, цитрамон нужно разжевать, а ты наверняка глотаешь...

Неужели мама совсем не чувствует, как мне плохо? Наверное, меня подменили в роддоме.

Ну что сегодня за день такой несчастный! Только я немножко забылась сном, пришла Мура в пижаме и бигуди. Подкралась тихонечко, а когда заносила ногу, чтобы залезть ко мне в кровать, уже рыдала в голос: «У-у, а-аа, уу-у!»

Я умоляла, чтобы Мура сказала, в чем дело, – двойка или неприятность с каким-нибудь мальчиком, или же она хочет новое пальто, и когда я уже совершенно изнемогала от ужасной неизвестности, Мура вдруг резко прекратила подвывать и сказала спокойным, наглым от страха голосом (я такой её голос хорошо знаю, она им с детства пользовалась для признаний в чем-нибудь строго запрещённом):

– Я легко могла бы тебе не говорить... но я скажу, потому что я очень честная. – Мурка замолчала. – Я же не хотела, чтобы ты плакала, и чтобы ты осталась без работы, тоже не хотела...

– Мура, не интригуй ночью и не заставляй себя упрасивать. Быстро признавайся, а то я тебя укушу.

Мурка ещё немного покривлялась, села в постели и как-то приосанилась, потом укатилась в самый угол и протрубила в подушку:

– Это всё из-за меня... Я во всем виновата... Из-за меня ты с этим рассталась, и с работы тебя уволили... Ты думала, я не знаю, а я всё подслушивала...

– Я и не сомневалась, что подслушивала. Но почему из-за тебя?

Ребёнок рехнулся от моих историй!.. Мама права, я пло-

хая мать, и Женька тоже права – я дура...

– Тёща – это Серёжка...

– Какой Серёжка? – машинально спросила я, хотя нужно было спросить, какая тёща. – Тебе что-то приснилось, Мурочка? Давай будем уже спать...

– Серёжка Плетнёв...

Если бы после сегодняшнего дня у меня ещё оставались моральные силы, я бы в возбуждении вскочила и помчалась по беговой дорожке, а так я только слабым голосом спрашивала, совсем как девочки сегодня вечером: «А ты... а он... а ты что?..» Удивительная, невероятная история, в которую просто невозможно поверить!

Мура утверждала, что:

1. Тёща Романа, которая сначала звонила в шкаф, а потом мы с ней подружились и обсуждали разные вопросы семейной жизни (точно припоминаю, что речь шла о мотороллерах).

2. Тёща, которую я считала второй Нинон де Ланкло за неожиданный интерес к безопасному сексу.

3. Тёща, которая говорила со мной хриплым басом (думала, может, она курит), – эта обеспокоенная семейной жизнью дочери пожилая женщина оказалась Муркиным одноклассником Серёжкой Плетневым.

– Ты что-то путаешь, Мурочка. Тёща – совершенно взрослая пожилая женщина, спрашивала меня про измену... и ещё рассказывала, как детям плохо, когда родители разве-

лись... – мягко сказала я.

(Бедный ребёнок сошел с ума.)

– ...Мальчики твоего возраста не интересуются такими взрослыми проблемами. Ты ошиблась, Мурочка, иди спать, а завтра мы с тобой пойдем к доктору...

Мура отмахнулась.

– Насчёт измены – так это ему Танька изменила, она сначала с Серёжкой в кино ходила, а потом стала с Максом встречаться... И в прошлом году у него родители развелись, вот он и говорит, что детям плохо...

– Но зачем, Мурочка? – тупо спросила я. – Зачем вы это сделали?

Мура спряталась под одеяло с головой, и мне пришлось к ней поскрестись.

– А зачем ты замуж собиралась? А?! – бормотала Мурка из-под одеяла.

– Ты сошла с ума, Мура, как я могла собираться замуж за женатого человека?

– А кто говорил: «У нас всё серьёзно»? Кто говорил: «Всё может случиться». Пушкин, что ли?

– Мура, не говори пошлостей.

– Сначала, видите ли, у папы ребёнок будет, – распалилась Мурка, высунувшись наружу. – Кроме меня будет ещё неизвестно кто! А вдруг папа его больше будет любить? А потом и ты – замуж?! И тоже мне кого-нибудь родишь? – Мура воинственно выпрямилась, и в её голосе явственно слышались

лись истерические нотки. — А я как же, позвольте спросить?
Меня куда денете? Я ещё ребёнок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.